

ранее заготовленные знания/сведения о деталях) и получают конкретное наполнение в процессе приспособления фрейма к определенной ситуации [9, с. 8].

Фреймы, по мнению М. Минского, взаимосвязаны друг с другом. Группы семантически близких фреймов объединяются в иерархически упорядоченную систему, которую образуют *субфреймы* (часть более крупного фрейма), *фреймы* и *суперфреймы* (иерархически упорядоченные элементы, выстраивающие системы фреймов) [9, с. 7].

Взяв за основу эту идею, ученые различных областей науки адаптировали ее применительно к своей области исследования, что привело к появлению целой терминологической парадигмы структуры фрейма.

Попытаемся описать и проанализировать предлагаемые варианты фреймовой структуры. Большинство работ, в которых используется категория фрейма, можно разделить на несколько групп, каждая из которых придерживается своего варианта фреймовой структуры, опираясь на специфику исследуемого материала.

I. В первую группу входят последователи М. Минского, четко придерживающиеся разработанной и описанной им структуры фрейма. К их числу можно отнести А.Р. Джигарханова [5], Т.А. Дубовую [6], С.Б. Уланову [14], О.В. Чурсина [17], Е.И. Шейгал и М.Р. Желтухину [19] и др. В своих работах авторы используют практически всю терминологию фреймовой структуры, предложенную М. Минским (*узлы/слоты, терминалы, задания-отсутствия, субфреймы*). При использовании данной терминологии они опираются и ссылаются на определения М. Минского.

Анализ исследований данной группы показывает, что, описывая лексикализованную вербализацию того или иного фрейма, ученые представляют и определяют его структуру в следующих терминах:

1. Если материал недостаточно объемный и сложный (с точки зрения наличия различных взаимоотношений и связей между элементами внутри иерархической структуры), то для моделирования фреймовой структуры достаточно использование понятий *узел, слот, терминал*. *Узел* рассматривается как «опре-

деленное понятие» [5, с. 24] или «некоторый тип / часть информации» [19, с. 146]. Часто вместо данного термина используется синонимичный ему термин *слот* (Е.В.Старостина[12],С.Б.Уланова[14]и др.).В этом случае *узел / слот* приобретает определенное имя, задающее параметр (например, слот «пол» во фрейме «политик» [19]) и формируется по смысловому принципу. Исходя из иерархичности фрейма, *слоты/узлы* могут подразделяться на *верхние/обязательные* и *нижние / факультативные* и,соответственно,в зависимости от этого размещаться внутри структуры на верхних или нижних уровнях. *Верхние/обязательные слоты* передают типовую,конвенциональную информацию,а *нижние / факультативные* –специфические черты,реализуемые в конкретнойситуации или уточняющую информацию применительно к определенному фак-ту действительности. Каждый *узел / слот*, в свою очередь, представлен набором реализующих его в языке единиц, в качестве которых могут выступать отдель-ные лексемы (например, у фрейма «предавать» слот «субъект поведения» пред-ставлен лексемой «враг» [12, с. 13]), их признаки (например, во фрейме «саныон» терминал «walls» наполнен реализующими его признаками «steep, high, low» [6, с. 35]), элементы ситуаций (в виде словосочетаний) (например, во фрейме «предавать» слот «общая оценка» реализуется через «часто ранит ду-шу» [12, с. 14]). Количество слотов / узлов соответствует количеству элементов, выделяемых в анализируемом фрагменте.

Некоторые авторы, для которых важно подчеркнуть четкое разграничение верхних и нижних уровней во фреймовой структуре, разделяют узлы на *слоты* – определенные понятия, заданные в явном виде, и *терминалы* – незаданные в явном виде узлы [5, с. 24].

2. В случае описания и анализа достаточно сложного (с точки зрения структуры) и многогранного материала исследователи включают в используемую терминологию понятие *субфрейма*, понимая под ним «часть фрейма» [19, с. 146] или «подструктуру фрейма» [5, с. 24]. Субфрейм также имеет свое имя или название, представлен слотами (определенными тематическими группами), которые, в свою очередь, наполнены реализующими их языковыми элементами.

Например, описывая идиостилию с точки зрения фреймового анализа, И.А. Тарасова во фрейме «искусство» выделяет в качестве одного из субфреймов «музыка», который представлен рядом слотов (слот «имена исполнителей»), реализующихся через ряд единиц («Орфей») [13, с. 44].

В сложно организованной фреймовой структуре слоты сами могут становиться субфреймами или фреймами и образовывать свои подструктуры.

В поле внимания исследователей данного подхода попадают разные группы лексических единиц (терминология, группы глаголов и т.д.), анализ которых в русле фреймового подхода, с точки зрения авторов, является достаточно продуктивным именно благодаря наличию у фрейма такого свойства как иерархичность, динамичность и возможность представлять исследуемый материал в виде четко организованной, наглядной структуры, в которой все элементы занимают определенное место и взаимосвязаны друг с другом.

II. Вторую группу образуют исследователи, оперирующие двумя терминами фреймовой структуры – *фрейм* и *слот* (А.А. Кибрик [7], С.М. Хантимиров [16] и др.). В их работах представлена «слотовая структура» фрейма [7, с. 63]. Конкретное определение слота не дается, однако анализ работ показывает, что он имеет имя, задающее параметры явления / ситуации, и наполняется различными знаниями о данном параметре, в качестве которых могут выступать определенные признаки языковых единиц или сами языковые единицы. А.А. Кибрик отмечает, что слот, в свою очередь, тоже может быть фреймом и иметь слотовую структуру [7, с. 65].

Как мы видим, в данном случае за основу берется «упрощенный» вариант структуры с идеей ее поэтапного заполнения по мере появления различных знаний. Данный вариант фреймовой структуры возможен при описании и исследовании определенных ситуаций / сценариев (например, анализ интервью [7]).

III. Другой терминологией, моделируя фреймовую структуру, пользуются представители третьей группы исследователей, работающие с категорией фрейма (И.А. Громова [3], Ю.Н. Рогачева [11], И.Р. Шведова [18], Т.В. Яскевич

[20] и др.). Они занимаются выстраиванием фрейма определенного языкового материала в виде когнитивно-пропозициональной структуры, определяя пропозицию как языковой коррелят фрейма, его операциональную единицу. Данный подход накладывает отпечаток и на терминологию фреймовой структуры. С точки зрения исследователей, фрейм выглядит как иерархически организованная пропозиция, в которой выделяются верхний и нижний уровни, отражающие облигаторные / универсальные и необлигаторные / индивидуальные понятия [18, с. 109; 20, с. 198]. *Пропозиция* (языковой коррелят фрейма) представлена рядом составляющих / компонентов. *Компонент пропозиции* – это тот или иной аспект актуализации фрейма исследуемой ситуации; представление об участниках ситуации и важных факторах структуры действительности; определенные структуры знания о ситуации, выделяющие важные для говорящего признаки. Он имеет свое имя, обозначаемое, как правило, заглавными буквами. Каждый компонент, в свою очередь, наполнен вербализующими его в языке лексическими единицами.

Проиллюстрируем данное описание на примере исследования Т.В. Яскевич [20]. Автор выстраивает фрейм «выбор» в виде пропозиции, в которой выделяется ряд компонентов (облигаторные компоненты ВЫБИРАЮЩИЙ, ВЫБИРАЕМОЕ, МОТИВ, ЦЕЛЬ и необлигаторные компоненты – ФИЗИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ, ВОСПРИЯТИЕ), вербализованных в языке определенными лексическими единицами (в данном случае глаголы со значением «выбор» - choose, select, pick out и др.) [20, с. 200].

Анализ представленных в данном подходе работ свидетельствует о том, что моделирование пропозициональной структуры фрейма лучше всего подходит для исследования глаголов (так как глаголы – «компактные наименования ситуации и структур деятельности... тянут за собой представления об участниках ситуации и важнейших компонентах обозначенной структуры действительности» [20, с. 36]) и событийных фреймов (предполагают наличие участников и компонентов события).

IV. В отдельную группу можно отнести исследователей, которые берут за основу идею М. Минского, но наделяют фреймовую структуру своей «особой» терминологией. Одним из представителей данной группы является В.Ф. Новодранова [10], занимающаяся когнитивным изучением медицинской терминологии. Автор также моделирует фрейм как иерархическую структуру, включающую верхний и нижний ярусы. Ярус получает в ее трактовке название *блок* – базовое понятие определенной области знаний [10, с. 14]. Блок наделяется именем, формируется на основе тематического принципа и представлен языковыми средствами выражения понятия (в данном случае в качестве языковых средств выступают лексемы-термины). Иерархическая структура фрейма предполагает выделение в случае необходимости *подблока* – часть блока. Другими словами, фрейм «Антибактериальная терапия», в терминологии В.Ф. Новодрановой, может быть выстроен как структура блоков (например, блок «Микроорганизм / возбудитель»), каждый из которых реализуется определенными языковыми средствами (например, *Colibacillus*, *Pleugococcus* и др.).

С нашей точки зрения, исследования в русле данного подхода можно называть когнитивными и выполненными в рамках фреймового анализа с определенной долей условности. По сути дела здесь можно наблюдать заимствование только самой идеи об иерархически организованной структуре и термина «фрейм», наполнение и реализация этой идеи чаще всего происходит в рамках других (некогнитивного) подходов, в результате чего используется обычная для любой структуры терминология.

V. Особую группу образуют исследователи, работы которых базируются на теории метафорического моделирования (Н.Ф. Алефиренко [1], А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский [2], Л.А. Липилина [8], Т.В. Филиппенко [15] и др.). Используемая ими терминология фреймовой структуры наполняется особым содержанием в силу специфики анализируемого материала. Исходя из понимания фрейма как концептуальной структуры со знаниями о типичных ситуациях, объектах и способах поведения, в составе фреймовой структуры выделяют *слоты* – компоненты/элементы/части описываемой ситуации; определенные

аспекты ее конкретизации, имеющие названия и заполненные определенным концептуальным содержанием (например, в качестве слотов могут выступать начало / место / время / результат действия). Другими словами, это элементарные смысловые ячейки, заполняемые определенной информацией [1, с. 280]. При необходимости отображения более разветвленной структуры фрейма вводится термин *подслот* – часть слота, обладающая всеми его признаками (также имеет имя и наполнен определенным содержанием).

Так как в сферу внимания большинства исследователей данного подхода попадает изучение и описание в русле теории фреймовых механизмов взаимодействия лингвистических и экстралингвистических знаний при формировании и восприятии актуального значения фразеологизмов, то в терминологический аппарат моделирования фреймовой структуры входят такие понятия, как *исходный фрейм* – первоначальное знание, на основе которого происходит процесс формирования и преобразования фразеологического значения, и *результатирующий фрейм* – результат данного процесса; актуальное фразеологическое значение.

Проиллюстрируем вышеизложенное на материале примера, рассматриваемого в работе А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [2]. Формирование значения фразеологизма «голубая кровь» произошло за счет того, что в исходном фрейме «человек» у слота «кровь», включающего в свой состав подслот «цвет» (заполнен содержанием «красный»), происходит замена содержания данного подслота на нехарактерное содержание «голубой», в результате чего рождается необычный семантический эффект «экстраординарный человек» с последующим образованием актуального фразеологического значения «человек дворянского, аристократического происхождения» [2, с. 30].

Данная терминология хорошо применима именно к анализу фразеологического материала, так как позволяет более подробно, наглядно и глубоко описать и показать все модели образования и преобразования актуального фразеологического значения.

VI. Фреймовый анализ с моделированием фреймовой структуры можно применять и при изучении реального психологического значения, которым

оперирует носитель языка. Это возможно осуществить, используя методику моделирования семантической, фреймовой и концептуальной структур фразеологизма, разработанную автором данной статьи (подробнее см. [4]). В данном случае, с нашей точки зрения, при моделировании фреймовой структуры фразеологического значения возможно использование следующего варианта терминологического аппарата:

1. Во фреймовой структуре выделяются *субфреймы* – уровни, представляющие собой набор тематически единых признаков, – являются цепочками иерархически расположенных слотов. Субфреймы выстраиваются в структуре в порядке частотности упоминаемых испытуемыми слотов каждого субфрейма и в соответствии с движением от «стабильных признаков к нестабильным».

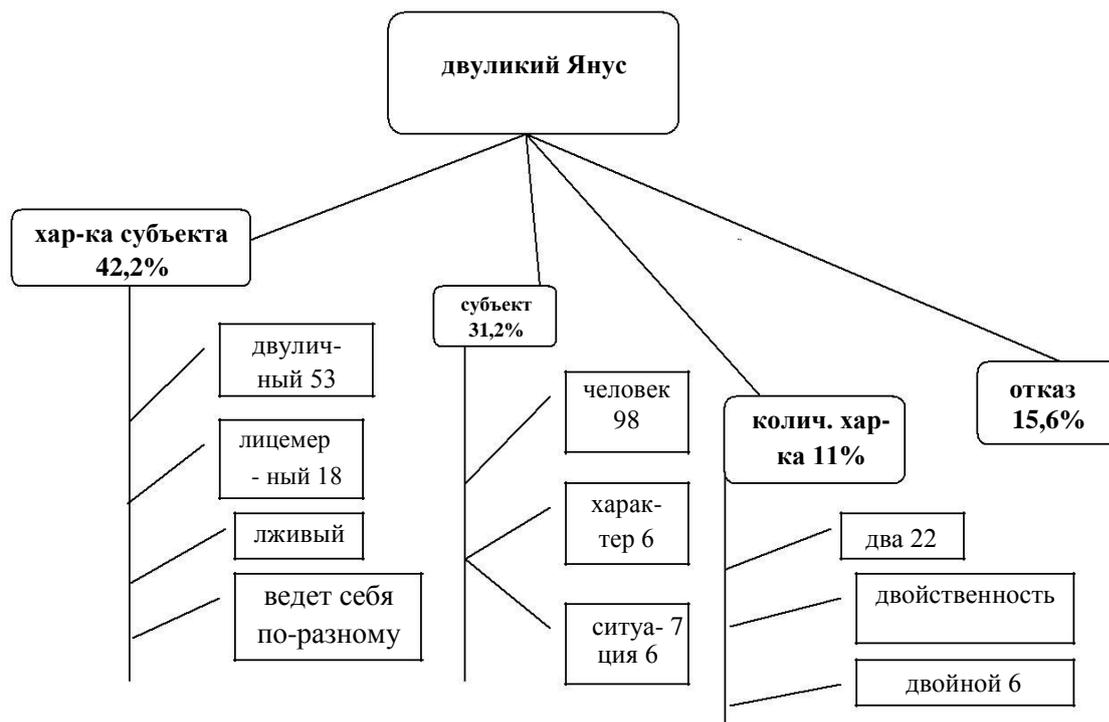
2. *Слоты* объединяются в тот или иной субфрейм по тематическому принципу. Каждый слот является формой выражения определенного когнитивного признака (может быть выражен отдельным словом или словосочетанием), причем несколько слотов могут служить отражением одного признака.

Продемонстрируем на практике описанный выше вариант фреймовой структуры.

В результате обработки полученных в ходе эксперимента данных во фреймовой структуре фразеологизма **двуликий Янус** можно выделить несколько субфреймов и наполняемых их слотов (например, субфрейм «*характеристика субъекта*», объединяющий слоты «двуличный» (53), «лицемерный» (18), «лживый» (13), «ведет себя по-разному» (7) и т.д.; субфрейм «*субъект*», представленный слотами «человек» (98), «ситуация» (6), «характер» (6) и т.д.).

Схематически фреймовая структура фразеологизма **двуликий Янус** будет выглядеть следующим образом:

Данный вариант фреймовой структуры, с нашей точки зрения, оптимален в случае проведения экспериментов и моделирования на основе их данных фреймовых структур.

Проведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Использование категории фрейма при исследовании различного языкового материала приобретает особый интерес среди ученых-лингвистов.

2. Основоположник теории фреймов и разработчик терминологического аппарата фреймового анализа М. Минский дал толчок развитию категории фрейма и ее проникновению в исследования ученых различных областей науки.

3. В зависимости от качества и количества описываемых языковых явлений терминологический аппарат фреймовой структуры претерпевает определенные изменения в смысловом наполнении, что способствует появлению различных вариантов терминов и их смыслов, используемых при моделировании структуры того или иного фрейма.

4. В ходе анализа работ, в которых используется категория фрейма, были выделены вариации фреймовой структуры, которые демонстрируют различные взгляды исследователей на терминологический аппарат категории фрейма и его смысловое наполнение.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 21-27.
2. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Исследования по когнитивным аспектам языка: Тр. по искусственному интеллекту. – Тарту, 1990. – Вып. 903. – С. 20-36.
3. Громова, И.А. Когнитивные аспекты семантики юридического термина (на материале английской юридической терминологии) [Текст] / И.А. Громова // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: Сб. науч. тр. – Калининград: Калининград. ун-т, 1999. – С. 62-69.
4. Гусельникова, О.В. Комплексный подход к изучению значения языковой единицы (на материале фразеологизмов) [Текст] / О.В. Гусельникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 1(13). – С. 60-64.
5. Джигарханов, А.Р. Фреймово-тезаурусная характеристика системы железнодорожной терминологии [Текст] / А.Р. Джигарханов // Молодежное приложение к журналу «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета». – 2004. – № 3. – С. 22-41.
6. Дубовая, Т.А. Проблема несовместимости лексических единиц в терминах лексической семантики и семантики фреймов [Текст] / Т.А. Дубовая // Лингвистическая мозаика: наблюдения, поиски, открытия. – Волгоград, 1998. – Вып. 1. – С. 26-40.
7. Кибрик, А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога [Текст] / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 61-68.
8. Липилина, Л.А. Концептуальное моделирование метафорического значения [Текст] / Л.А. Липилина // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: Сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2001. – С. 121-128.
9. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
10. Новодранова, В.Ф. Когнитивные аспекты терминологии [Текст] / В.Ф. Новодранова // Матер. I Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова и др. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1998. – Ч. 1. – С. 13-16.
11. Рогачева, Ю.Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке [Текст] / Ю.Н. Рогачева. – Дис. ... канд. филол. наук: Рукопись. – Белгород, 2003. – 182 с.
12. Старостина, Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций) [Текст] / Е.В. Старостина. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 23 с.
13. Тарасова, И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля [Текст] / И.А. Тарасова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. – 2004. – № 1(31). – С. 163-169.
14. Уланова, С.Б. Фрейм как структура репрезентации знаний [Текст] / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. А. Манерко. – Рязань: Рязан. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2000. – С. 133-141.
15. Филипенко, Т.В. Внутренняя форма идиом в когнитивной перспективе [Текст] / Т.В. Филипенко // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 4. – С. 82-96.
16. Хантимиров, С.М. Фреймовая структура семантики слова [Текст] / С.М. Хантимиров // Вопр. филологических наук. – 2005. – № 2. – С. 67-69.
17. Чурсин, О.В. Когнитивно-фреймовый критерий классификации музыкальных терминов (на примере современного английского языка) [Текст] / О.В. Чурсин // Молодежное приложение к журналу «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета». – 2005. – № 1. – С. 36-41.

18. Шведова, И.Р. Фрейм-когниотип «Деловое письмо» (на материале корреспонденции на английском языке) [Текст] / И.Р. Шведова // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: Матер. всерос. науч. конф. Челябинск, 28-29 мая 2001 г. / Отв. ред. О.В. Демидов. – Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 2001. – С. 109-113.

19. Шейгал, Е.И., Желтухина, М.Р. Фрейм «политик»: серьезное и комическое [Текст] / Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухина // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.А. Манерко. – Рязань: Рязан. гос. пед. ун-та им. С.А. Есенина, 2000. – С. 145-150.

20. Яскевич, Т.В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке [Текст] / Т.В. Яскевич // Филология и культура: Матер. II-й Междунар. конф. 12-14 мая 1999 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова и др. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – Ч. 1. – С. 196-203.

Bibliography

1. Alefirenko, N.F. Phraseological Meaning: Nature, Essence, Structure [Text] / N.F. Alefirenko // Word Sides. – M: ELPIS, 2005. – P. 21-27.

2. Baranov, A.N., Dobrovolsky, D.O. Structures of Knowledge and Their Linguistic Representation in Idiomatic Meaning [Text] / A.N. Baranov, D.O. Dobrovolsky // Researches of Cognitive Linguistic Aspects. – Tartu, 1990. – № 903. – P. 20-36.

3. Chursin, O.V. Cognitive and Frame Criterion of Classification of Music Terms [Text] / O.V. Chursin // Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. Youth Supplement. – 2005. – № 1. – P. 36-41.

4. Dubovaya, T.A. The Problem of Word Incompatibility from the Point of View of Lexical Semantics and Frame Semantics [Text] / T.A. Dubovaya // Linguistic Mosaic: Observations, Researches, Discoveries. – Volgograd, 1998. – № 1. – P. 26-40.

5. Dzhigarkhanov, A.R. Frame Analysis of Railway Terminology [Text] / A.R. Dzhigarkhanov // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Youth Supplement. – 2004. – № 3. – P. 22-41.

6. Filipenko, T.V. Inner Form of Idioms from the Cognitive Point of View [Text] / T.V. Filipenko // Bulletin of Moscow State University. Linguistics and Intercultural Communications. – 2001. – № 4. – P. 82-96.

7. Gromova, I.A. Cognitive Aspects of the Meaning of Law Term [Text] / I.A. Gromova // Cognitive and Pragmatic Aspects of Linguistic Researches. – Kaliningrad: Kaliningrad University, 1999. – P. 62-69.

8. Guselnikova, O.V. Complex Approach to Studying the Value of Language Unit [Text] / O.V. Guselnikova // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. – Tambov: Gramota, 2009. – № 1(3). – P. 60-64.

9. Khantimirov, S.M. Frame Structure of Word Meaning [Text] / S.M. Khantimirov // Issues of Philological Sciences. – 2005. – № 2. – P. 67-69.

10. Kibrik, A.A. About Some Types of Knowledge in Natural Dialogue [Text] / A.A. Kibrik // Linguistic Issues. – 1991. – № 1. – P. 61-68.

11. Lipilina, L.A. Concept Modeling of Metaphorical Meaning [Text] / L.A. Lipilina // Cognitive and Pragmatic Aspects of Linguistic Researches. – Kaliningrad: Kaliningrad University, 1999. – P. 121-128.

12. Minsky, M. A Framework for Representing Knowledge [Text] / M. Minsky. – M: Energy, 1979. – 152 p.

13. Novodranova, V.F. Cognitive Aspects of Terminology [Text] / V.F. Novodranova // Materials of I International School-Seminar about Cognitive Linguistics. 26-30 May, 1998. – Tambov: Tambov State University, 1998. – Part 1. – P. 13-16.

14. Rogacheva, Yu.N. Representation of Frame «Memory» in the Modern English Language [Text] / Yu.N. Rogacheva. – Thesis ... Candidate of Philology. – Belgorod, 2003. – 182 p.

15. Starostina, E.V. Frame Analysis of the Russian Verbs of Behaviour [Text] / E.V. Starostina. – Synopsis of Thesis ... Candidate of Philology. – Saratov, 2004. – 23 p.

16. Tarasova, I.A. Categories of Cognitive Linguistics in Studying Idiostyle [Text] / I.A. Tarasova // Bulletin of Samara State University. – 2004. – № 1 (31). – P. 163-169.
17. Ulanova, S.B. Frame as a Structure of Knowledge Representation [Text] / S.B. Ulanova // Cognitive Aspects of Linguistic Categorization. – Ryazan: Ryazan State Pedagogical University named after S.A. Esenin, 2000. – P. 133-141.
18. Sheigal, E.I., Zheltukhina M.R. Frame «Politician»: Serious and Comic Aspects [Text] / E.I. Sheigal, M.R. Zheltukhina // Cognitive Aspects of Linguistic Categorization. – Ryazan: Ryazan State Pedagogical University named after S.A. Esenin, 2000. – P. 145-150.
19. Shvedova, I.R. Frame-Cogniotype «Business Letter» [Text] / I.R. Shvedova // Zhitnikov Chteniya: Intercultural Communications from the Cognitive Point of View. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2001. – P. 109-113.
20. Yaskevich, T.V. Representation of Frame «Choice» in the Modern English Language [Text] / T.V. Yaskevich // Philology and Culture. – Tambov: Tambov State University, 1991. – Part 1. – P. 196-203.

Землякова Ксения Владимировна

аспирант кафедры русского языка и
методики преподавания русского языка
Челябинский государственный педагогический университет
г. Челябинск

Zemlyakova Ksenia Vladimirovna

Post-graduate

Department of the Russian Language and Methods of the Russian Language
Teaching
Chelyabinsk State Pedagogical University
Chelyabinsk

**Анализ валентностного потенциала качественно-обстоятельственных
фразеологизмов русского и английского языков**

**Valency Potential Analysis of Qualitative-Adverbial Phraseological Units in the
Russian and the English Languages**

В статье рассматриваются валентностные потенции класса качественно-обстоятельственных фразеологических единиц русского и английского языков в аспекте их сочетания с глаголами. Автором дан обзор основных точек зрения на содержание понятий валентности, и сочетаемости и предпринята попытка разграничения их смыслов применительно к исследованию глагольной валентности качественно-обстоятельственных фразеологизмов сопоставляемых языков.

The article studies valency potential of qualitative-adverbial phraseological units in Russian and English. The author provides a survey of basic viewpoints on the notions of valency and compatibility and makes an attempt to distinguish their meanings in application to verbal valency research of qualitative-adverbial phraseological units in the languages being compared.

Ключевые слова: фразеологическая единица, валентность, сочетаемость.

Key words: phraseological unit, valency, compatibility.

В синтаксисе как науке изучаются синтаксические связи и отношения между словами, выявляются правила синтаксической связи и функционирования единиц языка в предложении, в том числе и фразеологических единиц (ФЕ). С одной стороны, ФЕ как единицы со сложной структурой являются по существу единицами «малого синтаксиса». Они характеризуются комбинаторикой, ограничиваемой как семантикой компонентов, так и целостным фразеологическим значением. С другой стороны, несомненным является тот факт, что единицы того или иного языка употребляются не изолированно, а соединяясь с «определёнными партнерами», и как целостные, неделимые единицы, ФЕ вступают в активные синтаксические связи с текстами разного объема, что функ-

ционально сближает их со словами [4: 173]. Одно из отличий фразеологизмов от свободных нефразеологических словосочетаний заключается в целостности, идиоматичности их значений и в их синтаксической монофункциональности, т.е. фразеологизм выполняет функцию только одного члена предложения.

В поле нашего зрения находятся фразеологизмы качественно-обстоятельственного класса (по терминологии классификации А.М. Чепасовой). Эти фразеологические единицы составляют большую часть фразеологизмов современного русского языка. Следует отметить, что в английской фразеологии теоретически такой класс единиц не типологизирован, но, основываясь на учете категориального значения качественно-обстоятельственной характеристики действия, к этому классу, по аналогии с русским языком, можно отнести такие единицы как *at the top of one's voice* (вовесь голос), *in the sweat of one's brow* (в поте лица), *at a snail's pace* (как черепаха), *through and through* (вдоль и поперек) и др. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы по семантическим и грамматическим признакам соотносятся с классом слов – наречиями, но не тождественны наречиям, потому что обладают несколькими отличительными свойствами, хотя относятся к глаголу и характеризуют действие с таких же сторон. Действие может быть атрибутировано по таким параметрам как место, время, способ, причина, цель, условие. Нам интересны качественно-обстоятельственные фразеологизмы, являющиеся характеристиками действия и вербализующие нестатичный признак. Мы рассматриваем характеристики глагольного действия по способу его совершения. Качественно-обстоятельственные ФЕ актуализируют значение процессуального признака, обозначают качество действия, специфический способ совершения акта или протекания процесса.

Фразеологизмы, как и слова, могут иметь связанные значения, т.е. употребляться лишь с определенным кругом лексем или даже с одной конкретной лексемой; особенно это характерно для качественно-обстоятельственных фразеологизмов: *(знать)вдоль и поперек/как свои пять пальцев*; *(смотреть, глядеть) во все глаза, в оба*; *(беречь, хранить) как зеницу ока*; *(жить) душа в душу*; *(scratch) like chicken* (царапать как курица лапой), *(run) like a bat out of hell*

(*нестись со всех ног*), (*creep*) *on all fours* (*ползть на четвереньках*) и т.п. Слова-сопроводители как единицы, имеющие самостоятельное лексическое значение, не входят в состав таких фразеологизмов, хотя без них немислимы ни их употребление, ни их семантическая реализация. Фразеологическое значение качественно-обстоятельственной единицы проявляется при определенных условиях, в определенной сочетаемости, и только таким образом оно может быть реализовано в части денотата единицы полностью. Денотат таких фразеологизмов одновременно является частью денотата характеризуемой лексемы. Наиболее детальное, тщательное изучение семантики таких единиц возможно вместе с изучением семантики единиц, характеризующих ФЕ [5: 9], т.е. глагола. Таким образом, для изучаемых единиц важна, прежде всего, сочетаемость. Их сочетательные потенции с «глаголом-партнером» в определенном окружении не произвольны и не случайны, а подчиняются особым закономерностям комбинирования одной единицы языка с другой, которые в самом общем смысле объединяются понятием валентности. Поскольку нам представляется важным выявление факторов, определяющих «притяжение» глаголов к определенным характеристикам действия, вербализованным фразеологизмами, то необходимо остановиться на понятиях «сочетаемость» и «валентность» и внести некоторую ясность в разграничение функционала и сферу употребления данных терминов и их соотношение.

Значительный вклад в развитие теории валентности частей речи внесли Л. Теньер, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева; ряд ценных теоретических положений по валентностной грамматике находим в работах таких ученых, как Е. Косериу, С.Д. Кацнельсон, В.Г. Гак, В.Н. Ярцева, Г.А. Золотова и др.

Ряд лингвистов воспринимают только термин «валентность», понимая валентность в широком смысле как избирательную способность языковых единиц сочетаться с другими языковыми единицами и валентность в узком смысле, которая связана с обязательной сочетаемостью слов в предложении и обеспечивает его грамматическую правильность (И.А. Стернин, З.Д. Попова). Другие лингвисты, наоборот, ограничиваются термином сочетаемость

(Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия). Валентность как способность слова сочетаться с другими словами сближает содержание термина с понятием сочетаемости.

Другие лингвисты рассматривают валентность как потенцию, а сочетаемость – как реализацию этой потенции. Некоторые валентность определяют как конкретную реализацию потенциальной сочетаемости слов, т.е. сочетаемость понимается как совокупность синтагматических потенций слова [2: 13].

Традиционно разграничивается синтаксическая сочетаемость (способность слова как представителя части речи и ее лексико-грамматического разряда вступать в связи с другими словами и лексическая сочетаемость (способность слова как лексемы проявлять избирательность в выборе «встречной» лексемы, лексического партнера. В отличие от синтаксической сочетаемости, правила которой указывают на общие закономерности употребления слова, лексическая сочетаемость «фиксирует распространенность тех или иных сочетаний и привычность ассоциаций одних слов с другими» (Е.С. Кубрякова).

В лингвистику термин «валентность» был введен в 1948 году С.Д. Кацнельсоном, который определил валентность, а именно синтаксическую валентность, как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами». Его же более позднее определение более лаконично: «Валентность – это свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова» [1: 44]. Валентность, таким образом, относится к явлениям языка, а сочетаемость – к речи.

Г. Хельбиг и В. Шенкель определяют валентность как способность глагола создавать определенные открытые позиции, которые заполняются облигаторными или факультативными актантами [цит. по 3: 15]. Эта мысль созвучна высказыванию Л. Теньера о том, что с валентностными свойствами глагола-сказуемого обязательно связано дополнение: оно заполняет одну из пустых клеток при сказуемом. Характеризатор глагола, представленный фразеологизмом, связан с ним подчинительной связью и, неся атрибутивную семантику нестатичного признака, функционирует как вербализатор этого признака, а это, в самом упрощенном понимании, ничто иное, как обстоятельство образа действия. Л. Теньер исходил из смыслового уровня анализа и полагал, что всякое

действие требует определенного количества участников (актантов), которые на уровне предложения могут быть представлены либо как дополнения, либо как подлежащее. Согласно его вербоцентрической (или предикатоцентрической) теории, глаголу в предложении принадлежит центральная роль, все же остальные члены, включая и подлежащее, подчинены ему. Все обстоятельственные элементы не обусловлены значением глагола и поэтому из валентностного набора глагола им исключаются. В дальнейшем эта точка зрения была пересмотрена, и некоторые типы обстоятельств, требуемые смыслом глагола, также стали включаться в валентностный набор глагола.

Со временем функции термина валентности расширились, и теперь лингвисты полагают, что валентные свойства присущи широкому кругу морфологических единиц. В последние годы стало правомерным говорить о валентностных возможностях наречий, предлогов. Хотя, принимая во внимание подчинительный характер связи в таких типах сочетаний между частями речи, следует помнить, что ведущая роль остается за управляющими частями речи (существительное, глагол), в то время как наречия, предлоги, прилагательные рассматриваются как «ведомые», управляемые. Анализ валентности, соответственно, должен двигаться в направлении от актанта к распространителю.

Применительно к нашему исследованию было бы уместней говорить об анализе валентностного потенциала глагола сквозь призму фразеологизма-характеризатора, однако акценты нами расставлены в точности наоборот: в центре рассмотрения оказываются ФЕ, способные притягиваться к глаголам разных грамматических и семантических групп для образования полного и грамматически корректного высказывания.

Некоторые лингвисты относят валентность к категории числа, которая указывает, с каким количеством единиц образовывается другая единица или образование, или как много элементов образовавшаяся единица может принять. Так, в зависимости от числа актантов Л. Теньер различает авалентные, моновалентные, дивалентные и тривалентные глаголы [цит по 3: 12]. Для наглядного представления «присоединительного» потенциала ФЕ возможно применение индексации. Чем выше индекс (выраженный натуральным числом), тем выше

валентность, т.е. «potentia», «сила» фразеологизма – он способен вербализовать большое количество процессуальных признаков, находясь при этом в достаточно слабой связи с глаголом; чем ниже индекс, тем, соответственно, ФЕ слабее, однако связь между фразеологизмом и глаголом достаточно сильна в этом случае. Проиллюстрируем вышесказанное примерами. Фразеологизм *сломать голову* сочетается с глаголами *бегать, броситься* (со значением *быстро, опрометью*) и другими подобной семантики. Английский фразеологизм *with all one's eyes* (*во все глаза*) своим компонентом «eyes» обуславливает сочетаемость с глаголами визуального восприятия *to look, to gaze, to stare, to peep, to watch* его валентность равна 5; ФЕ *below (beneath / under) one's breath* употребляется с глаголами *to mutter, to mumble, to grumble, to hum, to whisper*, его валентность равна 4. Для полного анализа валентностей ФЕ необходим тщательный анализ употребления ФЕ в обоих языках с определенными глаголами.

Итак, валентность определяется нами как скрытые свойства единиц языка присоединять к себе другие единицы для заполнения при ней открытых позиций значения; под сочетаемостью понимаем реализацию скрытых свойств и их вскрытие в процессе построения высказывания. Существенную помощь для вскрытия валентностного потенциала способен оказать контекст, который не создает, но эксплицирует скрытые потенции ФЕ функционировать только в определенном окружении.

Нами также предпринята попытка обосновать зависимость семантических и грамматических характеристик ФЕ от валентностных свойств глагола в сравниваемых языках на примере инвариантной модели «глагол + качественно-обстоятельный фразеологизм». Глагольную валентность мы и рассматриваем с позиций комплексного подхода к анализу фразеологических единиц, вербализующих процессуальный признак в русском и английском языках. При этом анализу подвергается как ФЕ-характеризатор, так и атрибутируемый ею глагол. Выявление денотативных компонентов ФЕ и глагола помогает определить степень их сближения и дифференциации, что определяет их потенциальную способность сочетаться.

Исходя из данного нами определения валентности, выделяем в качестве одного из условий облигаторности ФЕ при глаголе неполноту сем в глагольной структуре и, как следствие, необходимость употребления фразеоединицы для восполнения «пробелов» и заполнения пустот и образования полноценного высказывания. Исследование семантических характеристик глагола и ФЕ, обеспечивающих их сочетаемостную возможность, заключается в комплексном подходе к анализу объекта исследования с учетом факторов, определяющих сочетаемость, взаимозависимость и взаимообусловленность языковых единиц в рамках исследуемой модели. Дистрибутивный, контекстологический и валентностный типы анализа основываются на синтагматических связях изучаемых единиц и образуют основу для комплексного анализа глагольной валентности ФЕ в нашем исследовании.

Синтагматические связи позволяют выводить валентностные свойства фразеологизмов не только на уровень синтаксиса, но и на уровень коммуникации, т.е. относительно предъявляемой ситуации. Считаем, что при анализе необходимо указывать на облигаторные члены предложения, которые являются скорее не синтаксически необходимыми, а коммуникативно-необходимыми. Члены предложения, которые на синтаксическом уровне предложения являются лишь свободными распространителями, на текстово-грамматическом или коммуникативном уровне могут становиться облигаторными актантами. Таким образом, мы говорим о ситуационной обусловленности присутствия характеризатора при глаголе, а значит, и о коммуникативном аспекте теории валентности, что расширяет обзор для определения валентностного потенциала фразеологической единицы, вербализующей процессуальный признак.

Библиографический список

1. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., СПб.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 142 с.
2. Матюшина, И.В. Структурно-семантические признаки глагольно-именной конструкции с локативными предлогами в современном английском языке / И.В. Матюшина [Текст]: дисс.... канд. филол. наук : 10.02.04. – Смоленск, 2005. – 151 с.
3. Пыриков, А.В. Скрытые валентностные свойства основных морфологических классов слов [Текст] / А.В. Пыриков [Текст]: дисс.... канд. филол. наук : 10.02.04. – Барнаул, 2006. – 154 с.
4. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие [Текст] / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
5. Юздова, Л.П. Категория квалитативности и ее репрезентация в современном рус-

ском языке (на примере адвербиальных фразеологизмов) [Текст] / Л.П. Юздова. – Автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра фил. н. – Челябинск, 2009. – 48 с.

Bibliography

1. Arnold, I.V. Bases of Scientific Research in Linguistics: Manual / I.V. Arnold. – 2nd Edit., Saint-Petersburg: Publishing House of “LIBROKOM”, 2010. – 142 p.
2. Chepasova, A.M. Semantic-Grammatical Classes of the Russian Phraseological Units: Manual [Text] / A.M. Chepasova. – Chelyabinsk: Publishing House of Chelyab. State. Ped. University, 2006. – 144 p.
3. Matyushina, I.V. Structural-Semantic Features of Verb-Noun Constructions With Locative Prepositions in Modern English / I.V. Matyushina [Text]: Diss .... Cand. of Philology : 10.02.04. – Smolensk, 2005. – 151 p.
4. Pyrikov, A.V. Hidden Valency Properties of Basic Morphological Classes of Words / A.V. Pyrikov [Text]: Diss .... Cand. of Philology : 10.02.04. – Barnaul, 2006. – 154 p.
5. Yuzdova, L.P. Category of Qualitativeness and Its Representation in Modern Russian Language (By the Example of Adverbial Phraseological Units) [Text] / L.P. Yuzdova. – Synopsis of Diss. ... Doctor of Philol. – Chelyabinsk, 2009. – 48 p.

Искандарова Гульнара Рифовна

кандидат филологических

наук, доцент

кафедра иностранных и русского языков

Уфимский юридический институт МВД

России г. Уфа

Iskandarova Gulnara Rifovna

Candidate of Philology,

Assistant Professor

Chair of the Foreign Languages and Russian

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ufa

Исследование стилистических потенций суффиксальных дериватов

с суффиксами -o и -ing в современном немецком языке

Research of the Stylistic Potentials of Derivative Nouns

with Suffixes -o and -ing in Modern German

В статье рассматриваются стилистические функции производных существительных с суффиксами -o и -ing в современном немецком языке, исследуется их реализация в речи.

The article deals with the stylistic functions of derivative nouns with suffixes -o and -ing in modern German. Their realization in the speech is considered.

Ключевые слова: словообразовательная модель, агентивная и процессуальная семантика, производное слово, стилистическая функция словообразовательных средств, экспрессивность.

Key words: word building pattern, agentive and action semantics, derivative, stylistic function of the word formation means, expressivity.

Целью данной статьи является исследование функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски непродуктивных словообразовательных моделей с суффиксами -o и -ing в немецком языке и стилистических особенностей их использования в речи.

Для описания стилистики словообразовательных средств важнее не те случаи, когда слово с той или иной стилистической окраской образуется от слова, уже имеющего ту же стилистическую окраску, а, те случаи, когда стилистически маркированные слова образованы от нейтральных слов. Ср. в русском языке *садовник* и *садовничать*, *слесарь* и *слесарничать* [1: 176].

Следует отметить, что производные с суффиксом -o имеют большей частью агентивную семантику, а производные с суффиксом -ing – процессуальную. В традиционном учении о словообразовании немецкого языка данные

суффиксы не описаны, лишь упоминаются вскользь, что, видимо, объясняется их непродуктивностью в словообразовании [7: 192; 222].

Производные на *-o*

Как показывают наши исследования, суффикс *-o* полисемантичен. Он может быть либо оценочным суффиксом в наименованиях лица, либо маркером разговорных производных, обозначающих лица или предметы (исключением является *Geldo* (norddt.) от *Geld*).

Если обратиться к форманту *-o* древневерхненемецкого языка, оформляющему древние парадигмы на *-n/-an* мужского рода с семантикой агентивности, который уже в средневерхненемецком языке, в соответствии с регулярным изменением звуков, редуцируется как безударный гласный в *-e* и, по-нашему предположению, является аналогом современного *-o*, то гипокористическую функцию он выполнял, присоединяясь к основам имен собственных, например, *Mammo, Nanno*.

В современном немецком языке имена на *-o* – *Hanko, Heilko, Gerko, Heimko* и др. – также отмечены как ласкательные формы (*Koseformen*), но здесь скорее всего стоит говорить о том, что сочетание *k* с *o* придает слову ласковый оттенок, чем сам финальный *-o*. Поэтому о гипокористической функции можно говорить с натяжкой.

Оценочный суффикс *-o* относительно продуктивен в разговорной речи. Как отмечает Р.Г. Гатауллин, «модель на *-o* относится к активным моделям современного немецкого языка... Образования на *-o* очень активны в отрицательно-оценочных композитах в качестве первого компонента, например: *Anarcholiberalismus, Anarcho-Nihilist, Anarcho-Gruppe, Anarcho-Szene, Macho-Mann, Macho-Тур* и т.д.» [8: 178-179] (перевод наш – И.Г.).

Суффикс *-o* образует ряды слов как в классе имен собственных, так и в классе имен нарицательных, например: *Bio – Bianka, Berno – Bernard, Dimo – Dietmar, Brutalo – brutal, Optimalo – optimal* и др. В зависимости от производящей основы производные на *-o* имеют либо положительную, либо негативную коннотацию, а *-o* выполняет в таких лексических единицах функцию усилителя разговорного оттенка.

По результатам нашего исследования производные с финальным *-o* составляют более 160 единиц. Следует заметить, что процесс образования таких производных происходит постоянно под влиянием уже существующих наименований на *-o*. Элемент *-o* в рудиментах усечений является не суффиксом, а лишь его аналогом, функционально, однако, приравненным к аффиксу. Финальный звук результатов усечений, таких, как: *Abo*, *Demo*, *Schoko* и подобных, переходит соответственно из исходных единиц: *Abo/nnement*, *Demo/nstration*, *Schoko/lade*, т.е. не является словообразовательным элементом.

Финальный *-o* может быть финальным элементом результата усечения частей композита, например: *Juso* (*Jungsozialist*), *Kripo* (*Kriminalpolizei*), *Trafo* (*Transformator*) и т.д. В данных примерах стоит согласиться с мнением В.Д.Девкина, что это не суффикс, а лишь его аналог, функционально, однако, приравненный к аффиксу [2]. Но достаточно частое образование омофонных суффиксаций позволяет финалу *-o* уподобляться аффиксу. В таких единицах, как

Kinematograph – *Kino*, *Proletarier* – *Prolo*, *bellen* – *Bello*, наблюдается переход финала *-e* в *-o*. Здесь *-o* можно воспринимать как суффикс с определенной семантико-стилистической характеристикой.

Кроме того, что формант *-o* является финальным элементом заимствованных слов, нечленимых для немецкого языкового сознания (типа *Büro*, *Kimono*, *Metro*, *Tango*), а также связанных и несвязанных основ греко-латинского происхождения (типа *bio-*, *auto-*, *euro-*), он может быть «финалью» (термин Т.А. Со-болевой и А.В. Суперанской) словесных товарных знаков, например, *Blanko* – стиральный порошок «Бланко» от *blank* (белый), *Elgo* – трикотаж «Эльго», *Kleo* – нижнее белье «Клео» от «*Kleopatra*» [4: 108].

Словесные товарные знаки являются «искусственными словами» (*Kunstwörter*), которые конструируются сознательно, в отличие от слов «живого» языка. Для создания подобных слов привлекаются известные продуктивные модели «живого» языка, при этом создаваемые слова могут иметь в своей структуре известные в языке морфемы либо иметь ранее неизвестную фонетическую или морфологическую структуру.

Как считают Т.А. Соболева и А.В. Суперанская, «финали способствуют выделению товарных знаков из прочих слов, привлечению к ним внимания читателя, слушателя. Они обладают особой экспрессивностью и служат для того, чтобы финалью можно было закончить слово, оформить его структурно» [4: 103].

Особенно активно образуются имена лиц с использованием *-o* в молодежном, а также в политическом жаргонах, например:

Der Uwe ist neuerdings so'n richtiger *Randalo* [6: 112]

Machst du jetzt auch auf Profi-*Provokalo*? [6: 110]

Außenminister Primakow und Verteidigungsminister Sergejew, *Dinos* aus Sowjetzeiten (*Süddeutsche Zeitung* 25.03.1998) [9: 74].

Разговорный суффикс *-o* наименований лиц служит для создания *-o*-производных, имеющих следующие значения:

1. Наименования отдельного представителя группы лиц, объединенных:
  - а) партийной принадлежностью или групповой принадлежностью внутри одной партии (*Realo, Zentralo, Radikalo*);
  - б) территориально (*Turko – Türkei, Jugo – Jugoslave*).
2. Узуальные характерологические наименования лица, чаще с пейоративной, чем с мелиоративной коннотацией. Часто к объективному значению суффикса *-o* добавляется какая-либо субъективная оценка говорящего, его отношение к названному лицу (*Brutalo* ugs. abwertend «мужлан, здоровяк», *Gecko jugendspr. kosend* «красавчик, щеголь»).

Производные на *-ing*

Большую стилистическую нагрузку несут производные (в основном акциональные) с англоязычным суффиксом *-ing*. Как отмечают В. Флейшер и И. Барц, «суффикс *-ing* прибывает в немецкий язык в значительной степени с английскими словами» [7: 192] (перевод наш – И.Г.).

В обратном словаре Г. Мутмана, например, уже кодифицировано свыше 200 лексических единиц, относящихся в основном к сферам «свободное время», «спорт», «компьютер», «экономика», «банковское дело» [10]. Так, например, к сфере «банковское дело» можно отнести следующие образования на *-ing*: *Bank-*

ing, Direktbanking, Electronic Banking, Fundraising, Homebanking, Internetbanking, Telebanking, Telefonbanking (по данным словаря неологизмов 90-х годов, см. [9]).

Некоторые образования считаются в современном немецком языке очень продуктивными и не воспринимаются в качестве англоязычных заимствований. Приведем некоторые из них (следует заметить, что многие из них среднего рода и образованы по модели суффиксальной деривации):

Aquaplaning, Bodybuilding, Briefing, Camping, Clearing, Doping, Dressing, Dribbling, Dumping, Fading, Handing, Happening, Hearing, Holding, Jogging, Leasing, Lifting, Meeting, Rebounding, Saling, Shaping, Sharing, Shopping, Sightsee-ing, Sparring, Standing, Surfing, Swinging, Training, Trekking и т.д.

Э. Доналис справедливо замечает, что суффикс *-ing* в немецком языке, как и исконный суффикс *-ung*, образует путем транспозиции существительные от глаголов. Производные на *-ing* расширяют имеющиеся возможности субстантивации: в тех случаях, когда образования на *-ung* регламентированы (**Stretchung, *Surfung*), суффикс *-ing* начинает восполнять систематические и нормативные пробелы, что наглядно продемонстрировано на следующих примерах:

«Extremhang siehe Buckelpiste. Mit Stockeinsatz nach vorne zur Piste. Wehe nach hinten. [...] Wegen *Free-Rutsching* beim *Free-Falling* zurück ins Tal. Auf jeden Fall Haltung bzw. body bewahren. Sonst: *Free-Sterbing*». Далее автор иронично добавляет: «Wem die *Fallung* nicht gefällt, sollte es einfach mit *Free-Wortbildung* probieren» [5: 25].

Приведем функционирование образований на *-ing* в газетных текстах.

Сфера «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ»:

Nicht mehr länger ziehe es das Volk in Kneipen, Restaurants und andere öffentliche Räume. Nein, “*Cocooning*” sei jetzt angesagt, die Lust auf Heim und Herd. (Berliner Zeitung 18.11.2000) [9: 63-64].

Um die Vielfalt der dalmatischen Küste kennenzulernen, empfiehlt sich das *Insel-Hopping*. (Frankfurter Rundschau 12.07.1997) [9: 173].

Beim “*Home-Shopping*” ermöglicht der Server, nach bestimmten Waren zu suchen, statt wie im konventionellen *TV-Shopping* passiver Konsument zu sein. (Die Presse 02.02.1994) [9: 156].

Piercing und *Bodypainting* werden immer beliebter (Frankfurter Rundschau 11.06.1997) [9: 34].

Сфера «ЭКОНОМИКА»:

Ein *downsizing* mit Entlassungen und einschneidenden Programmen zur Senkung der Kosten kann notwendig sein, um Unternehmen vor der Pleite zu retten. (Die Zeit 17/1996) [9: 83].

Auf Grund des Preisdrucks betreiben immer mehr Unternehmen so genanntes *Outsourcing* und vergeben ihre Leistungen an Subunternehmer, die sie zu einem noch niedrigeren Preis ausführen. (Berliner Zeitung 08.07.2000) [9: 250].

Vor allem die Dritte Stufe der Seehoferschen Gesundheitsreform hat der Vermischung der Systeme kräftige Impulse gegeben. Seit 1. Januar dürfen gesetzlich Versicherte ihre Krankenkasse frei wählen. Einem unbeschränkten “*Kassen-Hopping*” steht kaum noch etwas entgegen. (Die Zeit 40/1997) [9: 185].

CarSharing ist die individuelle Fortsetzung des öffentlichen Verkehrs. Dort, wo man mit Bus oder Bahn nicht mehr weiterkommt, stellt Mobility ein Auto auf Abruf bereit. Dieses kann wie ein Privatauto benutzt werden. (St. Galler Tagblatt 22.01.2000) [9: 51].

В русском языке суффикс *-инг* также обнаруживает большую продуктивность, особенно в дискурсе СМИ. В газетных текстах появляются отглагольные и отыменные гибридные имена действия типа *вининг* ‘пьянка с распитием вина’, *позоринг* ‘опозорививание’, *водкинг* ‘пьянка с распитием водки’, *гулянинг* ‘гулянка’, *курилинг* ‘курение’, *пивинг* ‘распитие пива’, *пьянинг* ‘пьянка’, *шашлыкинг* ‘приготовление шашлыка’, *путинг* ‘рекламирование кандидата Путина’ и др., выполняющие каламбурные и полемико-иронические функции.

Словообразовательный анализ подобного рода имен действия показывает, что англоязычный суффикс *-инг* является суффиксальным терминологическим элементом с автономным процессуальным значением, поскольку в значениях производящих слов нет процессуальной семы – она вносится в значение производного с помощью суффикса, ср.: *вино* → *вининг*, *Путин* → *путинг* [3: 80-81].

В ходе нашего исследования мы установили, что непродуктивные словообразовательные модели с суффиксами *-o* и *-ing* несут большую стилистическую нагрузку в отличие от соответствующих им продуктивных типов на *-er* и *-ung*. Так, существительные–наименования лица по действию–непродуктивных словообразовательных типов, как правило, отличаются разговорной стилистической окраской, например: *Kritikalo* (=Person, die immer alles und jeden destruktiv kritisiert), *Provokalo* (=Person, die andere provoziert). В свою очередь, дериваты, образованные по качественно продуктивной модели на *-er*, стилистически неоднородны: они могут быть как стилистически нейтральными (*Leser, Verkäufer*), так и маркированными (*Schwatzer, Schimpfer*).

Как видим, устанавливается некое лингвистическое равновесие: в силу того, что продуктивные словообразовательные типы создают огромное многообразие производных с различными лексико-семантическими вариантами, то их стилистические потенции компенсируют производные, созданные по непродуктивным моделям.

Библиографический список

1. Виноградова, В.Н. Стилистические средства словообразования [Текст] / В.Д. Левин // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). – М.: Наука, 1972. – С. 175-317.
2. Девкин, В.Д. Комизм слова (на материале заимствований) [Текст] // Лексика и лексикография: сб. науч. тр. РАН ИЯ и Моск. Ин-та приборостроения. Орловский филиал (кафедра иностр. яз.). – М., 1991. – С. 25-34.
3. Коряковцева, Е.И. Русский язык в эпоху Интернета: новые nomina abstracta в текстах общероссийских газет [Текст] // Rossica olomucensia XLVI-II. Sborník příspěvků z mezinárodní conference. XIX. Olomoucké dny rusistů – 30.08. – 01.09. 2007. – Olomouc, 2008. – С. 79-82.
4. Соболева, Т.А., Суперанская, А.В. Товарные знаки [Текст] / Т.А. Соболева, А.В. Суперанская. – М., 1986. – 172 с.
5. Donalies, E. Wortbildungspflege. Folge 7: Hippies Sterbing [Text] / E. Donalies // Sprachreport. – 2001. – № 4. – S. 25-26.
6. Ehmann, H. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache [Text] / H. Ehmann. – München: Verlag C.H. Beck, 2005. – 178 S.
7. Fleischer, W., Barz, I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – 382 S.
8. Gataullin, R. Stilistische Aspekte der deutschen Wortbildung. Am Beispiel der zusammengesetzten und abgeleiteten Substantive [Text] / R. Gataullin. – Ufa: Baschkirische Staats-Universität, 1995. – 236 S.
9. Herberg, D., Kinne, M., Steffens, D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen [Text] / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. – Berlin; New York: de Gruyter, 2004. – 393 S.
10. Muthmann, G. Rückläufiges deutsches Wörterbuch. Handbuch der Wortausgänge im Deutschen, mit Beachtung der Wort- und Lautstruktur [Text] / G. Muthmann. – Niemeyer, 2001. – 1013 S.

Bibliography

1. Devkin, V.D. The Comic of the Word (On the Materials of Loanwords) [Text] // Vocabulary and Lexicography: Proceedings of RANIYA and Moscow Institute of Device Building. Orel Branch (Chair of the Foreign Languages). – M., 1991. – P. 25-34.
2. Donalies, E. The Care of Word-Building. Series 7: Hippias' Death [Text] / E. Donalies // Language Report. – 2001. – № 4. – P. 25-26.
3. Ehmann, H. The Full Correct Lexicon of the Youth Language [Text] / H. Ehmann. – München: C.H. Beck Publishers, 2005. – 178 P.
4. Fleischer, W., Barz, I. Word-Building of the Modern German Language [Text] / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – 382 P.
5. Gataullin, R. Stylistic Aspects of the German Word Building. By the Example of Complex and Derivative Nouns [Text] / R. Gataullin. – Ufa: Bashkir State University. – 236 P.
6. Herberg, D., Kinne, M., Steffens, D. New Vocabulary. Neologies of the 90s in German [Text] / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. – Berlin; New York: De Gruyter, 2004. – 393 P.
7. Koryakovtseva, E.I. Russian in the Internet Epoch: New Nomina Abstracta in the Texts of the Russian Newspapers [Text] // Rossica olomucensia XLVI-II. Proceedings of the International Conference. XIX. Olomouc Days of Russian Philologists. – 30.08. – 01.09. 2007. – Olomouc, 2008. – P. 79-82.
8. Muthmann, G. Reversionary German Dictionary. A Reference Book of the Word Endings in German, with Regard of the Word and Sound Structure [Text] / G. Muthmann. – Tübingen: Niemeyer, 2001. – 1013 P.
9. Soboleva, T.A., Superanskaya, A.V. Goods Marks [Text] / T.A. Soboleva, A.V. Superanskaya. – M., 1986. – 172 p.
10. Vinogradova, V.N. Stylistic Means of Word Formation [Text] / V.D. Levin // Stylistic Research (On the Materials of Modern Russian). – M.: Science, 1972. – P. 175-317.

Ичкинеева Дилара Ахметовна

ассистент кафедры английской
филологии и методики преподавания
английского языка

Оренбургский государственный университет
г.Оренбург

Ichkineeva Dilara Akhmetovna

Assistant Lecturer

Chair of the English Philology and Methods
of the English Language Teaching
Orenburg State University
Orenburg

Роль абзацного членения в распределении единиц семантического пространства текста (на материале повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель»)

Paragraph Division Functions in Ordering of Semantic Space Units of the Text (Based on the Material of the Short Story by A.S. Pushkin «Stanzionny Smotritel»)

В работе предложена комплексная исследовательская программа по выделению единиц семантического пространства текста, основанная на методе контент-анализа и использовании программного средства, позволяющего осуществлять автоматизированный анализ смысловой структуры текста. На основе полученных данных, выявляются особенности распределения смысловых полей относительно абзацного членения текста.

The complex research program based on the method of content analysis and the use of software tool which makes possible to analyze automatically semantic structure of the text is put forward. On the basis of the data received the peculiarities of distribution of text semantic space units concerning paragraph division are found out.

Ключевые слова: семантическое пространство текста, абзацное членение, семантическое поле, контент-анализ, континуальность, дискретность.

Key words: semantic space of the text, paragraph division, semantic field, content analysis, continuity, discontinuity.

По мнению ряда исследователей, текст может рассматриваться как материальный объект и как семантическая структура. Л.Г. Бабенко отмечает, что текст существует в двух своих ипостасях: текст как совокупность линейно расположенных знаков и текст как совокупность смыслов [1]. К.И. Белоусов и Г.Г. Москальчук понимают текст как феномен, имеющий разные формы существования (разные онтологии), находящиеся между двумя полюсами: материальным (к которому ближе всего оказываются физические параметры текста) и

идеальным (области концептуального бытования текста) [2; 126]. Л.В. Сахарный отмечает, что в тексте выделяются «тело» текста, закономерности организации которого изучаются собственно в фонетике и фонологии, и структура текста, связанная с содержанием [14; 120]. А.И. Новиков предлагает говорить о нескольких видах пространства и различных способах его членения. Автор представляет текст как материальный объект образующий некоторое двухмерное пространство, где расположены в определенной последовательности составляющие его языковые единицы. Ему соответствует в сфере сознания другое пространство, которое и является собственно семантическим [11; 36].

Итак, многие исследователи признают возможность выделения в тексте текстовых пространств, каждое из которых характеризует материальную и идеальную стороны бытия текста. Подобное понимание феномена текста актуализирует задачу рассмотрения проявлений онтологических категорий дискретности / членимости и континуальности на уровне семантического и физического пространств текста.

Полагаем, что членение семантического (смыслового) пространства текста не всегда совпадает с членением субстрата (материального бытия) текста.

Для того чтобы проследить соотношение компонентов семантического и физического пространств текста, было проведено комплексное исследование, включающее в себя несколько исследовательских программ.

За единицу членения физического пространства текста был принят абзац. Выбор абзаца в качестве единицы членения физического пространства текста обусловлен тем, что в ряде работ выделение абзацев признано одним из основных способов делимитации текста [5, 6, 8]. Исследовательская программа по определению единицы семантического пространства текста состояла из нескольких этапов. На первом этапе при помощи метода контент-анализа был сгенерирован частотный словарь художественного текста.

Метод контент-анализа используется главным образом в социологических исследованиях [12, 15]. С недавнего времени данный метод находит применение в исследованиях, проводимых в рамках литературоведения [8], в прикладных филологических работах – в лингвомаркетологии и нейминге (созда-

ние марочного имени) [4]; в работах по реконструкции медиа-портретов политиков и политических организаций [3].

Контент-анализ является одним из методов качественно-количественного изучения содержания текстов. Он позволяет анализировать смысловое содержание текста с использованием исчерпывающего количества слов. В процессе контент-анализа происходит реконструкция семантической структуры текста на основе частотности словаря анализируемого текста.

Процедура исследования текста при помощи метода контент-анализа может осуществляться с использованием компьютерных технологий (в нашем исследовании применялась широко известная программа контент-анализа А.Н. Чуракова). В автоматизированном режиме метод контент-анализа реализуется в несколько этапов:

1. С помощью компьютерной программы контент-анализ обрабатывается весь массив текста. В результате образуется список, состоящий из всех лексем текста, где одинаковые словоформы объединены в группы и определено их количество. То есть первый этап представляет собой механический подсчет всех словоформ текста.

2. Производится качественная обработка полученных данных, а именно, происходит формирование семантических полей с учетом реализовавшихся в тексте значений каждого слова. По мнению Н.Л. Зелянской именно специфика контекстуальной реализации значения дает возможность обнаружить тот интегральный признак, который объединяет различные лексемы текста в смысловые общности, отражающие актуальные для анализируемого произведения семантические тенденции» [7; 86].

Рассмотрим, как реализуется данный этап обработки полученных данных на примере контекстов исследуемой повести «Станционный смотритель». из цикла А.С. Пушкина «Повести Белкина». В результате контент-анализа мы получили 4 лексемы с семантикой *брат*, объединенных по формальному признаку. После обращения к тексту, мы их отнесли к разным семантическим группам (полям), поскольку в повести они встречаются в разных по смысловым интенциям контекстах. Так, во фразе «в перспективе повар убивает упитанного тель-

ца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости» лексема *брат* реализует семантику, связанную с категориями родства, *семьи*. В остальных 3 случаях употребления лексемы *брат* реализуется иное семантическое значение данной лексемы – фамильярное или дружеское обращение к мужчине [13; 58]: «Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. «Что, брат, тебе нужно?» — спросил он его». При этом одно и то же слово может одновременно отражать несколько смысловых тенденций. Например, в предложении «Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром» лексема «поездка» репрезентирующая поле *События внешней жизни*, может быть также отнесена к полю *Передвижения в пространстве*. Далее, сформированные семантические группы (поля) по общим основаниям были объединены в более крупные семантические образования (макрополя), репрезентирующие обобщенные смысловые тенденции произведения. В результате были созданы следующие макрополя текста:

Люди, Человек, Действия, Характеристики, Отношения, События, Состояния, Духовное, Вещи, Время, Пространство, Природа, Количество. Таким образом, образовалась двухуровневая иерархия смыслового пространства текста. Например, макрополе *Природа* представлено полями: *Растения, Животные, Стихии, Природные явления* (состав макрополя *Люди* представлен в таблице 1). Всего было выделено 13 макрополей, состоящих в общей сложности из 118 полей. Таким образом, всё семантическое пространство текста было дискретизировано на смысловые блоки (поля), которые были приняты за компоненты семантического пространства текста.

В результате проведенного исследования была определена единица семантического пространства текста (поле). В отличие от абзаца, который является оформленной единицей *членения* текста, имеющей свою *структуру*, маркеры начала и конца (абзац всегда отграничен красными строками), поле представляет собой *совокупность* слов, объединенных на основании семантической общности. Семантическое поле – это смысловое образование, не имеющее выраженных границ, следовательно, представляется более целесообразным называть семантическое поле *единицей протяженности* семантического пространства

текста. Тем не менее, как и любые единицы, поля можно выделить из общего

континуума семантического пространства текста и установить их количество. Следовательно, семантическое поле может быть сопоставлено с единицами членения физического пространства текста.

Анализ распределения семантических полей *в составе субстрата текста* осуществлялся при помощи программного средства «Автоматизированный анализ смысловой структуры текста»². Данное программное средство позволяет при помощи созданной системы полей идентифицировать смысловые поля в любой отрывке текста. При помощи этой программы можно определить, сколько и какие поля находятся в определенном фрагменте субстрата текста, то есть качественное и количественное семантическое наполнение каждого абзаца. Программа «Автоматизированный анализ смысловой структуры текста» производит анализ с помощью исходного текста, представленного в виде текстового документа и базы данных, представленной Excel-таблицами (база данных состоит из фиксированного количества смысловых полей, в которые отнесены слова исследуемого текста). В процессе анализа осуществляются следующие действия:

1) Исходный текст сегментируется на участки определенной длины. Длина участков текста определяется в словах. Количество слов задает сам исследователь, т.е. сегментация текста на участки происходит после того, как исследователь определил длину сегментируемого участка. В нашем случае текст сегментируется на абзацы (соблюдается авторское членение);

2) На выделенных участках устанавливается наличие всех смысловых полей текста (программа последовательно перебирает слова каждого участка и сверяет с базой данных);

3) Промежуточные результаты преобразуются в таблицу.

Показатели, полученные в результате применения данной программы, представлены в таблице 1.

---

² Информационные потоки в тексте : программное средство [электр. издание] // И.В. Влацкая, К.И. Белоусов, И.А. Билялова, К.Г. Журенко. – Инвентарный номер ВНИИЦ 50200300243 от 03.02.2009.

Таблица 1

Фрагмент таблицы (34x118) распределения семантических полей в каждом абзаце текста А.С. Пушкина «Станционный смотритель»

Макрополя	Поля	1 аб-зац	2 аб-зац	3 аб-зац	4 аб-зац	5 аб-зац	6 аб-зац
Люди	Имена героев	1	0	0	1	2	1
	Отношение друг к другу	3	1	0	1	1	0
	Семья	0	0	0	5	1	3
	Люди вообще	5	0	1	2	0	0
	Личное пространство героя	12	3	12	9	7	6
	Ты-герой	0	0	0	1	0	0
	Другой	17	1	1	13	5	4
	Представители профессий	16	2	2	3	1	1
	Объединенное пространство героев	2	1	1	0	1	0

Числовые данные, представленные в таблице 1 отражает *силу* смыслового поля (количество слов, входящих в состав того или иного поля, в определенном абзаце). Так, цифра 5 (в таблице выделена темным цветом), означает, что в четвертом абзаце присутствует 5 лексем, которые репрезентируют поле *Семья*: «дочка» (2 раза), «сын», «отец», «брат».

Следующий этап обработки данных – установление порога значимости частотности полей по каждому абзацу. Порог значимости для каждого абзаца определяется следующим образом: среднее значение + стандартное отклонение. Данные, превышающие порог значимости, считались неслучайными и были приняты за 1. Таким образом, в каждом абзаце были локализованы значимые семантические поля. Показатели, полученные в результате подобного представления данных, позволили рассмотреть распределение полей по всему тексту, а именно определить:

- 1) количество значимых полей, которые переходят из одного абзаца в другой (переходные поля);
- 2) количество полей, которые отсутствуют в последующем абзаце (исчезающие поля);

3) количество полей, которые появляются в последующем абзаце, отсутствуя в предыдущем (появляющиеся поля);

4) общее количество значимых полей, локализованных в каждом абзаце. Данные показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2

Фрагмент таблицы (35x4) распределения семантических полей относительно субстрата текста

Поля	1 аб-зац	2 аб-зац	3 аб-зац	4 аб-зац	5 аб-зац	6 аб-зац	7 аб-зац	всего
Переходные		3	1	1	2	2	1	56
Исчезающие		6	2	3	6	0	3	78
Появляющиеся		0	3	7	0	3	3	86
Общее количество	9	3	4	8	2	5	4	142

Примечание: строка *Общее количество полей* содержит показатели, которые репрезентируют *наличие* определённого количества полей в данном абзаце, то есть переходные и появляющиеся поля.

В таблице 2 представлено количественное распределение переходных, исчезающих и появляющихся полей по всему тексту, а также общее количество полей в каждом абзаце.

Первые три ячейки второго столбца не заполнены, так как в первом абзаце можно лишь констатировать наличие общего количества полей, но невозможно отнести их к какому-либо из представленных классов (появляющихся, исчезающих или переходных).

Во втором абзаце были обнаружены слова, репрезентирующие три поля, представленные в первом абзаце (переходные поля) и 6 полей из первого абзаца «исчезли», т.е. не были найдены во втором. При этом новые поля во втором абзаце не появились. Таким образом, показатель общего количества полей совпадает с показателем переходных полей и составляет 3 поля и т.п.

Полагаем, что переходные поля репрезентируют категорию континуальности так как указывают на сохранение семантического поля в тексте, т.е. образуют смысловой континуум, исчезающие и появляющиеся – дискретность, т.к.

свидетельствуют о прерывности семантического пространства текста и образовании дискретных смыслов.

Анализ таблицы 2 приводит к следующим результатам: доля семантических полей, которые присутствуют в нескольких абзацах подряд (переходных) составляет 39%, доля появляющихся и исчезающих полей – 61%, следовательно, соотношение дискретности и континуальности семантического пространства текста относительно субстрата текста (при абзацном членении) подчиняется закону золотого сечения. Пропорции золотого сечения были исследованы при обращении к таким текстovým категориям как симметрия и асимметрия [9, 10].

По мнению А.Ю. Корбут пропорции золотого сечения внутри текста исполняют структурообразующие функции, организуя его как временную систему, систему последовательностей – формируют его линейность [9; 10]. Следовательно, если дискретность и континуальность организуются по законам золотого сечения, то эти категории так же участвуют в организации текста как временной системы и формировании его линейности.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что *абзацное членение является оптимальным для организации семантического пространства текста*, так как при членении субстрата текста на абзацы соотношение дискретности и континуальности семантического пространства текста реализуется по универсальному закону формообразования (золотому сечению)

Библиографический список

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — М.: Флинта; Наука, 2004. — 496 с.
2. Белоусов, К.И. О моделировании внутритекстовых пространств [Текст] / К.И. Белоусов, Г.Г. Москальчук // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — №11. — С. 126-129.
3. Белоусов, К.И. Применение метода графосемантического моделирования в лингво-маркетологических исследованиях [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — №8. — С. 40-46.
4. Белоусов, К.И. Концепт «водка» в современной России [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская, С.Д. Миронова // Маркетинг в России и за рубежом. — 2005. — № 2. — С. 102 – 108.
5. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие [Текст] / Н.С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
6. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
7. Зелянская, Н.Л. Организация семантического пространства романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» [Текст] / Н.Л. Зелянская // Русская литература в мировом культурном и

образовательном пространстве: материалы конгресса 15-17 октября 2008 г – СПб: 2008. – Т.2. Ч.1. – С. 85-93.

8.Ильенко, С.Г. Русистика: Избранные труды [Текст] / С.Г. Ильенко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 674 с.

9.Корбут, А.Ю. Текстосимметрия [Текст] / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2004. – 200 с.

10.Москальчук, Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста [Текст] / Г.Г. Москальчук. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 240 с.

11.Новиков, А.И. Семантическое пространство текста и способы его членения [Текст] / А.И. Новиков // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997. – С. 36 – 37.

12.Ньюман, Л. Неопросные методы исследования / Л. Ньюман // Социологические исследования. – 1998. – №6. – С.119-129.

13.Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка 4-е изд., дополненное [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

14.Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций [Текст] / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.

15.Юрлова А.Ю. Методическая культура современных социологических исследований [Текст] / А.Ю. Юрлова // Социологические исследования. – 2008. – №2. – С.135-140.

Bibliography

1.Babenko, L.G. Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice / [Text] / L.G. Babenko, Yu.V. Kazarin. – М.: Flinta; Nauka, 2004. – 496 p.

2.Belousov, K.I. About Intertextual Spaces Modeling [Text] / K.I. Belousov, G.G. Moskalchuck // Bulletin of Orenburg State University. – 2004. – №11. – P. 126-129.

3.Belousov, K.I. The Usage of the Method of Grapho-Semantic Modeling in Linguo-Marketological Research [Text] / K.I. Belousov, N.L. Zelyanskaya // Bulletin of Orenburg State University. – 2005. – № 8. – P. 40 – 46.

4.Belousov, K.I. Concept “Vodka” in Contemporary Russia [Text] / K.I. Belousov, N.L. Zelyanskaya // Marketing in Russia and Abroad. – 2005. - № 2. – P. 102 – 108.

5.Galperin, I.R. Text as an Object of Linguistic Research [Text] / I.R. Galperin. – М.: Nauka, 1981. – 139 p.

6.Ильенко, С.Г. Russian Studies: Selecta [Text] / S.G. Ilyenko. – SPb.: Publishing House of A.I. Gerzen RSPU, 2003. – 674 p.

7. Korbut, A.Yu. Textosymmetries [Text] / A.Yu. Korbut. – Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Pedagogical University, 2004. – 200 p.

8. Moskalchuck, G.G. Structural Organization and Self-Organization of the Text [Text] / G.G. Moskalchuck. – Barnaul: Publishing House of Altai University, 1998. – 240 p.

9. Novikov, A.I. Semantic Space of the Text and the Ways if Its Segmentation. [Text] / A.I. Novikov // Categorization of the World: Space and Time – М., 1997. – P. 36 – 37.

10. Newman, L. Nonpolling Methods of Research / L. Newman // Sociological Researches. – 1998. – №6. – P.119-129.

11. Ozhegov, S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language, 4th Edition, Enl. [Text] / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – LLC “A TEMP”, 2006. – 944 p.

12. Sakharny, L.V. Introductory into Psycholinguistics: Lecture Course [Text] L.V. Sakharny.– L. Publishing House of Leningrad University, 1989. – 184 p.

13.Urlova, A.Yu. Methodic Culture of Sociological Researches [Text] / A.Yu. Urlova // Sociological Researches. – 2008. – №2. – P.135-140.

14.Valgina, N.S. Theory of the Text [Text] / N.S. Valgina. . – М.: Logos, 2003. – 280 p.

15. Zelyanskaya, N.L. Organization of Semantic Space of the Novel “The Poor People” by F.M. Dostoevsky [Text] / N.L. Zelyanskaya // Russian Literature in the World Cultural and Educational Space: Materials of the Congress, 15-17 October, 2008. – SPb.: 2008. – V.2. P.1. – P. 85-93.

УДК 821. 512. 133: 17. 021. 2

ББК 87.717: 83.3 Уз

Курбанова Саида Бекчановна

соискатель институт Языка и
литературы имени Алишера Навои Академии наук
Республики Узбекистан
г. Ташкент

Kurbanova Saida Bekchanovna

Applicant for a Degree
Institute of Language and Literature named after Alisher Navai of the Academy
of Sciences of Uzbekistan Republic
Tashkent

Проблема общества и личности в узбекской публицистике
Society and Personality Problem in the Uzbek Publicism

В статье вопросы концепции личности и общества в художественной публицистике раскрыты на примере художественной публицистики выдающихся писателей Уткура Хашимова и Хуршида Дустмухаммеда. В публицистике У. Хашимова отношения общества и личности опираются на духовно- нравственные принципы. В публицистике Х. Дустмухаммеда концепция личности вытекает из сравнительного анализа всеобщих социальных, нравственных и литературных критерий.

The article reveals the questions of personality and society in narrative social and political essays in terms of the works by the prominent writers Utkur Khashimov and Khurshid Dustmukhammed. In U. Khashimov`s social and political essays society and personality relations are based on spiritual-and- moral principles. In Kh. Dustmukhammed`s social and political essays personality conception follows from the comparative analysis of the common social, moral and literary criteria.

Ключевые слова: публицистика, личность, общества, концепция автора.

Key words: narrative social and political essays, personality, society, author`s conception.

Концепция личности в художественной публицистике выражается в совокупности взглядов автора и общественных идеалов. Общественная, национальная, духовная, эстетическая позиция писателя в отношении личности и общества, то есть гуманизм автора определяется именно концепцией личности в публицистическом произведении.

Основным направлением художественной публицистики считается изучение проблемы личности и общества на основе духовно-нравственного направления. Писатели-публицисты в своих произведениях, отражая психологию общества, высокую духовность современников в гармонии с чувственным и логическим осмыслением личности выполняют задачи перед обществом.

В творчестве Уткура Хашимова концепция человека и мира в основном основывается на духовно-нравственном критерии. Это можно проследить в его художественной публицистике, посвященной трактовке взаимоотношений личности и общества.

Писателя в основном интересуют проблемы интеллигентной личности, ее социального статуса, функции и обязанности. Основная причина этого состоит в том, что интеллигенция ответственна за духовно-нравственную атмосферу в обществе. С этой точки зрения особое значение имеют статьи публициста «Чистая тетрадь души», «Нарушившие священную клятву» в которых подняты вопросы о личности учителя и врача, их социальной ответственности и достоинстве. По мнению литератора, обе профессии являются благородными и щедрыми. Следовательно, общественный авторитет обладателей этих профессий должен быть высокий. Однако чем же можно объяснить упадок их авторитета среди людей в последнее время? Как отмечает публицист, существует ряд объективных причин, приведших к этой ситуации. В частности, Уткур Хашимов в статье «Чистая тетрадь души» на основе реальных жизненных событий показывает внутренний мир личности учителя, его неизменную роль в обществе и его могущественную силу в формировании подрастающего поколения, а также останавливается на причинах понижения изо дня в день статуса этой профессии.

Писатель в целях полного олицетворения облика «учителя» в глазах читателя обращается к своим детским воспоминаниям, душевным переживаниям, зарытым в глубине мышления. В статье через жизненные факты образно излагается личность учителя, его человеческий облик и жизнь: «Несомненно, каждая профессия у нас почетна. У каждой профессии своя философия. Философия профессии педагога намного сложнее. Право впечатывать такое слово как «человечность» в чистую тетрадь души маленького ребенка предоставлено только учителю» [2. с. 98]

Действительно, душа ребенка, переступившего впервые порог школы такая же чистая как белый лист бумаги, сознание же еще абсолютно не осведомлено жизненными знаниями. Такая великая личность как учитель большим

кропотливым трудом даёт знания своим ученикам, учит их писать, читать, видеть мир, отличать хорошее от плохого, отвечать добром на добро.

Писатель в своей статье не ограничивается примерами из жизни и повествованиями, а наоборот, всесторонне анализирует объективные и субъективные причины понижения статуса учителя в обществе, жизнь городских и сельских учителей, культуру их поведения: «Имеется еще одна проблема, связанная с самим учителем и подрывающая его авторитет среди других. К большому сожалению, среди педагогов есть такие, которые оценивают не знания ребенка, а занимаемое положение родителей» [2. с.94]

Видно, что публицист глубоко изучает эту проблему и находит причины разочарования ученика в учителе. В частности, размышляя о личности учителя, он признает естественную тягу человека к лучшей жизни. Однако скажем, а если учитель будет оценивать ученика не по знаниям, а по положению родителя и таким образом удовлетворяет свою тягу к лучшей жизни? Учитель данным неприемлемым будет сеять несправедливость в сердцах детей, а это в конечном счете может стать причиной трагедии многих. Значит, немаловажное значение понижения статуса учителя в обществе имеют и субъективные причины. Известно, что эти причины неразрывно связаны с духовно-нравственным поведением личности. По мнению писателя даже в самых тяжелых условиях учитель должен выполнять свои обязанности добросовестно и искренне. А остальные не соответствуют благородному званию педагога.

Уткур Хашимов в своей статье «Нарушившие священную клятву» описывает события, схожие с предыдущим. Писатель признаётся, что много врачей, преданных своему делу. Среди таких автор перечисляет имена, как выдающихся академиков, так и простых фельдшеров. Это такие люди, которые к своей работе относятся ни как к источнику материального благосостояния, а с высокими благородными критериями. Но безалаберность, жадность и равнодушие некоторых врачей заставили писателя взяться за перо. По вине таких вот врачей, ребенок ослеп на один глаз. Вот что пишет мать этого ребенка: «Я плача пишу это письмо у изголовья моего сына. Очень жаль, что я не знаю ни фами-

лии, ни имен этих врачей, по вине которых мой сын остался калекой на всю жизнь. Знаю только одно: у них нет чувства сострадания и человеколюбия...» [2. с.139] Отношение писателя к таким врачам похоже на его отношение к учителям такой же категории. По мнению писателя, врач не достоин своего звания, если мысли его заняты другим, помимо защиты жизни и здоровья пациента. Кем же можно назвать врача, который думает, как воспользоваться тяжелым состоянием больного?

Если в современной узбекской художественной публицистике приоритетным является анализ проблемы с помощью логического чувствительного мышления, то в публицистике Уткура Хашимова приоритет отдается элементам аналитического анализа. В художественной публицистике писателя применяются методы покоя, восточной простоты, красноречия. Все проблемы, исследуемые в статьях, неразрывно связаны с человеком и его жизнью. Размышляя о каждой проблеме, писатель на примере маленьких проблем приходит к обобщенным целостным заключениям и выражает свои заключения в образных суждениях.

В публицистике Хуршида Дустмухаммеда концепция личности трактуется через великие ракурсы, такие как религия, философия и литература. Свойственные писателю способы трактовки, такие как мышление и дача заключения не ограничиваются величественностью или малозначительностью, повседневностью или универсальностью, всеобщностью событий, происходящих в реальной действительности. Он пытается из любого жизненного, социального, философского, литературного фактов сделать гуманистические выводы и во многих случаях он в какой-то мере достигает этого. Известно, что одной из коренных проблем философии и художественной литературы является поиск ответов на вопросы «Кто такой человек?», «В чем смысл жизни человека?», «Как должен жить человек, чтобы соответствовать своей сущности?».

В маленьких эпических произведениях, таких как «Дом на краю двора», «Пропущенная молитва», а также в художественно-философском романе «Базар» указанные всеобщие проблемы истолкованы на высоком уровне с помо-

щью различных художественных сюжетов, образов, философских бесед, мифологических примеров. Свойственная писателю концепция личности четко определяет художественную и социальную значимость его произведения. Такое же вывод можно сделать и в отношении художественной публицистике Хуршида Дустмухаммеда.

В публицистике Хуршида Дустмухаммеда мы часто встречаем произведения, посвященные проблемам человеческой сущности и философским отношениям. Например, в статье писателя, посвященной впечатлениям по поездке в Америку под названием «Свобода и безопасность: желанием равновесия» говорится о нравственном и моральном уровне журналиста. Он ищет ответа на вопрос: Какой должна быть личность национального журналиста в сравнении с мировой журналистикой? «А что у нас в Узбекистане? А наши журналисты интеллекты? Насколько правильно требовать от журналистики чрезвычайную интеллектуальность. Если мы желаем предотвратить современные проблемы в СМИ в кратчайшие сроки, нам придется серьезно подумать над ответами на подобные вопросы» [1. с. 84]

Действительно, в настоящее время когда СМИ выступают в качестве четвертой ветви власти не может быть и речи о возвышении духовности общества, если не будут разрешены актуальные проблемы, связанные с личностью и этикой журналиста, а также его способностью мыслить. Наряду с важными факторами формирования личности журналиста, такими как приверженность национальным ценностям, способность освоения образа восточного мышления нельзя без должного внимания относиться и к проблемам, связанным с цивилизацией народов мира, личностью и этикой современного цивилизованного журналиста. Ибо нынешний век – век информации, а значит и век журналистики. Не сформировав полноценную личность журналиста, не разработав этику современного узбекского журналиста невозможно в настоящее время информационного бума сохранить свою самостоятельность. Здесь Хуршид Дустмухаммед проявляет себя не только как журналист или писатель, а как писатель-просветитель, переживающий за сегодняшний и завтрашний день своего

народа. Писатель обращает внимание читателя на проблему формирования личности журналиста как одну из значимых проблем в судьбе народа.

Маленькая заметка писателя под заголовком «Профессия» даёт представление как логическое продолжение именно этой мысли: «Человек во многих местах вынужден молчать и он нуждается в помощи других. По крайней мере, ты должен добиться того, чтобы не быть в зависимости от кого-либо в области выбранной профессии. Человек, по крайней мере, чувствуй себя хозяином своего дела» [1. с.104]

Из этих кратких изречений можно понять, что сущность человека как личности определяется тем, насколько он овладел своей профессией, которой он занимается в своей повседневной жизни. Не следует ожидать личности от человека, не владеющего в совершенстве какой-либо профессией, постоянно нуждающегося в чьей-либо помощи или поддержке, не овладевшего определенной профессией на профессиональном уровне. В действительности же, большое понятие «ЛИЧНОСТЬ» неразрывно связано с понятием «ПРОФЕССИЯ». Для истинных владельцев профессии повседневная работа превращается в образ жизни и творчества. Писатель Х. Дустмухаммед желает, чтобы каждый стремился к этому и трактует это как одно из основных условий национальной духовности.

В заметке под названием «Человек, не замечающий себя» концепция личности раскрывается при помощи образной иронии и сильного социального контраста, что свойственно публицистике Х. Дустмухаммеда. «Вошёл в один дом, - пишет писатель, - возведен трехэтажный замок, очень современный, очень богатый! На лестничной площадке, на втором и третьем этажах, на каждом шагу поставлены большие дорогие зеркала! Потолок гостевой комнаты весь в зеркалах. Я позавидовал белой завистью. Вот только хозяин этого богатого дома видел ли своё отражение в зеркале? Он узнает ли себя?» [1. с.103]

Если посмотреть на эти строки с точки зрения жизненной логики, то можно высказать правдивое несогласие по отношению к ним. Неужели есть на свете человек, который ни разу ни взглянул на себя в зеркале? Даже собираясь

на работу не найдется ни одного мужчины или ни одной женщины, которые не бросили бы взгляд на себя в зеркале. Однако мы поняли иронию и убедились в том, что дело совсем в другом. Разве мало в настоящее время таких людей, которые возводя великолепные дворцы, считая себя представителями высших слоёв общества, но не прочитавший за свою жизнь ни одного художественного произведения, забывая свой дом импортной мебелью не находили места даже для одной книги.

Писатель показывает такие плачевные состояния образно. В этих словах, по отношению к людям, тратящим драгоценные минуты жизни на повышение своего благосостояния, бессмысленное заполнение своего жилья, подобно муравьям, есть как большое сострадание, так и сильная ирония. Как может осознать себя человек, не ведающий о том, с какой миссией он явился на свет, и у которого не хватило ума посмотреть правде в глаза, достоин ли он высокого звания Человек?

Говоря одним словом, концепция личности, свойственная творчеству Х. Дустмухаммеда, вытекает из сравнительного анализа мирового социального, духовного, культурного и литературного процессов. Глубокая укорененность духовного наследия народов Востока, в частности, узбекского народа в душу писателя нашло отражение в его заключениях, касающихся концепции личности. Писатель, впитавший в себя религиозный, философский, литературный понятия и взгляды не колеблется также в процессе анализа больших задач, и обосновывает свою прочную публицистическую позицию. Созданные в гармонии публицистический, комический, драматический, трагический толкования обеспечивают яркое выражение мыслей по концепции личности в выражении.

Библиографический список

1. Дустмухаммед Х. Радости свободного волнения. – Ташкент: Издательство «Маънавият», 2000. – 112 с.
2. Хашимов У. Белая радуга. – Ташкент: Издательство «Адабиёт ва санъат», 1984. – 176 с.

Bibliography

1. Dustmukhammed, Kh. Pleasures of Free Excitement / Kh. Dustmukhammed. – Tashkent: Ma'naviyat Publishing House, 2000. – 112 p.
2. Khashimov, U. White Rainbow. – Tashkent: Adabiyot va Sa'nat Publishing House, 1984. – 176 p.

Лошакова Галина Александровна

кандидат филологических

наук, доцент

кафедра немецкого и французского языков

Ульяновский государственный

университет г. Ульяновск

Loshakova Galina Alexandrovna

Candidate of Philology,

Assistant Professor

Chair of the German and the French Languages

Ulyanovsk State University

Ulyanovsk

**Мифологема пути в новеллистике Адальберта Штифтера («Холостяк»)
The Way Mythologeme in the Stories by Adalbert Stifter (“The Old Bachelor”)**

В статье исследуется пространственно-временная модель пути в новелле австрийского прозаика А. Штифтера «Холостяк». В этом тексте выделяются такие компоненты, как испытание героя, граница жизни и смерти, возвращение домой после скитаний. Эти компоненты являются реминисценциями творчества Данте Алигьери, греческой мифологии, сказки.

In this article the space-and-time model of the way in the story by the Austrian prosaist A. Stifter “The Old Bachelor” is under investigation. In the text the following components are marked: character’s testing, the boundary of life and death, returning home after wandering. These components are reminiscences of the works of Dante, of the Greek mythology and tales.

Ключевые слова: пространственно-временная модель, новелла, мифологема, испытание героя, австрийский прозаик.

Key words: space-and-time model, story, mythologeme, character’s testing, Austrian prosaist.

Художественные пространство и время являются принципиально важными компонентами поэтики произведений австрийского прозаика А. Штифтера (1805-1868). Следует отметить, что этому вопросу в немецкоязычном литературоведении уделялось достаточно большое внимание. Здесь можно указать на ряд работ конца 60-х начала 70-х годов 20-го века [6; 7; 8]. Отдельные статьи были посвящены и новелле «Холостяк» [5]. Категория времени в произведениях Штифтера, была также изучена немецкоязычным литературоведением, однако по сравнению с категорией пространства этот вопрос требует, на наш взгляд, более детального изучения. Прежде всего, необходимо отметить, что глубокий анализ этого вопроса содержится в книге Е. Клэуи [8]. В российском штифто-

рководении проблема хронотопа произведений Штифтера отчасти затронута в работах Н. С. Павловой [1, 28-29, 49] и Н. Э. Сейбель [2, 21-26; 72-79].

Обратившись к анализу пространственно-временной модели и мифологеме пути в новелле Штифтера «Холостяк», необходимо подчеркнуть особо значительные выводы немецкоязычных исследователей по данной теме. Так Г. Д. Ирмшер подчеркивает, что пространственные формы в произведениях Штифтера способствуют созданию опосредованного и предметного образа характеров и судеб героев [7, 15]. Анализируя пространство романов прозаика, он подразделяет его на следующие типы: гомогенное пространство [7, 169], пространство бесконечности и человеческих страстей [7, 174-182], потеря пути [7, 183], пространство как прибежище [7, 189] сакральное пространство [7, 199], закрытое пространство [7, 212]. Схема же времени, по его мнению, такова: остановившееся время, прерывающееся время, время нравственного выбора, время человеческих страстей [7, 255-261].

Говоря о Штифтере как о поэте пространства [6, 179], Б. Хиллебранд определяет два полюса его пространственного мира. Это природа и находящая свое воплощение как в ландшафте, так и в домашнем очаге культура. Между этими полюсами вращаются герои Штифтера [6, 176]. Два основных способа изображения пространства в произведениях Штифтера, по мнению исследователя, – это странствие и перспектива, открывающаяся перед героем с какой-либо возвышающейся точки или из окна дома.

Итак, в прозе Штифтера дискурс пути и его образ определяют сюжетную линию как новелл, так и романов («Кондор», «Полевые цветы», «Степная деревня», «Горный лес», «Записки моего прадеда», «Дурацкий замок», «Авдий», «Старая печать», «Холостяк», «Горный хрусталь», «Лесной путник», «Прокоп», «Три кузнеца своей судьбы», «Бабье лето», «Витико»). Ряд произведений Штифтера дает основание ввести термин мифологемы пути для их анализа, содержащейся, согласно В. Н. Топорову, в архетипических пластах различных по своей хронологии текстов [3].

В новелле «Холостяк» («Der Hagestolz, 1844) путь мифологизируется, в нем можно выделить определенные архетипические компоненты: прощание с домом, лесная и горная дороги, сначала, радующие глаз, потом по мере продвижения становящиеся все более и более мрачными, таинственное озеро, зарешеченный дом и его странный обитатель (родной дядя героя). В повествование вводится и далее развивается мотив восхождения юного героя в горы: «Он подымался все выше. Расстояние между Виктором и покинутым домом все удлинялось, и время... тоже все удлинялось.» [4, 344]. Время постепенно от обыденного течения переходит в совсем иное, а именно медленно застывающее время вечности. Странствие героя уподобляется концентрическому кругу, все более сужающемуся по мере его продвижения: сначала перед ним необъятное суммарное пространство гор, лесов и долин, потом оно ограничивается озером, далее - островом, имеющим, как известно, замкнутую, округлую форму. В конце оно становится пространством дома, закрытого со всех сторон от кого бы то ни было.

Дальнейшее исследование мифологемы пути героя предполагает возможность его анализа в рамках интертекстуальности. Так героя сопровождает собака, шпиц, убежавший из дома за своим хозяином. Его функции, как следует далее из повествования, быть верным другом и напоминать о доме. В странствиях Виктора собака может быть поставлена в семантическую параллель с животными из «Ада» Данте, явившимися автору на пороге в преисподнюю (лев, волчица, рысь). Но если в «Божественной комедии» они вызывают у героя ощущение ужаса или отвращения, то в данном тексте животное скорее выполняет функцию проводника по тем кругам, которые было суждено пройти Виктору. Горное селение Атманинг становится той границей, за которой изменяется все: дорога, природа, ощущения героя. И если до этого места он наблюдал картину, радующую глаз, то после Атманинга он попадает в очень густой лес, в котором «лиственные породы пропали, ...только иногда чащу прерывали осыпи» [4, 348]

Виктору необходимо попасть в местечко Гуль, о котором он еще в трактире слышит, что это там, наверху. Следовательно, путь по-прежнему обозначает восхождение, однако, чтобы достичь цели, герою приходится преодолевать препятствия. И первое – это так называемая горловина, откуда Виктору открылось впервые озеро и где он испытал «граничащее со страхом благоговение» [4, 350] (Аналогично у Данте узкое пространство как выход из ада). Согласно В. Н. Топорову, значение опасности присуще топографическим объектам перехода, переправы, препятствия [3, 250]. Ощущение чего-то необычайно опасного, таинственного усиливается, когда Виктор за словно бы расступившимися деревьями видит перед собой озеро: «Ни хижины, ни человека, ни одного живого существа. Озеро... лежало перед ним широкое и темное...» [4, 350].

Логическим продолжением пути становится переправа через озеро. Старик, ведущий лодку, показывает горный массив Гризель, поднимающийся из воды, рассказывает о том, что к острову можно причалить только в одном месте и что когда-то его населяли монахи, безжалостно истребляемые землевладельцами Атманинга. Подробности и детали создают странную картину нахождения словно бы по ту сторону бытия, как это было показано когда-то Данте в «Божественной комедии»: нагромождение скал, изредка пробегающий по ним свет, темная вода озера, постепенно приближающийся остров, значение которого – тайна, опасность, угроза. Старик вызывает реминисценции с Хароном, перевозящим души мертвых в Аид, а топографические объекты приобретают сакральный смысл, указывающий на их изначальность и вневременность.

В описании этого же озера, только ночью, на берегах которого в силу обстоятельств, хотел заснуть герой, снова можно найти значение застылости, омертвелости, опасности: «Красавицы горы, так восхищавшие его, когда он подходил к ним, становились все мрачнее и накладывали зловещие темные и разорванные пятна на озеро... И, по мере того как окружающие предметы окутывались тенями ночи, облик их становился все более необычным» [4, 357] Оппозицией застывающего в тяжелой дреме озера, вообще всего этого пустынного места с таким же пустынным домом, становится воспоминание о домике

приемной матери Виктора, в котором ночная тишина наполнена журчанием ручья в саду, сладкой дремотой бузины [4, 365] и разговорами матери и Ганны, ее родной дочери. Эта оппозиция ложный дом – настоящий дом будет распространена на всю новеллу в целом.

По прибытию на остров – снова дорога вверх, через запущенную лужайку со стоящими в траве изваяниями карликов. (Преобладание на этом пути камня и железа: «каменные гномы» [355], «каменный бордюр колодца» [355], «железная решетка» [367] в глухой каменной стене). Перед героем простирается застывший мир, близкий ко сну или умиранию. Застыла сама музыка на инструментах в руках карликов. И снова его встречает старик, как выясняется, слуга его дяди. И его родственник оказывается также человеком преклонных лет, и за столом ему прислуживает также старая женщина [4, 355, 356, 369]. В тексте возникает возрастная антитеза. Стареющему, угасающему, уходящему в небытие миру одушевленных и неодушевленных существ противопоставлены только два явления природы: юноша и зелень деревьев, в летнем цветении которой содержится уже значение преходящего.

По прибытию в дом дяди юный Виктор сразу же подвергается испытанию: старик предлагает утопить в озере шпица, сопровождающего героя. Введение животных в повествование снова усиливает его мифологическое значение: шпиц, как известно, выполняет охранительную функцию, а три больших собаки (аналогия с тремя животными, встретившиеся автору в произведении Данте) в столовой дяди – функцию угрозы, так как они рычат на героя. И родственник Виктора, который в свое время поставил еще и условие, чтобы племянник обязательно проделал долгий путь пешком, таким образом, уподобляется некоему чудовищу античного мифа или волшебной сказки.

Разгадка странного дома и такого же существования героя в нем оказывается достаточно тривиальной. Автор рисует жизнь старого холостяка, страдающего от осознания того, что у него нет и уже не будет детей, что годы нельзя вернуть и что в юности из-за своего характера он упустил возможность любви. В новелле далее развивается типично бидермайеровская проблематика, и

данный герой предстает уже как определенный тип бидермайера. Он богат, недоверчив, суров, вместе с тем жалок в своей жажде поздней отцовской любви. В кульминационной ситуации новеллы, когда Виктор упрекает дядю в том, что он никогда никого не любил, старик буквально вымаливает сыновнюю любовь. «Я хотел тебя видеть. Я хотел видеть твои глаза, твои волосы, ноги и руки, всего тебя целиком так, как видят сына» [4, 392] В этой мольбе любви выражается скрытая драма одинокого старика, не знавшего никогда душевной близости другого человека. Вместе с тем приведенные отрывки являются выражением глубокого психологизма сжатого и сдержанного штифтеровского стиля.

Бидермайеровская мотивировка происходящего совмещается с мифологическим пластом повествования, о котором говорилось ранее. Юный Виктор напоминает Одиссея, отправившегося в далекий неизведанный путь, полный опасностей и загадок, и прибывшего на свой, предназначенный ему судьбой остров испытаний. Вместе с тем он и Телемах, ищущий следы своего отца. И подобно еще одному античному герою, Ахиллу, он совершает своего рода обряд посвящения и закаливания, купаясь в темных и чистых водах озера, вход в которое до момента объяснения с дядей закрывался деревянными дверьми пристани. Озеро, следовательно, является метафорой Стикса, что подчеркивается такой его часто варьируемой характеристикой, как «темная, неподвижная, без малейшей ряби, вода» [4, 372]. Оно же сопоставимо в тексте и с зеркалом, в котором отражаются скалы и еще «какие-то светлые непонятные предметы» [4, 350]. Вводится значения зазеркалья, мира, лежащего по ту сторону озера-зеркала. Следует подчеркнуть, что дядя нередко наблюдает за Виктором, убеждаясь все более в силе и ловкости молодого наследника. Мотив испытания героя, являющийся константой повествования, является, как известно, архетипическим компонентом и таких жанров, как миф или сказка.

Пустынный зарешеченный дом далее приобретает значение некоего заколдованного замкнутого пространства, в котором правят одиночество, старость, ведущая постепенно через угасание к смерти. Характерной чертой является также «мертвенная тишина» [4, 366], течение времени в доме «убийственно

медленно» [4, 384]. Смерть становится лейтмотивом главы «В дядином доме»: постоянным занятием хозяина становится вычищение щеткой пыли с чучел птиц, у него коллекция оружия, дом расположен на территории бывшего монастыря, где жили когда-то уже давно умершие люди, а хозяин дома открывает Виктору многие помещения и комнаты в подземелье. В новелле создается образ пространства, все более ассоциирующегося в дальнейшем с неким подземным царством, теперь уже не столько с дантовским Адом, сколько с Аидом древнегреческих мифов. Как следует далее из повествования, герой оказывается в круге, очерченном монастырской стеной, из которого практически не существует выхода.

Время в новелле обнаруживает также определенную архетипическую закономерность. Отдельные его отрезки имеют тенденцию к округленности, завершенности, цикличности. Так герой прибывает к порогу, к границе, за которой открывается совершенно иной мир на 9-ый день, в этот же день он также достигает его пределов. Таким образом, на числе 9 завершается один круг странствий героя и начинается следующий. В нем тоже прослеживается хронология, тяготеющая к символической завершенности: Виктор гостит у дяди 6 дней, на 7-ой он готов отправиться в путь, но его родственник не отпускает его. Начинается долгое пребывание пленника на острове и вместе с тем странствие по кругу, так как остров защищен монастырской стеной, за которой герой и открывает еще один мир. Здесь, в этом месте он пробудет целых 35 дней, число, также указывающее на определенную завершенность: это 5 семидневных недель. Выход из круга найден только тогда, когда дядя все же отпускает племянника, щедро, как это происходит в архетипических текстах, его наградив, сделав наследником своего имущества. С этого момента путь героя выпрямляется, убыстряется, становится снова радостным, потому что ведет к настоящему дому [4, 403-404].

Уже по дороге исчезает у героя ощущение замкнутости, закрытости пространства. Время убыстряется, в тексте можно найти имплицитно выраженные признаки движения, превращающегося в полет: сердце героя трепещет от радости и несет его вперед к родному дому. [4, 404] Путешествие заканчивается. В

прошлом остается замкнутое, омертвелое пространство дядиного, ложного дома и открывается иное – родного, материнского. Следует, однако, подчеркнуть, что и дом становится в конце новеллы своего рода кругом, кругом семьи, в которой соединяются все родственные начала: Виктор женится на Ганне, дочери своей приемной матери. Кольцо замыкается, но оно не есть кольцо одиночества и страдания, а любви, дающей продолжение жизни. Таким образом, текст Штифтера, не отличающийся большим эпическим размахом, в то же время дает глубокое, философское представление о пространственно-временном континууме, служащем в данном случае отражением сложной, психологической жизни героев.

Библиографический список

1. Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе/ Н. С. Павлова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 311 с.
2. Сейбель Н. Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Броч, Р. Музил/ Сей-бель Н.Э. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. – 290 с.
3. Топоров В. Н. Пространство и текст/ В. Н. Топоров// Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – с. 227-284.
4. Штифтер А. Холостяк/ Перевод И. Татариновой/ А. Штифтер// Штифтер А. Лесная тропа. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1971. – с. 316-410.
5. Enzinger M. Der Schauplatz von A. StifTERS "Hagestolz"/M. Enzinger// Gesammelte Aufsätze zu Adalbert Stifter. –Wien: Böhlau, 1967. - S.54-66.
6. Hillebrand B. Mensch und der Raum im Roman. Studien zu Keller, Stifter, Fontane/ B. Hillebrand. – Münch.:Winkler-Verl., 1971. – 336 S.
7. Irscher H. D. Adalbert Stifter. Wirklichkeitserfahrung und gegenständige Darstellung/ H.D. Irscher. – Münch.: Fink-Verl., 1971. – 300 S.
8. Kläui E. Gestaltung und Formen der Zeit im Werk Adalbert StifTERS/ E. Kläui.-Bern: Herbert Lang, 1969. – 110 S.

Bibliography

1. Enzinger, M. Scene of Action of "The Old Bachelor" by A. Stifter / M. Enzinger// Collected Articles to Adalbert Stifter. – W.: Böhlau, 1967. - P. 54 -66.
2. Hillebrand, B. Man and Space in the Novel. Studying Keller, Stifter, Fontane / B. Hillebrand. – Münch.: Winkler, 1971. – 336 p.
3. Irscher, H. D. Adalbert Stifter. The Cognition of Reality and Object Image/ H.D. Irscher. – Münch.: Fink, 1971. – 300 p.
4. Kläui, E. The portrayal and the forms in the work of Adalbert Stifter/ E. Kläui. - Bern: Lang, 1969. – 110 p.
5. Pavlova, N. S. The Essence of Reality in the Austrian Literature/ N. S. Pavlova. – М.: Languages of Slavonic Culture, 2005. – 311 p.
6. Seybel, N. E. The Austrian Parallel: A. Stifter, G. Broch, R. Musil / N.E. Seybel. – Chelyabinsk: Chel. State Pedagogik University, 2005. - 290 p.
7. Stifter, A. The Old Bachelor / Transl. by I. Tatarinova / A. Stifter // Stifter A. The Forest Path. Stories. – М.: Fiction, 1971. – P. 316 – 410.
8. Toporov, V. N. Space and Text / V. N. Toporov// Text: Semantics and Structure. – М.: Science, 1983. – P. 227-284.

УДК 398 (=945.32)
ББК 82 (2 Рос.Ком.)

Панюков Анатолий Васильевич

кандидат филологических

наук, доцент

сектор фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар

Panyukov Anatoly Vasilievich

Candidate of Philology,

Assistant Professor

Folklore Section of the Institute of Language, Literature and History
Komi Scientific Centre of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar

Мифологический сюжет о варке сусла в фольклоре коми.

Mythological Plot about the Wort Boiling in Komi Folklore

Анализируемый мифологический сюжет получил широкое распространение в коми традиции и обладает рядом признаков автохтонности: это и соотнесенность с устойчивыми представлениями о колдовстве, и культурно-героические функции персонажей, и жанровая пестрота бытующих вариантов. Отталкиваясь от языковой структуры сюжета и сопоставляя имеющиеся варианты сюжета, автор показывает его заимствованный характер.

The mythological story under analysis is widely distributed in the Komi tradition and has a number of autochthonous characteristics, such as: it correlates with the notions of witchcraft and cultural-and-heroic functions of characters, genre diversity of prevailing variants. Starting with the linguistic structure of the plot and comparing the available plot variants, the author shows its borrowed character.

Ключевые слова: традиционная культура, коми фольклор, фольклорное заимствование, структура сюжета

Key words: traditional culture, Komi folklore, folk borrowing, plot structure.

С точки зрения поэтики многие прозаические жанры – такие, как мифологический рассказ или предание, по своей формально-смысловой организации близки к разговорной речи. Поэтому заимствованные прозаические фольклорные тексты, как правило, являются точными или близкими переводами на свой язык сюжетного содержания произведения или его отдельных мотивов. Однако и здесь можно обнаружить случаи достаточно жесткой формальной организации сюжета, которая определяет и способ его заимствования. В качестве примера для размышления над этой проблемой рассмотрим широко распространенный в фольклоре коми мифологический сюжет о варке сусла. В наиболее типичной версии: знахарь на берегу варит сусло, по реке идет лодка, с лодки кричат по-русски: «Сусло, стой!». Сусло перестает течь. Тогда знахарь с берега заклинает

тоже по-русски: «Если сусло стой, то и лодка стой». Лодка останавливается и стоит до тех пор, пока знахарь не снимает заклятия.

Приведенный сюжет – один из самых популярных в т.н. коми колдовском эпосе, причем реализуется он в самых разных жанровых видах: как историческое предание, легенда или т.н. быличка – мифологический рассказ о конкретных людях. Об этом можно судить по персонажам: Кёрт айка и неизвестный колдун [3, с.69]; Кёрт айка и Фома [2, с. 82]; знахарь из Небдино и неизвестный русский знахарь на барке [3, с. 69-70]; князь из Княжпогоста и Стефан Пермский: князь варит сусло, Стефан проплывает мимо на камне [3, с. 70-71]; богач из Керчомьи варит на берегу сусло к празднику, с проплывающей мимо барки крикнули: «*Сусло пöстой!*»; тот отвечает: «*Если көпöнаша сусла стой,и вашалодка пö стой!*» [3,с.73-74];вариант:женщины варят на берегу сусло к сено-косу, с проплывающей мимо барки крикнули «*Сусло стой*»; женщины обращаются за помощью к старику-колдуну, тот отвечает [2, с. 81]; сюжет о Кужбинском знахаре Педор Петыре и неизвестном знахаре на лодке [1, с. 34]. В статье «Зырянская легенда о паме Шипиче» В.П. Налимов [6, с. 122-123] приводит близкий сюжет о новгородских разбойниках и паме, в котором появляется до-полнительный мотив «лодка разбойников сама поднимается против течения». Данный «техногенный» мотив, при всей своей окказиональности еще больше усиливает колдовскую семантику. Здесь же можно вспомнить образ верхневы-чегодского колдуна, останавливавшего своим колдовским знанием пароход на реке [11, с. 19]. Кроме того, у вашкинских коми зафиксирован трансформированный вариант этого же сюжета: пахарь пашет поле, кто-то с лодки говорит:

«*Лошадь стой!*»;пахарь отвечает: «*Если лошадь стой, то и лодка стой*» [5].

На этом фоне обилия вариантов трудно говорить о том, что перед нами заимствованный сюжет, тем более что по имеющимся в нашем распоряжении публикациям русской сказочной прозы нам не удалось найти ни одного подобного текста. Единственный сюжет на эту тему, правда, в другой жанровой версии – в виде магического поверья – был записан в Тотемском уезде Вологодской губернии: *Существует поверье, что некоторые крестьяне, не колдуныи не знахари, желая кому-нибудь сделать назло, при входе в избу во время варки*

пива могут "остановить сусло", сказавши только: "Судно стой и сусло стой" (3 раза). Уверяют, что после этих слов сусло тотчас перестает течь из чана. Когда желают остановить работу при "выжиманьи" масла, то говорят: "Судно стой и масло стой!" Тоже говорят, что после троекратного произнесения этих слов масло не выжимается из семян. (Эти приметы сообщил крестьянин Папа Собанин, д. Монастырихи Бережнослободской вол. Тотемского у.) [10, с. 43].

Этот очевидный парадокс может иметь два объяснения: сюжет возник в какой-то маргинальной, двуязычной среде, откуда и попал в общекоммунитарный репертуар, или сюжет не получил такой популярности в самих русских традициях в силу отсутствия тех «катализаторов», о которых речь пойдет ниже.

При первом приближении этот мифологический сюжет может быть сопоставлен с другими вариантами фольклорных контаминаций, бытующих у коми: при создании автохтонного повествования заимствуется сюжетная основа, диалоговая конструкция сохраняется в исходном русскоязычном виде, поскольку диалог на русском языке обыгрывается в ритуально-магическом ключе. Включение в сюжет русскоязычной «вставки» соотносится с появлением мотива заговаривания/ заклинания. Таким образом, сюжет находит соответствующую формально-смысловую организацию текста фольклорную «нишу».

На самом деле в русской мифопоэтической традиции этот сюжет связан с совершенно иными механизмами создания мифологической наррации. Он представляет собой особый тип структурно-семантической организации нарратива: ядро сюжета имеет определенное языковое выражение, формальная конструкция которого организует всю его структуру. Эта формально-смысловая организация сюжета не поддается вариациям, поскольку в противном случае он просто «рассыпится». Отмеченная специфика становится очевидной при лингвосемантическом подходе к мифологическому сюжету, обоснованном и опробованном нами в ряде других работ [7-9]. Здесь отметим наиболее общие пункты. Лингвосемантический анализ мифологических рассказов позволяет выделить два нарративных типа взаимодействия данного языка и мифопоэтической картины мира. Первый тип – это собственно мифологические сюжеты, возни-

кающие в результате работы языка «под мифопоэтику». И второй тип нарративов, реализующий обратную связь, – это сюжеты, возникающие в результате взаимодействия языковой системы с уже существующими мифопоэтическими представлениями, фиксирующими определенные фрагменты модели мира в виде словесных текстов. Такой тип нарративов имеет свою языковую прагматику, направленную на закрепление определенных языковых аномалий, возникающих в коммуникативной реальности. Рассматриваемый сюжет относится ко второму типу, его лингвопрагматический смысл можно выразить в виде логической формулы: то, что *течет* и *плывет*, может *идти*, поскольку то, что *течет* и *плывет*, может *стоять*. Первая часть выражает языковую аномалию, актуализируемую в данном сюжете. Собственно она сохраняется и в современном русском языке («корабль идет/ корабль плывет»). Вторая часть – это логическое (= мифологическое) закрепление языковой нормы. Мифологический сюжет обыгрывает коммуникативную ситуацию, используя для этого соответствующий этнографический контекст (сусло течет, лодка плывет). Как фольклорный рефлекс на эту же языковую «ловушку» можно отметить традиционную для русской лирики формулу «речка течет, не шумит – лодка плывет не стоит» [12, с. 138-139, 318].

Приведенный выше вологодский вариант с *судном* по праву может быть признан первичным, поскольку в нем присутствует дополнительная звуко-смысловая связь *сусло-судно*, которой уже нет в варианте с лодкой, с баркой, с плотом и т.д. Более того, вариант с *судном* мог быть связан с более глубокой языковой игрой, связанной с этимологией этого слова: *судно* < *судь* (< *s dъ) 'сосуд, посуда'; первичное значение – 'вместилище, составленное из частей', например бочка, ведро (вначале деревянное) и т.д. Применительно к нашему сюжету: у русских *судном* называли и чан (кадку) для сусла, вместимостью в 30-50 ведер. Это *судно ставили* на невысокие подкладки так, чтобы под него свободно входило деревянное корыто. На дне судна имелось отверстие, через которое вытекало готовое сусло. Варили пиво либо на улице, недалеко от избы, либо на берегу реки. У более зажиточных хозяев там стояли поварни, большинство же имели кострища, куда заранее завозили собранные на полях камни [13].

В таком контексте оба мотива – «судно стояло» и «сусло стояло» изначально присутствовали в одном технологическом тексте, что так же могло послужить катализатором для появления сюжета. Таким образом, перед нами возникает исключительно благоприятный ситуативный фон для возникновения мифологического сюжета: подходящий хронотоп (лето, берег реки), подходящий ассоциативный план (*судно* на реке – *судно* для *сусла* на берегу; речка течет – *сусло* течет). Однако для того, чтобы сюжет нашел свое место в фольклорной картине, этого оказалось недостаточным. Что произошло с этим претекстом в коми традиции?

Прежде всего, отметим, что при заимствовании сюжета соблюдается его исходная формально-смысловая организация. Лексико-семантическое ядро не переводится на коми язык, а сохраняется как «текст в тексте». В результате этого возникает двуязычный сюжет, который в коми традиции приобретает совершенно особую мифопоэтическую проекцию. Сам сюжет начинает обыгрываться как типичная ситуация столкновения двух знахарей: своего (коми) и чужого (русского). Соответственно диалог между ними становится микротемой словесного состязания в магической силе, а говорение на русском языке реализуется как переключение на магический язык. Эта семиотически «сильная» позиция, в которую попадает заимствованный сюжет и приобретает «вторую жизнь», начинает играть роль семантического «притяжателя». Такое типичное для заимствований попадание в «исконную» нишу начинает проявляться в традиции как псевдоархаизация повествовательной традиции. В собственно коми традиции возникают дополнительные мотивы и варианты, усиливающие ритуально-магический «фон» сюжета: персонажи сюжета выступают в роли «хранителей места»; некоторые варианты приобретают календарно-обрядовую привязку, сюжет соотносится с изготовлением ритуального напитка – *кануна*. Появляются усиливающие магический контекст детали: лодка останавливается на самом быстром течении, останавливается самое быстрое *сусло* и т.п.

И здесь определенное недоумение вызывают научные обобщения, без особых сомнений ставящие знак равенства не только между абсолютно разными артефактами *сусло* и *чужва* (*сусло* – это фольклорный образ, не имеющий

отношения к этнографическим *чужва* 'сусло' и *сур* 'пиво'), но и между фольклорной и этнографической реальностями. Например, в энциклопедической статье о *сур'е* 'пиве' Н.Д. Конаков констатирует: «Фольклорные данные свидетельствуют, что в прошлом процесс варки сура был сакрализован. В распространенном в коми-зырянском колдовском эпосе сюжете говорится, что дед-колдун и его внук, т.е. уже ритуально чистый и еще ритуально чистый представители мужского пола, варят *сур* на берегу реки. С проплывающей по реке лодки слышится: “Сусло, стой!” В ответ на происки другого колдуна раздается: “Если сусло стой, то и лодка стой!”. Убедившись в силе друг друга, колдуны снимают заклятья, восстанавливая статус-кво после слов: “Сусло, беги!” и “Если сусло беги, то и лодка беги!”» [4, с. 348].

Мы не будем подробно анализировать все зафиксированные в коми традициях сюжеты, а вкратце обозначим некоторые крайние точки освоения этого сюжета.

Приведем вариант предания о вишерском Тюве и небдинском знахаре Панько: *Õти пöраэ Тюве вöлэм катэ Эжва кузя пыжэн, а Панько вöлөмöшиньулас вöчэ сур. Õтласясны кык тöдысь дай вэнэ воасны, коднис йонэсь тöдэмнас. Тюве дöзмас Панько вылэ дай шувас рочен: “У Панькоа сусло стой!”. И сур оз кут вийавны. Панько дöзмас дай шувас Тювелы: “У Панькоа (кэ) ли сусло стой и ваша лодка стой!” И Тюве мырсяс чöлэй лун, а пыж месаись оз вöрзыв. Дай кутас кевмисьны Паньколы: “Вай, лэдз, пезжалуйста, менэ! Тэ вöлэм унджык тöдан ме дорысь” [15, с. 332] (Однажды Тюве поднимался по Вычегде на лодке, а Панько под окнами пиво делал. Сошлись два знахаря да и заспорили, кто сильнее знаниями. Тюве обозлится на Панько да и скажет по-русски: “У Панько сусло стой!”. И пиво перестанет течь. Панько обозлится да и скажет Тюве: “Если у Панько «сусло стой», и ваша лодка стой!” И Тюве промучается целый день, а лодка с места не тронулась. Да и стал умолять Панько: “Давай, отпусти, пожалуйста, меня! Ты оказывается больше меня знаешь”).*

Вариант отличается тем, что оба персонажа – коми, и переключение на русский язык здесь «узко специализировано» как магический интекст (закля-

тие). Кроме того, этот сюжет выбивается из цикла преданий о Тюве, поскольку здесь он оказывается в роли слабого противника. Исполнитель родом из другого села этого же района, и в его рассказе именно местный персонаж наделяется большей знахарской силой. Стоит обратить внимание на грамматические ошибки в русскоязычных фрагментах, которые связаны с попыткой исполнителя говорить «по-русски».

Далее мы можем привести деформированный вариант, в котором уже нет диалога и мотив «сусло стой» становится формой выражения необычных, гипертрофированных колдовских знаний персонажа: *Юркаыс вёлёмке Яг-морт, зэв тёдись, ставсё тшыкёдлө. Туй Эжва вывті ке мунэ пыж, сійö шуас: “Сусло, стой! Лодка стой!” – и сувтэ не (пыжыс). Суслоыд сувтас медвизувыс, и пыжыс сувтас* (Юрка был Яг-морт, очень знающий, всех портил-колдовал. Если по Вычегде плыла лодка, он говорил: “Сусло, стой! Лодка стой!” – и (лодка) останавливалась. Сусло останавливалось самое быстрое, и лодка останавливалась) [2, с. 99]. Эта запись сделана в 2003 г., здесь мы видим трансформацию сюжета о местном силаче в магически сильного персонажа, соотносимого с демоническим образом *Яг морта* (букв. ‘Лесного человека’), и сама «отсылка» к сюжету о варке сусла становится интекстуальным вкраплением – магическим заклятием, произносимым Юркой. Отметим, что этот вариант ближе всех к приведенному выше севернорусскому магическому сюжету, хотя в коми традиции он явно вторичен.

Говоря о дальнейшей эволюции заимствованного сюжета, стоит обратить внимание на «инверсированный» вариант: пивовар на берегу заинтересовался проплывающей баркой и крикнул по-русски: «*Барка, стой!*»; с барки отвечают: «*Если барка стой, то и сусло стой!*» [2, с. 82]. В этом варианте сохраняется мотив диалога персонажей на русском языке, однако в таком виде теряется сюжетный смысл «свой знахарь на берегу (= хранитель места) оказывается магически сильнее «чужого» в лодке». Более того, в лингвопрагматическом плане инверсия диалога приводит к потере «переключателя» в магический план, поскольку предложение «Лодка, стой!» обладает обыденными значениями и в речевом контексте может означать ‘перестаньте грести’, ‘пристаньте к берегу’. По-

этому как попытка «компенсировать» нарративный «разрыв» возникает поясняющий мотив любопытства.

Более органично подобный сюжет с инверсированной структурой «свой знахарь плывет на лодке, чужой – на берегу варит сусло» вписывается в мифопоэтическую нишу «знахарь – проводник в мир чужих». Например, рассказ о верхневычегодском знахаре Петыр Епиме, выполняющем роль охранителя свадебного поезда: знахарь на лодке сопровождает свадьбу; колдун на берегу варит сусло и останавливает лодку; Петыр Епим заговаривает сусло противника и заставляет колдуна снять заклятие [14, с. 306-307].

Теперь можно посмотреть, что происходит с сюжетом при его переводе в монологичный план. Т.Е. Утилой был записан такой переведенный вариант известного сюжета о Кӧртайке и Стефане Пермском: *«Важен овлӧма Кӧрт айка, сийӧн и шувӧни Кӧрткерэсэн. Кӧрт айкаис вӧлӧма знакер. Эжва кузяис некодэс абу лэдзлӧма мунни. Важен вӧлэма сәти вӧр. Сәсся эм Кия ю, а Кия юас вӧлӧма олысь, сэн олӧма Сьтепан Пермскэй. Ӧтчӧд сийа Сьтепан Пермскэй мунас чери кыйни Кия ю кузяис и усътисянис кутас катни Эжва кузя. Воас Кӧрт айка олан вэсьтэдзис. Кӧрт айка сур вӧлэм пуэ. Кӧрт айка шуас Сьтепан Пермскэйли: “Пыж сувт”. Сьтепан перимскэй шуас: “Пыж кэ сувтас, и чан вийалӧмись сувтас”. Сьтепан Пермскэйлэн силаис вӧлӧма унджик и Кӧрт айкас вийема»* [15, с. 391-392] (Давно жил Кӧрт айка, поэтому и называют Корткерос. Кӧрт айка был знахарем. По Вычегде никого не пропускал. Раньше был там лес. Потом есть речка Кия-ю (приток Вычегды), а на речке Кия-ю был житель, там жил Степан Пермский. Однажды этот Степан Пермский отправится ловить рыбу по речке и с устья станет подниматься по Вычегде. Дойдет до жилья Кӧрт айки. Кӧрт айка варил пиво. Кӧрт айка говорит Степану Пермскому: “Лодка остановись!” Степан Пермский говорит: “Если лодка остановится, то и чан течь перестанет!” У Степана Пермского силы больше оказалось и Кӧрт айку убил).

Отметим, что при переводе сюжета в монологичный план общее содержание сюжета, вроде бы, сохраняется, но сразу снижается его аксиологическая нагруженность: здесь уже нет переключения на иной, «магический» язык, и куль-

турно-героическое противопоставление персонажей не «поддерживается» языковой оппозицией коми (свой)/ русский (чужой). Не случайно, видимо, и Степан Пермский в данном варианте оказывается «местным жителем». Таким образом, перевод всего сюжета как дальнейший вариант освоения заимствованного текста приводит к деформации его сюжетной структуры, благодаря которой этот сюжет обрел свою «вторую жизнь» в коми традиции.

Библиографический список

1. Грибова, Л.С. Полевые дневники Вычегодской этнографической экспедиции за 1977 г. [Текст] / Л.С. Грибова // Научный архив Коми научного центра. Ф.1. Оп.1. Д.39 (г). Л.34. – 55 с.
2. Историческая память в устных преданиях коми: Материалы [Текст] / Сост. и подгот. текстов М.А. Анкудиновой, В.В. Филипповой; Отв. сост. М.А. Анкудинова. – Сыктывкар, 2005. – 158 с.
3. Коми легенды и предания [Текст] / Сост. Ю.Г. Рочев. – Сыктывкар, 1984. – 176 с.
4. Конаков, Н.Д. Сур [Текст] / Н.Д. Конаков // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. – М., 2000. Т.1. – С.347.
5. Лимеров, П.Ф., Шарапов, В.Э. Полевые записи [Текст] / П.Ф. Лимеров, В.Э. Шарапов / Удорский р-н Республики Коми, 1992 г. – 55 с.
6. Налимов, В.П. Зырянская легенда о паме Шипиче [Текст] / В.П. Налимов // Этнографическое обозрение, 1903. №.1. – С.120-124.
7. Панюков, А.В. Актуальные проблемы изучения устной несказочной прозы: проблема мифологического нарратива [Текст] / А.В. Панюков / Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002. – 56 с.
8. Панюков, А.В. Семантические модели языкового концепта «водить воду» [Текст] / А.В. Панюков // Фольклор и художественная культура. Современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры. (Серия «сохранение и возрождение фольклорных традиций». Вып. 13). – М., 2004. – С. 194-200.
9. Панюков, А.В. К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход [Текст] / А.В. Панюков // Славянская традиционная культура и современный мир. – Вып. 9. М.: ГРЦРФ, 2006. – С. 86-105.
10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. [Текст] / Т.5. Книга 4. Вологодская губерния. – СПб., 2008. – 521 с.
11. Сидоров, А.С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми / А.С. Сидоров. – Л., 1928. – 196 с.
12. Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни [Текст] / Научное издание. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. – 352 с.
13. Угрюмов, А. Кокшеньга. Крестьянские напитки / А. Угрюмов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/4.htm#31>. – Дата обращения: 25.06.2010.
14. Уляшев, О.И. Петыр Епим [Текст] / О.И. Уляшев // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. – М., 2000. Т.1. – С.306-307.
15. Syrjanische Texte [Текст] / Gesammelt von T. E. Uotila / P. Kokkonen. Helsinki, 1995. Bd.4. – 522 с.

Bibliography

1. Gribova, L.S. Field Diaries of Vychegodsky Ethnographic Expedition for 1977 [Text] / L.S. Gribova / Scientific Archive of The Komi Scientific Center. F.1. Op.1. D.39 (d). S.34. – 55 p.
2. Historical Memory in the Oral Tradition of the Komi: Materials [Text] / Texts Comp. and Preparation by M.A. Ankudinova, V. V. Philippova. - Syktyvkar, 2005. – 158 p.

3. Komi Legends [Text] / Ed. Yu.G. Rochev. - Syktyvkar, 1984. – 176 p.
4. Konakov, N.D. Sur [Text] / N.D. Konakov // Komi Mythology. Encyclopedia of the Ural Mythologies. - M., 2000. - V.I. – P.347.
5. Limerov, P.F., Sharapov, V.E. Field Notes [Text] / P.F. Limerov, V.E. Sharapov / Udor District of the Komi Republic, 1992. – 55 p.
6. Nalimov, V.P. Zyriansky Legend of Pam Shipich [Text] / V.P. Nalimov / Ethnographic Review. - 1903. - № .1. – P. 120-124.
7. Panyukov, A.V. Topical Problems of the Oral Prose Studying: Problem of the Mythological Narrative [Text] / A.V. Panyukov / Tutorial Lecture Course. – Syktyvkar, 2002. – 56 p.
8. Panyukov, A.V. Semantic Models of the Linguistic Concept "To Move Water" [Text] / A.V. Panyukov / Folklore and Artistic Culture. Modern Methodological and Technological Problems of the Study and Preservation of the Traditional Culture. ("Preservation and Revival of Folk Traditions" Series. Vol. 13). - M., 2004. – P. 194-200.
9. Panyukov, A.V. The Problem of the Poetics of Oral mythological Stories: Linguo-Semantic Approach [Text] / A.V. Panyukov // Slavic Traditional Culture and Modern World. - Vol. 9. M.: CRF, 2006. - P. 86-105.
10. Russian Peasants. Life. Household. Manners. "Ethnographic Bureau" Materials of Prince V.N. Tenishev [Text] / V.5. Book 4. Vologda. – SPb., 2008. – 521 p.
11. Sidorov, A.S. Sorcery, Witchcraft and Spoiling Among the Peoples of the Komi / A.S. Sidorov. – L., 1928. – 196 p.
12. Syrjanische Texte [Text] / Gesammelt von T. E. Uotila / P. Kokkonen. Helsinki, 1995. Bd.4. – 522 p.
13. The Traditional Culture of Ust-Tzilma. Lyrical Songs [Text] / Scientific Publication. – M.: State Republican Center of the Russian Folklore, 2008. – 352 p.
14. Ugryumov, A. Kokshenga. Peasant Drinks / A. Ugryumov // [Electronic Resource]. – Access Mode: <http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/4.htm> # 31. – Access Date: 25/06/2010.
15. Ulyashev, O.I. Petyr Epim [Text] / O.I. Ulyashev // Komi Mythology. Encyclopedia of the Ural Mythologies. - M., 2000. - V.I. – P. 306-307.

Савельева Мария Владимировна

соискатель

кафедра русского языка

Курганский государственный

университет г. Курган

Savelieva Maria Vladimirovna

Applicant for a Degree Chair

of the Russian Language

Kurgan State University

Kurgan

Теоретические аспекты исследования компонентного состава семантической структуры императивных процессуальных единиц
Theoretical Aspects of the Components Study of the Imperative Processual Language Units Semantic Structure

Данная статья посвящена актуальному вопросу лингвистики – исследованию компонентного состава семантической структуры языковых единиц. В статье представлен обзор основных научных работ, посвященных исследованию средств выражения волеизъявления в речи. Целью является установление спектра признаков, принимаемых за основу при классификации данных средств, и выявление принципов, необходимых и достаточных для семантической стратификации ИПЕ, как языковых знаков.

The article deals with a topical problem of the linguistic science devoted to the study of semantic structure of the language units. The article gives the overview of the main scientific research works devoted to the study of means used to express will-ingness in speech. The goal is as follows: by using the range of basic classifying principles of directive speech acts to identify the necessary principles sufficient for semantic stratification of imperative processual language units as language signs.

Ключевые слова: императивные процессуальные единицы, семантическая структура, семы, субкатегориальное значение императивности, основные принципы классификации

Key words: imperative processual language units, semantic structure, semes, subcategorical meaning of imperativeness, main principles of classification.

Содержание любой языковой единицы представляет собой некоторый акт мыслительного процесса и выражает определенную форму отражения действительности. Реализация этих форм может осуществляться различными способами в повествовательных, побудительных, вопросительных высказываниях. Одним из способов отражения действительности является императивность, или побудительность, которую можно определить как категорию, обладающую особым способом отражения действительности, а именно, через побуждение

адресата сообщения к действию. Эта категория представлена языковыми единицами различных уровней, образующих систему взаимодействующих средств.

Основным средством выражения побуждения в русском языке являются высказывания, содержащие глаголы в повелительном наклонении (Читай/Прочитай/Прочти книгу) – выражение прямого побуждения, и в сослагательном наклонении (Читал бы/Прочитал бы/Прочел бы книгу) – выражение побуждения в косвенной, более мягкой форме. Исследованию высказываний побудительного характера посвящен большой спектр научных работ, рассматривающих различные аспекты данного языкового явления. Особо следует отметить монографии В.С. Храковского и А.П. Володина «Семантика и типология императива. Русский императив», Л.А. Бирюлина «Семантика и прагматика русского императива» и Е.И. Беляевой «Грамматика и прагматика побуждения: английский язык», а также исследовательские работы Н.И. Формановской, Т.М. Тимошенко, А.Ю. Масловой, А.И. Изотова, Е.Б. Петровой и других. За последние десятилетия в России, по нашим данным, было написано 39 кандидатских и 3 докторские диссертационные работы, посвященные изучению различных аспектов императивных высказываний в русском и других языках, что свидетельствует о значительном интересе исследователей к данному вопросу лингвистической науки. Нами не было выявлено работ, предметом исследования которых являлись бы лексические или фразеологические единицы с императивной семантикой, изучаемые как языковые знаки вне сферы их функционирования, что позволяет сделать вывод о недостаточной изученности данной проблемы в лингвистической науке.

Одним из спорных вопросов в лингвистике остается вопрос о разграничении грамматического и лексического в языке. Границы между этими сферами не всегда являются абсолютными, порой они накладываются друг на друга, создавая промежуточные пласты языковых единиц. *Приказывать, дать приказ / приказание, отдавать приказ / приказание, просить, заставлять, приглашать* и еще около 150 глаголов и фразеологизмов образуют особую группу языковых единиц. В силу своей семантики они служат для номинации ситуации побужде-

ния или выражения побуждения как такового, в случае перформативного употребления. Одной из характерных особенностей единиц с императивной семантикой является то, что они реализуют грамматическое значение побудительности на лексико-фразеологическом уровне, что указывает на определенную двойственность их природы.

Лексические и фразеологические единицы с императивной семантикой (ИПЕ) находятся на периферии поля императивности (побудительности), но являются значимым и продуктивным средством выражения побуждения, обладающим своими специфическими семантико-грамматическими особенностями. За основу в нашем исследовании принимаем классификацию языковых единиц, предложенную профессором В.А. Лебединской. Согласно данной классификации, рассматриваемые нами единицы принадлежат к семантико-грамматическому классу процессуальных единиц. Все процессуальные единицы русского языка В.А. Лебединская делит на три субкатегории: деятельность, отношение, состояние [8]. Эти единицы называют все процессы, происходящие в реальной действительности, и являются многочисленными по своему количественному составу. Сравнительная немногочисленность ИПЕ (158 единиц) частично объясняет тот факт, что им до сих пор не было уделено достаточного внимания. Согласно сведениям экспериментального синтаксического словаря под редакцией Л.Г. Бабенко [10] такие единицы, как *приказывать, простить, велеть, призывать, заставлять* и другие в зависимости от того, в какой семантической модели предложения они употребляются, принадлежат либо к группе глаголов действия и деятельности, либо к группе глаголов отношения. Двойственность природы императивных процессуальных единиц и неоднозначность подходов к интерпретации их субкатегориальной принадлежности свидетельствуют в пользу необходимости проведения детального исследования компонентного состава их семантической структуры.

Исследователи способов выражения волеизъявления в языке и речи предлагают различные подходы к классификации значений высказываний побудительного характера или директивных речевых актов, выбирая различные аспек-

ты в качестве основного классификационного принципа. ИПЕ, как языковой элемент, зачастую остаются вне поля зрения или подвергаются поверхностному анализу на правах средства описания речевого акта побудительного характера. Мы считаем необходимым провести обзор основных научных работ, посвященных исследованию средств выражения волеизъявления в речи. Нашей целью является установление спектра признаков, принципов или факторов, принимаемых за основу при классификации данных средств, и выявление принципов, необходимых и достаточных для семантической стратификации ИПЕ, как языковых знаков.

В процессе определения обобщенных языковых свойств императивности большой интерес для нас представляет работа Е.А. Филатовой [11], в которой она дает определение инвариантного значения побуждения. Данное инвариантное значение было получено путем исчисления семантико-прагматических компонентов, общих для всех частных видов (вариантов, интерпретаций) побуждения. Автор определяет следующий состав компонентов речевого акта побуждения на семном уровне:

- 1) адресованность – ПРА всегда адресован предполагаемому исполнителю каузируемого действия;
- 2) целенаправленность – ПРА имеет целью стимулировать ответные речевые или неречевые действия исполнителя (адресата побуждения);
- 3) заданность ответного действия (эксплицитная или имплицитная представленность каузируемого действия в высказывании);
- 4) контролируемость ответного действия (исполнитель способен контролировать свои действия и влиять на свое состояние) [11, с.85-86].

В отношении четвертого компонента необходимо заметить, что его инвариантность и обязательность можно подвергнуть сомнению. Реализация данного компонента влияет лишь на успешность акта побуждения. Отметим, что остальные предложенные компоненты свойственны всем без исключения ИПЕ точно так же, как и сема «субъект», и не вызывают сомнения. Семы «адресованность» и «заданность ответного действия» отсутствуют в структуре значе-

ния процессуальных единиц субкатегорий деятельности, отношения и состояния и, следовательно, являются для ИПЕ дифференциальными на субкатегориальном уровне. Таким образом, императивность как субкатегориальное значение – это процессуальный признак, который характеризует субъекта как отправителя адресованного воздействия с целью побуждения адресата к ответному действию. Для реализации субкатегориального значения императивности необходимы и обязательны следующие составляющие компоненты: субъект побуждения, адресат побуждения, заданность ответного действия.

Отношения между субъектом побуждения (говорящим) и адресатом и их отношение к каузируемому действию берутся за основу в классификациях побудительных речевых актов в работах многих современных исследователей категории побудительности.

В.Е. Иосифова проводит свое диссертационное исследование в рамках лингвистической прагматики. Автор рассматривает побуждение как класс речевых актов, каждый из которых обладает рядом определенных признаков, существенных в одной ситуации и не существенных в другой. Как превалирующий отличительный признак, автор определяет «отношение говорящего к действию». На основании этого признака В.Е. Иосифова выделяет три группы речевых актов побуждения: 1) категорического типа: приказ, требование, распоряжение, запрещение; 2) смягченного типа: просьба, мольба; 3) нейтрального типа: совет, рекомендация, предостережение, предложение.

Далее автор дает подробную характеристику ситуации каждого отдельного вида побудительного речевого акта и приходит к выводу, что определяющим для различия видов побуждения оказываются социальные факторы: - обстановка общения (официальная или неофициальная), - общественное положение говорящего, - различия по возрасту, - степень знакомства, - отношение говорящего к выполнению или невыполнению действия, - представление говорящего о том, в чьих интересах (говорящего или адресата) совершение действия, к которому побуждают [6, с.36-49]. Заметим, что основной фигурой данной классификации является говорящий, роль адресата побуждения в формировании семантики побудительных речевых актов не учитывается.

Э.А.Казимова в своем исследовании «Персональность в дискурсе побуждения» рассматривает функционально-семантическое поле побуждения, как группировку единиц всех уровней языка, взаимодействующих на основе общности их побудительной функции. Основой ФСП побуждения является семантическая категория побуждения, а типовым значением является воля говорящего побудить собеседника стать производителем какого-нибудь действия. В зависимости от степени категоричности языковых единиц автор вычленяет три подкатегории: категоричного, нейтрального и смягченного побуждения. В поле категоричного побуждения включены единицы, выражающие приказ, запрет, команду, требование. Поле нейтрального побуждения составляют языковые единицы, выражающие простое побуждение, совет, предложение, разрешение, инструкцию, предостережение. Поле смягченного побуждения представлено языковыми средствами, выражающими мольбу, увещание и просьбу. Таким образом, основополагающим принципом классификации семантических вариантов в ФСП побуждения является степень интенсивности выражаемой говорящим интенции [7].

В классификациях, предложенных В.Е. Иосифовой и Э.А. Казимовой, ведущие позиции отданы говорящему. Основным является отношение к действию только со стороны говорящего и уровень интенсивности его побудительного намерения. В расчете на коммуникативную удачу говорящий учитывает связь побудительного речевого действия с социальной ситуацией, психологическими и социоэтническими условиями его реализации. Адресат, или реципиент, хоть и должен, по мнению Э.А. Казимовой, учитывать внешние факторы, остается пассивным участником ситуация побуждения, проходя путь от физического восприятия высказывания – побуждения, через его осознание, к реакции на оказываемое воздействие [7,с.93].

О.Ю. Цветков в работе «Коммуникативная среда побудительного высказывания» указывает на следующие компоненты, характеризующие коммуникативную среду: - ролевые отношения и особенность социально-психологической дистанции между коммуникантами; - обстановка общения; - мотивация и праг-

матические пресуппозиции говорящего и адресата; - отношение говорящего и адресата к действию.

Два последних пункта отмечены как дополнительные параметры. Одним из наиболее существенных факторов для директивов, по мнению автора, является фактор адресата, предложенный еще в 1981 году Н.Д. Арутюновой [1,с.358], т.е. коммуникативное намерение говорящего должно согласовываться с социальными и психологическими характеристиками адресата. Взяв за основу своей классификации фактор адресата, О.Ю. Цветков выделяет три основных типа директивов, каждый из которых характеризуется своим набором признаков:

- прескриптивные, т.е. предписывающие действия адресата: обязательность действия, приоритет говорящего;

- реквестивные, т.е. побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего: приоритетность адресата, необязательность действия, бенифактивность для говорящего;

- суггестивные, т.е. выражающие совет: приоритетность говорящего, необязательность действия, бенифактивность для адресата [12,с.2-6]. Указанные признаки автор заимствует у Е.И. Беляевой [2].

Н.А. Депутатова в своем исследовании придерживается теории функционально-семантических полей и теории речевых актов. Подвергая функционально-семантическую категорию побудительности смысловому структурированию, автор оперирует таким же набором из трех прагматических признаков, свойственным директивным речевым актам, что и О.Ю. Цветков: 1) обязательность / необязательность выполнения действия для адресата, 2) бенифактивность / небенефактивность действия для одного из коммуникантов, 3) приоритетность / неприоритетность положения говорящего. В результате Н.А. Депутатова вычленяет следующие семантические интерпретации высказываний побудительного характера: приказ, разрешение, инструкция, просьба, совет, предложение, приглашение. Далее автор группирует данные интерпретации в четыре макрополя в зависимости от их маркированности по одному из наиболее существенных прагматических признаков [4,с.6]. Подобное деление мы

встречаем у А.И. Изотова в автореферате докторской [5,с.9-10], а также в диссертационном исследовании И.А. Демидовой [3,с.66-69]:

- интерпретации, маркированные по признаку индикация высокой степени вероятности (возможности исполнения – Н.А. Депутатова) каузируемого действия: «приказ», «разрешение», «инструкция»;

- интерпретации, маркированные по признаку индикация высокой степени мотивированности (побудительной причины – Н.А. Депутатова) каузируемого действия: «просьба»;

- интерпретации, маркированные по признаку индикация полезности (пригодности – Н.А. Депутатова) для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия: «совет»;

- интерпретации, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: «предложение», здесь Н.А. Депутатова также выделяет «приглашение».

Названные интерпретации представляют собой абстракции, способные распадаться на ряд более конкретизированных подтипов побуждения, например, поле «приказ» вычленяет микрополя «запрет, распоряжение, команда, указание, повеление, заповедь, наказ, поручение, заказ». Выбор того или иного типа директивного высказывания определяется параметрами речевой ситуации: внешняя ситуативная рамка, распределение ролей и иерархических позиций между участниками ситуации, наличие социальных конвенций в речевом поведении.

Итак, пользуясь терминологией того лингвистического направления, в рамках которого ведется исследовательская работа, ученые говорят о следующих основополагающих факторах типологизации высказываний побудительного характера: 1) отношения между говорящим и адресатом; 2) отношение говорящего (прескриптора) к каузируемому действию; 3) отношение адресата к каузируемому действию.

Такие факторы, как среда или обстановка общения, социальное положение участников ситуации общения, их статус, возраст, степень знакомства, заинтересованность участников ситуации побуждения в выполнении или невыполне-

нии каузируемого действия, их отношение к факту выполнения или невыполнения действия являются сопутствующими условиями, уточняющими индивидуальное, ситуативное значение высказывания.

Е.Б. Петрова проводит обобщающий анализ результатов многочисленных исследований в отношении классифицирования побудительных речевых актов (ПРА) и предпринимает попытку определить основные принципы, необходимые и достаточные для составления базового списка ПРА. Для целей своего исследования автор отбирает 10 работ, содержащих наиболее детальные классификации ПРА. В итоге, автор заимствует с некоторыми коррективами классификацию, предложенную Е.А. Филатовой [11], и определяет список из 27 базовых типов ПРА, каждый из которых характеризуется по принципу наличия или отсутствия признаков по 7 базовым факторам: 1) фактор *свободы у адресата*: есть свобода выбора – некатегоричный ПРА, нет свободы выбора – категоричный ПРА; 2) фактор *заинтересованности, бенефактивности*: для говорящего, для адресата, для говорящего и адресата; этот признак является нерелевантным для двух типов ПРА: завет и наставление; 3) фактор *статуса/приоритетности*: статус говорящего выше или ниже статуса адресата, говорящий и адресат равны по статусу; данный признак является несущественным для ПРА приглашение и предложение (предлагание); 4) фактор *выполнения действия*: действие выполняется только адресатом, только говорящим, адресатом и говорящим вместе с другими лицами, третьим лицом или лицами; 5) фактор *среды*: официальная или неофициальная среда; 6) фактор *обусловленности*: ре-активный или инициативный ПРА; 7) фактор *нормативности*: нормативный или ненормативный ПРА.

Полученные результаты анализа собранных данных позволили Е.Б. Петровой обозначить три группы ПРА, которые имеют ряд сходных характеристик. Автор дает названия этим группам в лучших традициях лингвистической прагматики: 1) *облигативы*: приказ (приказание), распоряжение, разрешение, запрещение (запрет), требование, команда, предписание, инструкция, указание; 2) *реквезитивы*: просьба, мольба, заклинание, запрос совета, запрос разрешения,

упрашивание; 3) *адвисивы*: совет, рекомендация, увещевание, призыв, наказ, наставление, завет. Такие ПРА, как заказ, приглашение, убеждение, принуждение, предложение (предлагание), не могут быть отнесены ни к одной из трех групп, так как совмещают в себе признаки, свойственные разным группам [9].

Чем более детальным является выбор признаков, чем больше факторов кладется в основу классификации, тем более дробной она получается. Многообразие типов ПРА объясняется тем, что возникают разнообразные ситуации в жизни, порождающие соответствующие речевые ситуации с определенным набором факторов, который актуализирует тот или иной тип ПРА. ИПЕ являются языковым знаком описательного характера. ИПЕ характеризуются определенным семантическим разнообразием, благодаря чему способны полно и точно описывать все речевые ситуации побуждения. Для классификации ИПЕ, как языковых знаков, необходимо охарактеризовать общие языковые, а не частные речевые особенности исследуемых единиц.

Заметим, что фактор *свободы выбора у адресата* является единственным фактором из семи, на основании которого у Е.Б. Петровой получается построить четкую бинарную оппозицию: категоричность vs некатегоричность. Фактор *статуса/приоритетности* необходимо рассматривать как комплексный элемент, сочетающий в себе социальный и ситуативный статус участников ситуации побуждения. Факторы статуса и свободы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Они являются обобщенными базовыми принципами, которые мы считаем необходимыми и достаточными для стратификации ИПЕ, как языковых знаков, на подсубкатегориальном уровне. Таким образом, мы выделяем две подсубкатегории категоричного и некатегоричного побуждения. Единицы *подсубкатегории категоричного побуждения* характеризуются приоритетной позицией субъекта побуждения (субъект ставит себя выше адресата) и отсутствием свободы выбора у адресата в вопросе выполнения (невыполнения) каузируемого действия, что связано с наличием санкций со стороны субъекта побуждения: приказывать, поручать, велеть, заставлять, разрешать, запрещать, вынуждать и т.п. Единицы *подсубкатегории некатегоричного побужде-*

ния характеризуются отсутствием приоритетной позиции субъекта побуждения (субъект ставит себя не выше адресата) и наличием фактической свободы выбора у адресата побуждения в вопросе выполнения (невыполнения) каузируемого действия, что связано с отсутствием санкций со стороны субъекта побуждения: просить, умолять, уговаривать, уламывать, советовать, предлагать и т.п.

На следующей ступени иерархии основной для стратификации ИПЕ становится сема «заинтересованность». В подкатегории категоричного побуждения данная сема реализуется в следующей оппозиции: интерес адресата побуждения не учитывается – интерес адресата побуждения учитывается. В подкатегории некатегоричного побуждения сема «заинтересованность» реализуется в оппозиции: интерес субъекта побуждения – интерес адресата побуждения. ИПЕ подкатегории категоричного побуждения с таким вариантом семы «заинтересованность», как «учитывание интереса адресата побуждения», можно объединить в группу «разрешение / запрет». ИПЕ подкатегории категоричного побуждения с таким вариантом семы «заинтересованность», как «не учитывание интереса адресата побуждения», можно объединить в две группы в зависимости от следующих факторов: 1) ситуацией предполагается полное отсутствие возможности или необходимости принимать во внимание интерес адресата побуждения; 2) ситуацией предполагается возможное сопротивление, нежелание со стороны адресата побуждения, которое необходимо преодолеть субъекту побуждения. В зависимости от этих факторов процессуальные единицы с императивной семантикой объединяем в группы «приказ» и «принуждение» соответственно.

ИПЕ подкатегории некатегоричного побуждения с таким вариантом семы «заинтересованность», как «интерес адресата побуждения» можно объединить в группу «совет», т.е. акт побуждения осуществляется в интересах адресата с точки зрения субъекта побуждения, сам же субъект побуждения при этом занимает нейтральную позицию, перекадывая всю ответственность за принятое решение выполнять или не выполнять каузируемое действие на адресата побуждения. ИПЕ подкатегории некатегоричного побуждения с таким вари-

антом семы «заинтересованность», как «интерес субъекта побуждения», можно объединить в две группы в зависимости от наличия или отсутствия необходимости субъекту побуждения преодолевать возможное сопротивление со стороны адресата побуждения. Если в структуре значения ИПЕ заложена возможность наличия необходимости преодоления сопротивления, то единицы объединяем в группу «просьба». Если в структуре значения ИПЕ не заложена возможность наличия необходимости преодоления сопротивления, то единицы объединяем в группу «приглашение».

Проведенный обзор основных научных работ, посвященных исследованию средств выражения волеизъявления в речи, позволил нам выявить принципы, необходимые и достаточные для семантической стратификации ИПЕ, как языковых знаков. Были определены базовые (универсальные) группы ИПЕ и дана их общая характеристика. Полагаем, что дальнейшая детальная типологизация языковых единиц с императивной семантикой возможна только на основе исследования конкретных лингвосоциокультурных аспектов и глубокого анализа лингвистического и экстралингвистического материала.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова. // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 40. – 1981. – № 4. – С. 356-367.
2. Беляева, Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык [Текст] / Е.И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. – 168 с.
3. Демидова, И.А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2005. – 198 с.
4. Депутатова, Н.А. Стимулирующие реплики побудительной семантики в английском и русском речевом дискурсе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 25 с.
5. Изотов, А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007. – 53 с.
6. Иосифова, В.Е. Употребительность в естественном диалоге прямых и косвенных речевых актов, выражающих побуждение: на материале устной речи жителей г. Калуги, к проблемам изучения языка города [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга, 2005. – 192 с.
7. Казимова, Э.А. Персональность в дискурсе побуждения [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2004. – 178 с.
8. Лебединская, В.А. Усачева, Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов [Текст] / В.А. Лебединская, Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. – 186 с.
9. Петрова, Е.Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике [Текст] / Е.Б. Петрова // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 124-133.

10. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь [Текст] / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: Наука, 2002. – 462 с.
11. Филатова, Е.А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
12. Цветков, О.Ю. Коммуникативная среда побудительного высказывания [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2002. – 20 с.

Bibliography

1. Arutyunova, N.D. The Factor of the Recipient [Text] / N.D. Arutyunova // AS News. Literature and Language Series. Vol.40. – 1981. - № 4. – P. 356-367.
2. Belyaeva, E.I. The Grammar and Pragmatics of Inducement: English [Text] / E.I. Belyaeva. – Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 1992. – 168 p.
3. Demidova, I.A. Means of Expressing Inductive Modality in Russian and English [Text]: Thesis ...Cand. of Philol. / I.A. Demidova. – Kaliningrad, 2005. – 198 p.
4. Deputatova, N.A. Stimulating Cues of Inductive Semantics in English and Russian Speech Discourse [Text]: Synops. of Thesis ... Cand. of Philol. / N.A. Deputatova. – Kazan, 2004. – 25 p.
5. Iosiphova, V.E. The Usage of Direct and Indirect Imperative Speech Acts in Natural Dialogues: Based on the Oral Speech of Kaluga Citizens, Back to the Problem of City Language Study [Text]: Thesis ...Cand. of Philol. / V.E. Iosiphova. – Kaluga, 2005. – 192 p.
6. Izotov, A.I. Functional and Semantic Category of Imperativeness in the Modern Czech Language as a Pragmatic Phenomenon [Text]: Synops. of Thesis ... Doc. of Philol. / A.I. Izotov. – M., 2007. – 53 p.
7. Kazimova, E.A. Personality in the Imperative Discourse [Text]: Thesis ... Cand. of Philol. / E.A. Kazimova. – Makhachkala, 2004. – 178 p.
8. Lebedinskaya, V.A. Usacheva, N.B. The Semantics of Processual Phraseological Units [Text] / V.A. Lebedinskaya, N.B. Usacheva. – Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 1999. – 186 p.
9. Petrova, E.B. The Cataloguization of Imperative Speech Acts in Linguistic Pragmatics [Text] / E.B. Petrova // Bulletin of VSU, Series: Linguistics and Intercultural Communication. – 2008. - № 3. – P. 124 – 133.
10. Philatova, E.A. Imperative Utterances as Speech Acts in the Modern Russian Language [Text]: Thesis ...Cand. of Philol. / E.A. Philatova.– М., 1997. – 253 p.
11. Russian Verbal Sentences: Experimental Syntactic Dictionary [Text] / Edit. by L.G. Babenko. – М.: Science, 2002. – 462 p.
12. Tsvetkov, O.Yu. The Communicative Environment of Imperative Utterances [Text]: Synops. of Thesis ...Cand. of Philol. / O.Yu. Tsvetkov. – Belgorog, 2002. – 20 p.

УДК 40+41+42-31+491.71-

З ББК 67.0

Сиддикова Ирода Абдузухуровна

кандидат филологических

наук, доцент

кафедра фонетики и грамматики английского языка

Национальный Университет Узбекистана

г. Ташкент

Siddikova Iroda Abduzkhurovna

Doctor of Philology,

Assistant Professor

Chair of the English Language Phonetics and Grammar

National University of Uzbekistan

Tashkent

**Синонимические отношения между инфинитивными конструкциями
и придаточными предложениями в английском языке**
**Synonymic Relations Between Infinitive Constructions and Subordinate Clauses
in the English Language**

В статье описана структура инфинитивных конструкций, синонимичных дополнителным придаточным предложениям, выявлен круг глаголов, после которых используются также инфинитивные конструкции, определяются значения, передаваемые инфинитивом, даётся частотная характеристика рассматриваемых конструкций и случаи их употребления в английском контексте.

The article deals with description of the structure of infinitive constructions, synonymous to objective subordinate clauses. The article reveals the set of verbs after which the infinitive constructions are used, specifies the meanings transferred by an infinitive and gives the frequency of examined constructions and occurrences of their usage in the English context.

Ключевые слова: присубстантивные и приаъективные инфинитивные конструкции, синонимичность, придаточные предложения, дополнение, структура, модальное значение, контекст, глагол, союзное слово.

Key words: substantival and adjectival infinitive constructions, synonymy, subordinate clauses, object, structure, modal meaning, context, verb, conjunction.

Инфинитивные конструкции чрезвычайно широко распространены в английском языке [1. с. 116]. Они разнообразны по своей структуре и функциям в предложении. Они достаточно, но полно описаны в лингвистической литературе. Однако инфинитивные конструкции недостаточно изучены с точки зрения их синонимичности другим синтаксическим структурам, в частности, придаточным предложениям. Эта особенность инфинитивных конструкций не нашла достаточного отражения в лингвистической литературе [2. с. 38].

Инфинитив, будучи глагольным элементом, очень часто соотносится с лицом, и в этих случаях инфинитивные конструкции могут быть развёрнуты в придаточные предложения. Например:

а) Приглагольные инфинитивные конструкции:

He promised *to come* (that he would come).

The boy does not know *how to behave* (how he should behave).

б) Присубстантивные инфинитивные конструкции:

Gagarin is the first man *to make* a spaceflight (who made a spaceflight). This is just the thing *to be done* (that should be done).

в) Приадективные инфинитивные конструкции:

I am glad *to have made* your acquaintance (that I made). I am sorry *to interrupt* you (I interrupt you);

г) Инфинитивные конструкции в составе сложного дополнения или сложного подлежащего:

We saw him *play* tennis (that he played).

He is said *to have been* an actor once (It is said that he was).

д) Инфинитив в составе «*for*-phrase»:

It is very important for you *to read* it (that you should read).

Инфинитивные конструкции и синонимичные им придаточные предложения различаются не только структурно.

Различие между ними заключается также в том, что в придаточных предложениях субъективная отнесённость глагольного элемента, а также временные и модальные значения выражаются эксплицитно и дискретно (расчленённо), тогда как при использовании инфинитивных конструкций эти значения выражаются имплицитно, опосредованно и недискретно.

Существуют также различия, которые характеризуют эти конструкции с точки зрения их использования в речи. Это различия стилистического, частотного и дистрибутивного характера.

Вполне очевидно, что разнообразные сведения о синонимичных конструкциях важны в практике преподавания английского языка [3. с. 15]. В данной статье мы рассмотрим инфинитивные конструкции в функции дополне-

ния в сопоставлении с синонимичными им придаточными предложениями (примеры 2,3).

Вопрос о функции подобных инфинитивных конструкций остаётся до сих пор дискуссионным [4. с. 18].

Некоторые авторы считают, что инфинитив в этих случаях входит в состав сказуемого [5. с. 248]. Мы считаем, что рассматриваемые инфинитивные конструкции выполняют функцию дополнения, поскольку они могут быть преобразованы в придаточные предложения, которые, несомненно, являются дополнениями к глаголу. Фактически, вопрос о функции рассматриваемых конструкций не является существенным в плане задач, которые решаются в данной работе.

Попытаемся далее описать структуру инфинитивных конструкций, синонимичных дополнительным придаточным предложениям, выявить круг глаголов, после которых используются также инфинитивные конструкции, определить значения, передаваемые инфинитивом, и дать частотную характеристику рассматриваемых конструкций.

В структурном отношении приглагольные инфинитивные конструкции различны. Это различие отмечалось раньше.

А. Хорнби [7. с.11] выделяет два типа: 1) глагол + инфинитив, 2) глагол + союзное слово + инфинитив.

В.П. Павленко [6.с.10] выделяет тоже два структурных типа, но совпадающие с упомянутыми выше лишь частично:

1) глагол + союзное слово + инфинитив, 2) глагол + союзное слово + существительное + инфинитив.

Мы же будем различать все три структурные разновидности, т.е.:

1) He promised *to come*.

2) I did not know *what to say*.

3) We must decide *what letter to write*.

Структура 1 (глагол-инфинитив) употребляется в основном после глаголов *decide* (и его синонимов), *promise*, *hope*, *pretend*, *claim*, *propose*, *offer*, *arrange*, *agree*.

После глаголов *decide* (и его синонимов), *promise*, *hope* инфинитив обычно обозначает действия, будущие по отношению к действию, выраженному глаголом в личной форме. В этих случаях инфинитивные конструкции могут быть синонимичны придаточным предложениям, личный глагол в которых стоит в форме будущего времени. Например:

He decided *not to go* to the meeting (= that he would not go) (А.Хорнби).

...she had promised *to come* then (that she would come) (J.Galsworthy).

Естественно, подлежащее в таком придаточном предложении обозначает то же лицо, что и подлежащее главного предложения. Придаточные предложения, синонимичные подобным инфинитивным конструкциям, употребляются в речи, чаще после глагола *decide* и его синонимов. Например:

They had made up their minds *that they would* be married as soon as they found a house that suited them (S.Maugham).

I hope *I shall be over it* by then (J. Galsworthy).

После глаголов *claim*, *pretend* инфинитив может обозначать предшествование или одновременность по отношению к действию, выраженному глаголом в личной форме. Например:

He claimed *to have done* the work without help (= that he had done) (А.Хорнби).

They pretended *not to see* us (= that they did not see) (А.Хорнби).

Сравните: He pretended *that he was reinvesting* his money (to be reinvesting) (Th. Dreiser).

После глаголов *agree*, *propose* инфинитив приобретает в какой-то степени значение долженствования. Например:

We agreed *to start* early (= that we should start) (А.Хорнби). I

propose *to start* early (= that we should start) (А.Хорнби).

Как уже упоминалось, придаточные предложения, синонимичные инфинитивным конструкциям типа I, употребляются в речи, но значительно уступают последним по частотности (примерно в 8-10 раз реже).

Структура 2 (глагол + союзное слово + инфинитив) используется после широкого круга глаголов. Это, в основном, глаголы, обозначающие умствен-

ную деятельность человека (*know, see, understand, realize, think, consider, wonder, reflect, hesitate, speculate, meditate, forget, remember*).

Это глаголы, обозначающие передачу, приобретение как обмен информацией (*tell, say to, explain, inform, show, teach, advise, ask, inquire, learn, find out, discover, discuss, debate, argue*).

Указанная структура используется также (наряду со структурой I) после глаголов, обозначающих волевые акции человека (*decide, determine, resolve, make up one's mind*) и глаголов *arrange, agree, settle*.

Инфинитив в данном структурном типе, как правило, выражает модальные значения. Обычно это значение долженствования, реже - возможности. Например:

Do you know *what to look for* (= what you should look for) (A. Hornby).

So that public knew at once *where to go* where they should go) (J. Galsworthy).

Have you considered *how to get* there (= how you could get there) (A.

Hornby).

I forget *where to turn off* the main road (where I should turn) (A. Hornby)

После глаголов типа *tell, ask* приглагольная структура предрасположена осложняться вторым дополнением, с которым инфинитив может соотноситься как со своим логическим субъектом. После глаголов *explain, show, teach, inform, advise* инфинитив может соотноситься как со своим логическим субъектом только с дополнением, но не с подлежащим [6. с. 14]. Например:

They told *the girl where to start* (= where she should start) (A. Hornby).

I showed *them how to do it* (= how they should do it) (A. Hornby).

Please inform *me where to get* tickets (where I can get) (A. Hornby).

Если после инфинитива следует прямое дополнение, то в придаточном предложении, синонимичном инфинитивной конструкции, может быть использован глагол в пассивной форме, Например:

Few people know *how to do it* (= how it should be done) (A. Hornby).

Придаточные предложения, синонимичные инфинитивным конструкциям типа II, используются в речи, но гораздо реже самих инфинитивных конструкций (примерно в 10-12 раз). Например:

...he wondered *where he should go* (Th. Dreiser). Andrew reflected *to whom he should sand her* (A.Cronin).

Структура 3 (глагол + союзное слово + существительное + инфинитив) употребляется, в принципе, после тех же глаголов, что и структура 2, но значительно реже, поскольку с существительными могут сочетаться только союзные слова *what* и *which*, что ограничивает сферу использования данных структур.

Структуру 3 можно рассматривать как вариант, как распространённая структура 2. Здесь, также как и в структуре 2, инфинитив передаёт модальное значение, в основном - это значение долженствования. Например:

Last night they considered *what action to take* over the injunction (what action they should take).

Мы рассмотрели приглагольные инфинитивные конструкции, однако аналогичные инфинитивные конструкции могут употребляться после соответствующих существительных (*promise, hope, knowledge, thought, meditation, argument, agreement, decision, determination, advice, etc.*) или существительных близких к перечисленным по значению (*idea, ignorance, problem, doubt, ques-tion, plan, notion*), а также после прилагательных *certain, uncertain, sure*, близких по значению глаголу *know*. В этих случаях также можно выделить три структурные разновидности инфинитивных конструкций, которые передают те же значения и могут быть синонимичны придаточным предложениям. Например:

By the evening's end the best he could walk away with was Mrs. Marmonier's *promise to talk to Alfreda Plysen tomorrow* (that she would talk) (E.Gilbert).

Сравните: The knowledge *of how to do* it was not very common (that she would talk) (A.Hornby).

And the thought *of how to keep* June's name out of the business kept whirring in his brain (of how he should keep) (J.Galsworthy).

Drouet hesitated ... uncertain as to *what course to pursue* (as to what course he should pursue) (Th. Dreiser).

Сравните: She ... dropped it reluctantly into the letter box, still uncertain as to *whether she should do so or not* (Th. Dreiser).

Итак, инфинитивные конструкции в функции дополнения в зависимости от их структуры можно разделить на три типа:

- 1) Глагол + инфинитив;
- 2) Глагол + союзное слово + инфинитив;
- 3) Глагол + союзное слово + существительное + инфинитив.

Инфинитив в этих конструкциях обычно выражает модальное значение, чаще значение долженствования. Эти значения выражаются имплицитно, нерасчленённо; они зависят от контекста.

В придаточных предложениях, синонимичных глагольным инфинитивным конструкциям, временные и модальные значения конкретизируются путем использования определённых временных форм глагола и модальных глаголов. Такие придаточные предложения употребляются в речи, но гораздо реже самих инфинитивных конструкций.

Библиографический список

1. Лич, Г., Свартвик, Дж. Коммуникативная грамматика английского языка. / Г. Лич, Дж. Свартвик. – Лондон: Лонгман, 2005. – 324 с.
2. Синклей, Дж. М. Курс разговорной английской грамматики. - /Дж. М. Синклей.- Лондон: Издательство Лондонского Университета, 2008.–217 с.
3. Ленгендон, Д.Т. Основной курс английской грамматики. / Д.Т. Ленгендон. – Нью Йорк: Холт, Ринехарт и Уинстон, 2002. – 223 с.
4. Ленгекер, Р. У. Язык и её структура. / Р. У. Ленгекер. - Нью Йорк: Харкорт, Брейс и Уелд, 2007. – 260 с.
5. Джоунс, Л.К. Темы в английском экспозиционном дискурсе. /Л.К. Джоунс. – США: Издательство «Юпитер», 2007. – 308 с.
6. Павленко, В.П. Модальные значения инфинитива и инфинитивных сочетаний в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В.П. Павленко. – СПб: РГПУ, 2001. - 24 с.
7. Хорнби, А.С. Словарь современного английского языка на продвинутой стадии обучения. / А.С. Хорнби. - Лондон: Лонгман, 1999. – 678с.

Bibliography

1. Hornby, A.S. Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. - London: Longman, 1999. – 678 p.
2. Jones, L.K. Themes in the English Expository Discourse / L.K. Jones. – The USA: Publishing House «Jupiter», 2007. – 308 p.
3. Langacker, R. W. Language and Its Structure / R. W. Langacker. - New York: Harcourt, Brace and World, 2007. - 260 p.
4. Langendoen, D. T. Essentials of English Grammar / D. T. Langendoen. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 2002. - 223 p.
5. Leech, G., Svartvik, J. The Communicative Grammar of English / G. Leech. – London: Longman, 2005. – 324 p.
6. Pavlenko, V.P. Modal Meanings of the Infinitive and the Infinitive Constructions in Modern English: Synopsis of Diss. ... Cand. of Philol. / V.P. Pavlenko. – SPb: RSPU, 2001. - 24 p.
7. Sinclair, J. McH. A Course in Spoken English Grammar / J. McH. Sinclair. - London: London University Press, 2008. – 217 p.

УДК 82.0

ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6

Трускова Екатерина Александровна

аспирант кафедры

литературы и МПЛ

Челябинский государственный педагогический университет

г. Челябинск

Truskova Ekaterina Alexandrovna

Post-graduate

Chair of Literature and Methods of Teaching Literature

Chelyabinsk State Pedagogical University

Chelyabinsk

Теория гипертекста в практике гиперпространства (на примере романов Б. Акунина «ФМ» и «Алтын-Толобас»)

Hypertext Theory in the Hyperspace Practice

(On the Material of B. Akunin's Novels «FM» and «Altyn-Tolobas»)

В статье рассматриваются различные уровни проявления гипертекстуальной природы романов Б. Акунина, раскрываются внутренние механизмы организации гипертекстуального пространства.

The article considers different levels of hyper-textual nature manifestation in B. Akunin's novels; the internal mechanisms of the hyper-textual space organization are revealed.

Ключевые

слова:

гипертекст, интертекстуальность, уровень, сюжетная линия, художественное пространство.

Key words: hyper-text, intertext, level, plotline, artistic space.

В рамках настоящей статьи мы будем говорить о двух уровнях гипертекстуальности, свойственной произведениям Б. Акунина. С одной стороны – построение романа по принципу гиперпространства, т. е. некой модели художественной реальности, сочетающей в себе временные пласты разных лет, героев своих и «цитируемых», аллюзивных произведений, единый сюжет, имеющий множество фабульных ответвлений. С другой – осознание романа одним из звеньев гиперроманной структуры, представленной циклом или даже циклами, т. е. присутствие в каждом из романов «сквозных» персонажей – в данном случае Фандориных или предков/потомков – и существование некой предыстории/постистории, объединяющей отдельные романы в общую ткань эпического повествования.

Рассмотрим подробнее первый из указанных уровней. Для этого обратимся к двум романам из цикла «Приключения магистра». Первый из них — роман «ФМ», в котором помимо прямых и косвенных аллюзий представлено рамоч-

ное оформление одного текста другим. Фабульную основу повествования составляет детективная история поисков разных частей оригинала рукописи Ф.М. Достоевского «Петербургская повесть», которая была продана автором купцу Ф.Т. Стелловскому в 1865 году.

По ходу повествования читатель не только открывает для себя историю создания этого не известного широкому читателю произведения (повесть была написана по заказу, причем с изначально заданными типажам героев), но и узнает в сюжетной ткани повествования классическое произведение русской литературы – роман «Преступление и наказание». Причем текст классика не просто цитируется или пересказывается в приложении, не является номинальным мотивом к завязке произведения, но делится на четыре части и дословно включается в ткань романа в полном объеме. Он представлен главами «Теорийка. Петербургская повесть», «Зеленая папка», «Красная папка», «Синяя папка».

Названия глав самого романа Б. Акунина столь же существенны. Они представляют собой интеллектуальную игру, основным правилом которой является составление словосочетаний с начальными буквами «Ф» и «М». Так появляются заголовки: «ФОРС-МАЖОР», «ФИГЛИ-МИГЛИ», «ФАТА-МОРГАНА», «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР», «ФИЗИОЛОГИЯ МОЗГА», «FM», «ФИЛОСОФ-МЕРКАНТИЛИСТ», «ФРИ-МАСОН», «ФАРШИРОВАТЕЛЬ МОЗГОВ», «ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР», «ФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ», «ФАМИНОР», «ФАНТОМАС И МУРЗИЛКА», «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА», «ФУКАИ МОРИ», «ФОКУСНИК-МАНИПУЛЯТОР». Однако прочитав главу, имеющую соответствующее название, мы не можем сказать, что это игра слов или каламбур: каждый раз необыкновенно точное очередное фм-сочетание раскрывает интригу нового эпизода.

Так, первая глава под названием «Форс-мажор» повествует нам о незадачливом молодом человеке, по нелепости и в связи с плохими намерениями попавшем в очень неприятную ситуацию: «Год почти оттрубил, на лекции ходил, даже сессию одну сдал, а в памяти только одно слово застряло: форс-мажор. Это когда никто никого не кидал, не подставлял, а само так вышло. Ну,

типа карма. Вот и у Рулета получился кругом сплошной форс-мажор» [1; 7]. Точным описанием новой знакомой – Элеоноры Ивановны Моргуновой – отзовется четвертая глава («ФАТА-МОРГАНА»): «“Фата-Моргана”, как он немедленно окрестил про себя толстую старуху (отлично легло на “fat Morgunova”), повела себя совершенно по-ведьмински...» [1; 92].

Следуя все тем же формально проводимым параллелям, можно найти не только ономастическое сходство между главными героями повести Ф.М. Достоевского и романом Б. Акунина, но и вывести сходные черты их характеров, убеждений и жизненных позиций. Так, первый встречаемый нами персонаж – наркоман Рулет (именно к нему попадает рукопись, которую он вскоре принесет Фандорину, именно с него начинается завязка действия). Полное имя Рулета – студента, бросившего институт и сошедшего с истинного пути – Руслан Рудольфович Рульников (Р.Р.Р.); имя (возможно) соотносимого с ним студента из повести Достоевского – Родион Романович Раскольников (Р.Р.Р.). Оба являются в прошлом неудачливыми студентами, оба совершают убийство с целью получения некой материальной ценности, однако Рулет далек от каких-либо идейных исканий и осмысления совершенного им преступления. Сердобольная Сашенька Морозова непременно напомнит нам Сонечку Мармеладову, столь тщетно и упорно пытающуюся помочь своей семье, столь же жертвенно продавая свою честь. Каждый персонаж романа представляет собой деформированную проекцию героя произведений Ф.М. Достоевского. Впрочем, на это указывает и сам Акунин: «Метод у Филиппа Борисовича был очень простой. Поскольку он жил, весь погруженный в мир Достоевского, то людей, которые встречались ему в реальной жизни, мысленно обозначал для себя именем того или иного персонажа. Лузгаев для него – Лужин. Марфа Захер – госпожа Ресслих» [1; 80].

Однако ономастическая игра присутствует не только в контексте аллюзий на произведения Достоевского. Главного героя романа друзья и близкие называют Ника, в то время как «Ники» домашнее прозвище императора Николая I, а полное имя Фандорина – Николай Александрович – аллюзивно связывается с

именем последнего русского императора Николаем II, чей род (Романовы) также представляет собой разветвленное генеалогическое древо, уходящее корнями в 1351 год.

Еще один способ формального создания гипертекстуальной структуры, активно используемый автором, – включение различных фрагментов «чужого письма» в ткань романа. В данном случае это «письмо» Ф.М. Достоевского И.С. Тургеневу с просьбой о займе, записки о долговых взаимоотношениях со Стелловским, лекция доктора филологических наук Ф.Б. Морозова об эротизме в жизни и творчестве Достоевского, выдержки из медицинской энциклопедии и целый ряд вставных историй («Про Валю», «Про гостью Элеоноры Ивановны. А может, гостя. Или даже Гостя», «Про Чудо Божье», «Про дефлорацию»).

В пространственно-временной организации художественного мира романа мы тоже усматриваем проявления гипертекстуальности. Несмотря на формальную хронологичность, время повествования движется скачкообразно, нередко останавливаясь для рассказа о прошлом или параллельной истории (например, «Про Валю»). Пространство же в целом разбито на два больших полотна, одно из которых организует фабульную структуру романа, другое – хитросплетения сюжета повести. Следуя правилам работы с любым гипертекстом, мы сами можем выбрать горизонтальное прочтение, т. е. сначала ознакомиться с общим содержанием романа, а затем прочесть собранное по частям произведение Ф.М. Достоевского. Однако, логика текста «ФМ» подталкивает читателя к вертикальному (последовательному) освоению романа, а, как следствие, столкновению с постоянной сменой планов и деформацией однородного пространства.

Другой роман из цикла «Приключения магистра» не менее показателен в плане его гипертекстуальности. Здесь также присутствует многомерность пространственно-временного континуума. Формально главы чередуются, повествуя то о Николасе Фандорине – британском магистре исторических наук, приехавшем в Москву XX века, то о его далеком предке – голландском ландскнехте Корнелиусе фон Дорне, оказавшемся в Москве XVII столетия. Таким образом,

художественное пространство постоянно варьируется, то расширяясь до большой кремлевской стены в Московии, то уже в следующий миг, сужаясь до маленькой кухни столичной квартирki Алтын. Подобно предыдущему, роман также предполагает возможность как горизонтального, так и вертикального прочтения, но только в заданной автором последовательности он открывает «те ключи» и «таким образом», благодаря которым увлекательное чтение в финале приведет к прозрению.

Особенностью организации пространства в романе можно считать сложное переплетение двух сюжетных линий, каждая из которых имеет своего главного героя (Николас Фандорин / Корнелиус фон Дорн), любовную линию (Алтын Мамаева / Александра Артамоновна Матфеева), персонифицированное зло (Сосо, Влад и Шурик / заговорщики, пытающиеся поделить власть, отец Таисий, организовавший охоту на либерею Ивана Грозного) и ряд второстепенных персонажей, параллельно существующих в двух мирах.

Структура романа весьма неоднородна, однако если предыдущее произведение можно было назвать текстом в тексте, то здесь мы встречаем два параллельных рассказа, связанных между собой на уровне сюжетной интриги. Этим обусловлена разная стилевая принадлежность повествования о Великой Московии и о современной Москве. История о приключениях красавца мушкетера стилизована под устаревшую речь особым синтаксическим строем и обилием часто встречающихся архаизмов: «Эх, если бы знать, какой мерзавец этот Таисий, я не велел бы трупы **чернецов в Убогий дом** везти! **Поди сыщи** их там теперь, среди многих прочих, кого прикончили за ночь в Москве. **Ярыжки** наверняка раздели монахов догола, не опознаешь» [3; 207]. В то же время московские приключения Фандорина изобилуют неологизмами, современной лексикой и даже жаргонизмами:

- Я леплю **горбатого**? – переспросил Фандорин, сделал обиженное лицо.
- Вы хотите сказать, что я **гоню туфту**?
- **Сто пудов, гонишь**, – сурово ответила Алтын. – **Лохом прикидываешься** [3; 111].

Вставными конструкциями в ткани романа также служат лимерики, сочиняемые Фандориным в заключение каждого, насыщенного событиями дня. Например: «Приложение: Лимерик, сочиненный Н. Фандориным на обеденном столе в ночь с 14 на 15 июня

Заутра блеснул луч денницы,
В таинственной сени гробницы.
У разверстой могилы
Собрались некрофилы
В честь гостя российской столицы» [3; 128].

Подобно фм-сочетаниям, эти небольшие поэтические сюжеты иллюстрируют отношение автора/героя к происходящим событиям, представляют собой аллегорическую фабулу произошедшего. Таким образом, можно утверждать, что первый уровень гипертекстуальности присутствует в романах Б. Акунина в полном объеме. Ее основанием являются три критерия гипертекстовой системы, выведенные М. Визелем в работе «Поздние романы Итало Кальвино как образцы внекомпьютерного текста» [4].

Первый критерий – дисперсность структуры (возможность «входа»/ «выхода» с любого звена повествования) – присутствует на уровне пространственно-временной организации романов. И если для большинства гипертекстов этот критерий является факультативным (на выбор читателя), то повествование в романах Б. Акунина само строится по принципу «вторжения» в нарративную структуру с любого хромотопического отрезка (Москва – Московия – Москва – Московия).

Второй критерий – нелинейность – представлен упоминаемой ранее вариативной возможностью вертикального либо горизонтального прочтения романов.

Третий критерий – разнородность и мультимедийность – то есть расширение от чисто литературных (выбор повествовательной стратегии и стилистики) через издательские (шрифты, верстка, иллюстрации) и вплоть до самых сложных компьютерных (звук, анимация, отсылка к другим, нехудожественным материалам) – представлен повествовательной структурой романов в пол-

ном объеме. Например, в романе «Алтын-Толобас» чередующиеся временные пласты имеют диаметрально противоположную стилевую окраску; вставные истории романа «ФМ» выделены жирным шрифтом, а письма – курсивом.

Второй уровень гипертекстуальности романов Б. Акунина организован более тонко, но не менее отчетливо. Если рассмотреть ключевые характеристики романного жанра, мы обнаружим единство системы образов и наличие главного героя, присутствие доминирующей сюжетной линии, замкнутость пространственно-временного континуума, наличие лейтмотива, доминирующей идеи, интриги, стилистическая однородность и авторский метод как организующее начало художественного мира произведения.

Если рассматривать каждый фандоринский цикл, или даже все циклы предков/потомков Фандориных, как единое романное полотно, можно восстановить историю рода. Впервые появившийся в 1876 году Эраст Фандорин – герой первых тринадцати романов – с достоинством проходит сквозь разные военные кампании и пополняет свое портфолио множественными наградами и регалиями; Сэр Александер возникает в воспоминаниях британского подданного и внука Эраста Фандорина – главного героя цикла «Приключения магистра»; в разных книгах ретроспективно всплывают Тео де Дорн («Детская книга»), Ульрих фон Дорна («Алтын-Толобас»), Корнелиус фон Дорн («Алтын-Толобас»), в двадцатом веке проживают Ластик и Ангелина («Детская книга», цикл «Жанры»).

Основная сюжетная линия всех романов фандоринского цикла — детективная история, заключенная в поиске ключа к разгадке главной интриги. При чем в циклах «Приключения магистра» и «Жанры» многие тайны связаны с самим родом Фандориных: Райское яблоко, обнаруженное в «Детской книге» Тео фон Дорном; записка с указанием местонахождения Либереи, оставленная Николашу его дедом Корнелиусом в «Алтын-Толобасе».

В качестве интегрирующего приема, позволяющего нам говорить о гипертекстуальной природе всего фандоринского цикла, выступает авторский метод организации повествования, сочетающий в себе преемственность сюжетов, образов, концептуальных решений классических тем, переходящих от романа к

роману, и открытую разветвленную структуру микро- и макротекстов, создаваемую как поле интенсивной и экстенсивной интеллектуальной деятельности.

Библиографический список

1. Акунин, Б. ФМ: В 2 т. Т.1. [Текст] / Б. Акунин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 350 с.
2. Акунин, Б. ФМ: В 2 т. Т.2. [Текст] / Б. Акунин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 286 с.
3. Акунин, Б. Алтын-Толобас [Текст] / Б. Акунин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 352 с.
4. Визель, М. Я. Поздние романы Итало Кальвино как образцы внекомпьютерного гипертекста. Проблемы итальянистики [Текст] / М. Я. Визель // Литература и культура. – Вып.2. – М.: РГГУ, 2006. – С. 169–190.

Bibliography

1. Akunin, B. FM: In 2 V. V.1. [Text] / B. Akunin. – M.: OLMA Media Groups, 2009. – 350 sp
2. Akunin, B. FM: In 2 V. V.2. [Text] / B. Akunin. – M.: OLMA Media Groups, 2009. – 286 p.
3. Akunin, B. Altyn-Tolobus / B. Akunin [Text] // B. Akunin. – M.: OLMA Media Groups, 2009. – 352 p.
4. Vizel, M. Ya. Late Novels of Italo Calvino as the Models of Extra-Computer Hypertext. Problems of Italyanism [Text] / M. J. Vizel // Literature and Culture. – Iss.2. – M.: RSHU, 2006. – P. 169–190.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ И ФИЗИКА

УДК 79.31

ББК 756

Важенин Андрей Владимирович

доктор медицинских наук,
профессор заслуженный
врач РФ г. Челябинск

Vazhenin Andrey Vladimirovich

Doctor of Medicine,
Professor
Honoured Doctor of the Russian Federation
Chelyabinsk

Гладков Олег Александрович

доктор медицинских
наук г. Челябинск

Gladkov Oleg Alexandrovich

Doctor of Medicine
Chelyabinsk

Доможирова Алла Сергеевна

кандидат медицинских наук
г. Челябинск

Domozhirova Alla Sergeevna

Candidate of Medicine
Chelyabinsk

Манцырев Евгений Олегович

врач – онколог
г. Челябинск

Mantsyrev Evgeny Olegovich

Oncologist
Chelyabinsk

ГЛПУ «Челябинский Окружной Клинический Онкологический Диспансер»,
Уральская клиническая база ФГУ «Российский научный центр
рентгенрадиологии росздрава» Челябинская Государственная Медицинская
Академия

Chelyabinsk Regional Clinical Oncological Centre,
South Ural Clinical Base of FSI “Russian Scientific Radiology and Nuclear Medicine
Centre”,
Chelyabinsk State Medical Academy

**Челябинскому окружному клиническому онкологическому
диспансеру 65 лет**

Chelyabinsk Regional Clinical Oncological Centre Is 65

12 октября 2010 года исполняется 65 лет Государственному лечебно-
профилактическому учреждению "Челябинский областной клинический онко-

логический диспансер". Челябинский онкологический диспансер за свою 65-летнюю историю превратился в одно из авторитетных и перспективных учреждений России. В диспансере сегодня оказывают все виды специализированной помощи, за год проходит лечение более 10 тысяч человек, поликлиника ежегодно консультирует до 77 тысяч пациентов. Основные направления деятельности диспансера на ближайшие годы остаются прежними: внедрение высоких технологий лечения и диагностики, организация профилактики и раннего выявления онкологических заболеваний, создание подготовленного кадрового потенциала, научная работа.

October 12, 2010 marks 65 years of Chelyabinsk Regional Clinical Oncological Centre. Chelyabinsk Oncological Centre, during its 65-year-old history, became one of the most authoritative and perspective institutions in Russia. Today, the centre provides all kinds of specialized services. More than 10 000 people are treated and 77 000 patients take opinions there every year. The main activity lines of the centre in the next years remain the same: introduction of high-tech treatment and diagnostics, organization of preventive treatment and early detection of cancer, personnel training, scientific work.

Ключевые слова: Челябинск, онкология, диспансер, юбилей,

Key words: Chelyabinsk, oncology, centre, anniversary.

12 октября 2010 года исполняется 65 лет Государственному лечебно-профилактическому учреждению «Челябинскому областному онкологическому диспансеру».

Челябинский онкологический диспансер, созданный в 1945 году как учреждение всего на 30 коек, за

свою 65-летнюю историю превратился в одно из авторитетных и перспективных онкологических учреждений России. В настоящее время онкологическая служба Челябинской области представлена Челя-

бинским окружным клиническим онкологическим диспансером на 590 коек и двумя филиалами: в Магнитогорске на 145 коек и в Копейске на 90 коек. В диспансере сегодня оказываются все виды специализированной помощи. В его структуре 14 клинических отделений, диагностические отделения, консультативная поликлиника и узкоспециализированные центры. За год в диспансере проходит лечение более 10 тысяч человек, онкологическая служба Челябинской

области обеспечивает 27 тысяч госпитализаций в год, поликлиника диспансера ежегодно консультирует 77 тысяч пациентов.

По итогам состоявшегося конкурса 24 декабря 2008 г. на заседании Совета по реализации национальных проектов под председательством Президента РФ, Челябинский областной клинический онкологический диспансер назван первым окружным онкологическим диспансером. В соответствии с Соглашением между Минздравсоцразвития РФ и Правительством Челябинской области №26/8-1 от 9 апреля 2009 года, для реализации мероприятий, направленных на совершенствования организации онкологической помощи населению было выделено 871,9 млн. рублей из федерального бюджета и 261,6 млн. рублей из бюджета Челябинской области. Основные направления деятельности онкологического диспансера на ближайшие годы остаются прежними: это внедрение высоких технологий лечения и диагностики, организация профилактики и раннего выявления онкологических заболеваний, создание подготовленного к инновациям кадрового потенциала, научная работа. Направления деятельности на ближайшее время остаются прежними, а вот о качестве и глубине их освоения стоит сказать несколько слов.

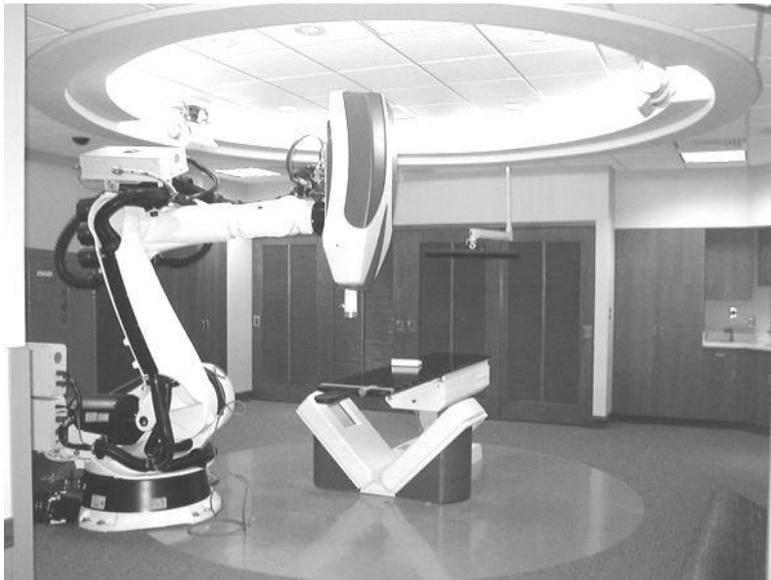
Безусловным приоритетом является развитие высоких технологий лечения и диагностики онкологических больных. В настоящее время в диспансере сосредоточены передовые, в мировой онкологической практике, технологии диагностики и лечения злокачественных опухолей. Одна из таких технологий –

позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ). В ходе разработки концепции будущего ПЭТ центра, специалистами Челябинского областного клинического онкологического диспансера (далее по тексту ЧОКОД) изучался отечественный и зарубежный опыт создания подобных центров. В результате была выбрана концепция центра пол-

ного цикла. Она включает создание отдельного подразделения – диагностического ПЭТ-отделения и циклотронно-радиохимической лаборатории для получения позитронно-излучающих изотопов и радиофармпрепаратов. При этом все звенья ПЭТ центра размещены в одном отдельном помещении. Установлен собственный магнитно-резонансный томограф. Эта технология вместе с компьютерной томографией и позитронно-эмиссионной томографией позволяет сделать диспансер обеспеченным диагностической аппаратурой на самом современном уровне для полноценной диагностики онкологических заболеваний. Введена в эксплуатацию роботизированная система гистологической и иммуногистохимической диагностики, с архивированием данных, позволяющая качественнее и быстрее проводить анализы для проведения эффективной химиотерапии. В отделение онкоурологии освоена новая технология проведения бра-

хитерапии ^{125}I рака предстательной железы. Эндоскопическое отделение Челябинского окружного клинического онкологического диспансера, на сегодняшний день является одним из самых оснащенных в стране. В отделении используются видеоэндоскопические комплексы с установкой для

флуоресцентной и ультразвуковой эндоскопии, проводится не только диагностика, но и применение малоинвазивных методов лечения опухолей. К концу 2010 года планируется смонтировать радиохирургическую систему «Cyberknife», которая на сегодняшний день является вершиной лучевых технологий в лечение рака (в России имеется один «Cyberknife» в Институте нейрохирургии имени Бурденко, который приспособлен только для лечения опухолей головного мозга, у нас аппарат будет приспособлен для лечения опухолей всего тела). На базе диспансера функционируют уникальные центры: нейтронной терапии, онко-офтальмологии, пластической и реконструктивной онкологии, паллиативной

онкологии, термолучевой терапии, фотодинамической терапии. Необходимо отметить, что только приобретение магнитно-резонансного томографа, аппаратуры для брахитерапии ^{125}I рака предстательной железы, а также оборудование для гистологической и иммуногистохимической лаборатории стали совершенно новыми приобретениями для онкологического диспансера. Остальное оборудование и методики были внедрены в работу онкологической службы до придания диспансеру статуса окружного – это ускорительный комплекс работает с 1996 года и является одним из первых в РФ, брахитерапия ^{60}Co , радионуклидная терапия ^{89}Sr , нейтронная терапия, рентген-симулятор работает с 1996 года, строительство ПЭТ-центра было начато в 2008 году.

Одной из последних тенденций развития онкологической службы, является развитие системы раннего выявления и профилактики рака. В Челябинской области реализован полномасштабный комплекс профилактических технологий раннего выявления рака, который включает в себя онкоскрининг анкетным методом, социальную рекламу, повышение онкологической грамотности врачей первичного звена здравоохранения, совершенствование работы смотровых кабинетов, финансовое стимулирование врачей за раннее выявление рака, систему маршрутизации пациентов, а также курацию территорий области специалистами онкологической службы.

В научном направлении с 1975 года, когда на базе диспансера профессором Бехтеревой Е.И. была создана кафедра онкологии ЧГМА произошли значительные изменения. С 2000 г. диспансер является проблемной лабораторией ЮЦНЦ РАМН «Радиационная онкология», а с 2006 г. – клинической базой ФГУ Российского научного центра рентгенорадиологии Росмедтехнологий. На базе диспансера работают 10 кафедр двух медицинских академий – Челябинской государственной медицинской академии и Уральской государственной медицинской академии дополнительного образования, а также физического приборостроения Южно-Уральского государственного университета. В стенах диспансера за последние 10 лет проведено более 100 клинических исследований и по их итогам защищено 88 кандидатских и 12 докторских работ по онкологической и радиологической тематике. Издано более 200 печатных работ в

рецензируемых ВАКом изданиях, в том числе 4 монографии в издательстве РАМН. Получено 34 патента на изобретения.

Говоря о научном направлении развития, нельзя не сказать о кадровом потенциале диспансера. В ЧОКОД из 146 врачей 1 член-корреспондент РАМН, 48 – имеют степень кандидата медицинских наук, 9 врачей – доктора медицинских наук, 7 заслуженных врачей РФ и 3 заслуженных работника здравоохранения, 36 врачей имеют высшую категорию. Поскольку, в течение последних лет приобретаются и осваиваются сложные медико-физические лечебные и диагностические технологии, они не могут эффективно функционировать в клинике без компетентной и хорошо организованной медико-физической службы, укомплектованной высококвалифицированными физиками и инженерами. Именно для этой цели с 2008 г. начала свою работу кафедра физического приборостроения Южно-Уральского государственного университета.

Необходимо отметить тех людей, которые заложили базис нынешнего успеха диспансера. Исключительную роль в становлении диспансера и онкологической службы области в первые годы его организации сыграли: первый главный врач диспансера заслуженный врач РСФСР И.Н. Назаров (1945 -1953 гг.) и Н.М. Дьячкова, руководившая клиникой с 1953 по 1976 г. За время их руководства диспансером были открыты новые отделения (торакальной, абдоминальной, гинекологической онкологии), специализированные радиологические отделения; одними из первых в стране организованы отделения химиотерапии (1971 г.), а затем и опухолей головы и шеи (1973 г.). Параллельно развивались рентгено-диагностическое отделение, отделения анестезиологии и реанимации, радионуклидной диагностики, лабораторное и эндоскопическое отделения. В 1974 г. на базе диспансера было основано Челябинское областное научное общество онкологов, его первым председателем стала Н.М. Дьячкова. Большую роль сыграла организация в 1975 г. кафедры онкологии при Челябинском медицинском институте, возглавила ее в те годы профессор Е.И. Бехтерева. В 70-е годы в ЧООД совместно в МНИОИ им. П.А. Герцена (проф. Е.С. Киселева) и кафедрой радиологии ЦОЛИУВ (проф. К.Н. Костромина) проводились клинические испытания первого гамма-терапевтического аппарата для внутривнутриполостно-

го облучения АГАТ-В. К 40-летию диспансера сотрудниками было защищено 8 кандидатских диссертаций, внесено 19 рацпредложений, опубликовано 128 журнальных статей.

С июня 1998 г. Челябинский окружной онкологический диспансер возглавляет заслуженный врач РФ, член-корр. РАМН, доктор медицинских наук, профессор Важенин Андрей Владимирович – главный онколог Челябинской области.

Самым же главным нашим проектом можно назвать рост и развитие диспансера. Этот проект живет благодаря коллективу, объединенному одними принципами: смело-стью браться за решение сложных задач, благородным прагматизмом в их реализации, общим корпоративным духом и, конечно же, настроем быть лучшими в своей области.

Библиографический список

1. Важенин А.В., Клипфель А.Е., Купряшкина А.Г., Абдуллина Н.А., Важенина Л.Н. Радиологическая служба Челябинской области: история, современное состояние, перспективы развития. //Медицинская радиология. – 1988. - №2. – С.228-231.
2. Онкология-98: сборник научных трудов, посвященный 60-летию онкологической службы Челябинской области / под редакцией профессора А.В.Важенина. - Челябинск, 1998. – 310 с.
3. Важенин А.В. Очерки радиационной онкологии. – Челябинск, 1998. – 130 с.
4. Важенин А.В. Радиационная онкология: организация. Тактика, пути развития. – Москва: Издательство РАМН, 2003. – 236 с.
5. Важенин А.В., Рыкованов Г.Н., Магда Э.П., Мунасипов З.З., Мокичев Г.В., Доможирова А.С. Перспективные направления развития Челябинской онкологической службы на базе использования научных и технических возможностей конверсионных структур военного-промышленного комплекса Урала //Известия Челябинского научного центра. Специальный выпуск, посвященный 60-летию РАМН. – 2004. – С.105.
6. Челябинскому областному онкологическому диспансеру – 60 лет. //Тюменский медицинский журнал. – 2005. - №2. – С.47.
7. Важенин А.В., Шевченко В.Н., Доможирова А.С., Важенина Д.А., Доксов Д.В., Васильев И.С., Васильев В.С., Тюков Я.Ю., Новокрещенова М.С., Миронченко М.Н. Эффективное управление онкологической ситуацией в крупном индустриальном регионе. // Проблемы клинической медицины. – 2007. – №2 (10). – С.58.
8. Важенин А.В., Доксов Д.В., Доможирова А.С., Шевченко В.Н. Повышение эффективности работы онкологической службы в Челябинской области. // Российский онкологический журнал. – 2007. - №3 (23). – С.94.

Bibliography

1. Chelyabinsk Regional Oncological Centre Is 60 // Tyumensky Medical Journal. – 2005. – № 2. – P.47.
2. Oncology-98: Collection of Scientific Articles for the 60th Anniversary of the Oncological Service of the Chelyabinsk Region / Edited by Professor A.V.Vazhenin. – Chelyabinsk, 1998. – P. 310.

3. Vazhenin, A.V., Klipfel, A.E., Kupryashkina, A. G., et al. Radiology department of Chelyabinsk Region: Past, Present, Future // *Meditinskaya Radiologiya*. – 1988. – № 2. - P. 228-231.
4. Vazhenin, A.V. *Studies of Radiation Oncology*. – Chelyabinsk. – P.130.
5. Vazhenin, A.V. *Radiation Oncology: Organization. Tactics, Ways of Development*. – Moscow: RAMN, 2003. – P. 236.
6. Vazhenin, A.V., Rykovanov, G.N., Magda, E.P. et al. Promising Directions of Chelyabinsk Oncology Development Based on Its Scientific and Technical Capabilities of the Conversion Structure of the Ural Military-and-Industrial Complex // *News of Chelyabinsk Scientific Centre. Special Issue Devoted to the 60th Anniversary of RAMS*. – 2004. – P.105.
7. Vazhenin, A.V., Shevchenko, V.N., Domozhirova, F.S. et al. Effective Management of Cancer Situation in a Large Industrial Area // *Problems of Clinical Medicine*. - 2007. - №2 (10) - P. 58.
8. Vazhenin, A.V., Doksov D.V., Domozhirova F.S. et al. Improving the Efficiency of Cancer Service in the Chelyabinsk Region // *Russian Oncology Journal*.- 2007.- № 3 (23). - P. 94.

Весёлкин Геннадий Алексеевич
доктор биологических наук,
профессор
кафедра ботаники, зоологии и экологии
Владимирский государственный гуманитарный университет
г. Владимир

Лавров Илья Александрович
аспирант кафедры
ботаники, зоологии и экологии
Владимирский государственный гуманитарный
университет г. Владимир

Veselkin Gennady Alexeevich
Doctor of Biology,
Professor
Chair of Botany, Zoology and Ecology
Vladimir State Humanitarian University
Vladimir

Lavrov Iliya Alexadrovich
Post-graduate
Chair of Botany, Zoology and Ecology
Vladimir State Humanitarian University
Vladimir

Фенология ручейников (Trichoptera) Владимирской области
Phenology of Caddisflies (Trichoptera) in Vladimir Region

Рассмотрена фенология ручейников (Trichoptera) Владимирской области. Выделены основные фенологические группы ручейников. Рассмотрены фенологические особенности личинок некоторых видов и особенности зимовки отдельных групп.

The article examines phenology of caddisflies (Trichoptera) in Vladimir region. The main groups of caddisflies are identified. Phenological peculiarities of some sorts of larvae and peculiarities of separate groups wintering are considered.

Ключевые слова: фенология, ручейники, фенологические особенности.

Key words: phenology, caddisflies, phenological features.

Фенологические наблюдения в энтомологии представляют большой интерес, так как расширяют наши знания о жизни и роли насекомых в заселяемых ими сообществах и позволяют эффективнее регулировать численность их популяций. Поэтому исследование закономерностей сезонных явлений в жизни насекомых, определяющих сроки их появления и развития, являются актуальными [1]. Кроме того, в научной литературе существует нехватка таких данных для ручейников. Так в работах ведущих трихоптерологов В.Д. Иванова [2,3,4],

С.Г. Лепневой [6,7], А.В. Мартынова [8,9], О.Л. Качаловой [5], данные о фенологии ручейников практически отсутствуют. Лишь у некоторые авторы приводят такую информацию. Так N.E. Hickin [10] в своей работе «Caddis larvae: larvae of the British Trichoptera» выделяет весенние и летние виды, указывает периоды активности и массового лета имаго, а также рассматривает жизненные циклы некоторых видов.

Ручейники представляют собой отряд насекомых с полным превращением и являются одними из важнейших структурных компонентов как наземных, так и водных экосистем. В своем развитии ручейники проходят четыре фазы: яйца, личинки, куколки и имаго. Из них мы проследили фенологию трех последних фаз развития, то есть ведущих активный образ жизни.

Несомненно, главной стадией в развитии ручейников является стадия личинки. В этой стадии ручейники проводят более 2/3 времени всего своего жизненного цикла. Эту стадию развития еще можно охарактеризовать как фазу питания, роста насекомого, в ходе которого оно активно питается и увеличивается в размерах. Интерес в этом плане для нас представляет изучение фенологии личинок ручейников. А именно сроков наиболее интенсивного развития, заканчивающегося окукливанием и вылетом имаго.

В зависимости от привязанности этих сроков к определенному времени года можно выделить 5 основных фенологических групп ручейников. Первая – весенние виды, которые активны с третьей декады марта до второй декады мая. Вторая группа - весенне-летние виды – со второй декады мая по июль. Третья группа – летние виды – с июня по август. Четвертая группа – летне-осенние – с августа по сентябрь. И отдельно стоит выделить весенне-осенние виды, личинки которых встречались в течение весны и в начале осени.

Была составлена диаграмма на основе данных систематических сборов и наблюдений, отражающая момент появления личинок данного вида и заканчивающаяся моментом предположительного вылета имаго (табл. 1). Согласно полученным данным:

- к весенним видам можно отнести: *Plectrocnemia conspersa*, *Oligotricha striata*, *Trichostegia minor*, *Grammotaulius nitidus*, *G. sibiricus*, *G. signatipennis*, *Limnephilus centralis*, *L. ignavus*, *L. vittatus*, *Potamophylax latipennis*, *P. rotundipennis* и *Stenophylax permistus*;
- к весенне-летним: *Hydropsyche contubernalis*, *H. ornatula*, *Notidobia ciliaris*, *Agrypnia obsoleta*, *A. pagetana*, *A. picta*, *Athripsodes aterrimus*, *Oecetis orchacea*, *Anabolia brevipennis*, *A. furcata*, *A. laevis*, *Asynarchus lapponicus*, *Chaetopteryx sahlbergi*, *Halesus radiates*, *Isonychia dubia*, *Limnephilus bipunctatus*, *L. borealis*, *L. deciepiens*, *L. elegans*, *L. incisus*, *L. nigriceps*, *L. politus*, *L. sericeus*, *Nemotaulius punctatolineatus*.
- к летним видам: *Hydropsyche pellucidula*, *Triaenodes bicolor*, *Brachycentrus subnubilus*, *Limnephilus auricula*, *L. lunatus*, *L. flavicornis*.
- к летне-осенним: *Chaetopteryx villosa*.
- весенне-осенним: *Rhyacophila obliterate*, *Rh. nubila*, *Hydropsyche angustipennis*, *Oligostomis reticulata*, *Phryganea bipunctata*, *Molanna angustata*, *Mystacides longicornis*, *Glyptotendipes pellucidus*, *Limnephilus rhombicus*, *L. stigma*.

Очень важен вопрос, связанный с выходом личинок с зимовки. Виды, которые мы относим к весенним зимуют на стадии молодых личинок и личинок 2-3 возраста, благодаря чему в течении нескольких месяцев после прогревания воды до определенной пороговой величины (порядка 10-12°C) переходят к активному росту и развитию, итогом которого становится вылет имаго в конце весны.

Таблица 1

Фенология личинок ручейников Владимирской области

Название вида	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Продолжительность активности (в днях)	Прерывистость развития
<i>Rhyacophila obliterata</i>										90	да
<i>Rhyacophila nubila</i>										120	да
<i>Neureclipsis bimaculata</i>										80	нет
<i>Plectrocnemia conspersa</i>										50	нет
<i>Polycentropus flavomaculatus</i>										80	нет
<i>Hydropsyche angustipennis</i>										140	да
<i>H. contubernalis</i>										40	нет
<i>H. ornata</i>										80	нет
<i>H. pellucidula</i>										70	нет
<i>Notidobia ciliaris</i>										40	нет
<i>Agrypnia obsoleta</i>										70	нет
<i>A. pagetana</i>										70	нет
<i>A. picta</i>										60	нет
<i>Oligostomis reticulata</i>										70	да
<i>Oligotricha striata</i>										40	нет
<i>Phryganea bipunctata</i>										130	да
<i>Trichostegia minor</i>										50	нет
<i>Molanna angustata</i>										100	да
<i>Athripsodes aterrimus</i>										50	нет
<i>Mystacides longicornis</i>										90	да
<i>Oecetis orchacea</i>										70	нет
<i>Trienodes bicolor</i>										90	нет
<i>Brachycentrus subnubilus</i>										90	нет
<i>Anabolia brevipennis</i>										80	нет
<i>A. furcata</i>										90	нет
<i>A. laevis</i>										50	нет
<i>Asynarchus lapponicus</i>										60	нет

Название вида	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Продолжительность активности (в днях)	Прерывистость развития
<i>Chaetopteryx schilbergi</i>										80	нет
<i>Chaetopteryx villosa</i>										130	нет
<i>Glyphotaelius pellucidus</i>										110	да
<i>Grammotaulius nitidus</i>										50	нет
<i>G. sibiricus</i>										40	нет
<i>G. signatipennis</i>										40	нет
<i>Halesus radiatus</i>										90	нет
<i>Ironoquia dubia</i>										70	нет
<i>Limnephilus auricula</i>										80	нет
<i>L. bipunctatus</i>										70	нет
<i>L. borealis</i>										50	нет
<i>L. centralis</i>										50	нет
<i>L. decipiens</i>										50	нет
<i>L. elegans</i>										50	нет
<i>L. flavicornis</i>										140	нет
<i>L. ignavus</i>										50	нет
<i>L. incisus</i>										60	нет
<i>L. lunatus</i>										70	нет
<i>L. nigriceps</i>										50	нет
<i>L. politus</i>										80	нет
<i>L. rhombicus</i>										130	да
<i>L. sericeus</i>										40	нет
<i>L. stigma</i>										100	да
<i>L. vittatus</i>										40	нет
<i>Nemotaulius punctatolineatus</i>										70	нет
<i>Potamophylax latipennis</i>										40	нет
<i>P. roundipennis</i>										50	нет
<i>Stenophylax permistus</i>										50	нет

Отдельно стоит упомянуть ангонектобионтных видов ручейников – жителей кратковременных скоплений воды, весенних временно-существующих водоемов и луж. Типичными представителями таких видов являются личинки *Limnephilus centralis*, *Trichostegia minor* и рода *Agripnia*. Первый из этих видов массовое развитие получает в конце апреле - начале мая, когда чистые небольшие весенние лужи просто «кишат» личинкам *L. centralis*, численность которых достигает до 4 на дм^2 . В середине и конце мая эти водоемы уже полны куколок данного вида. Это типичный весенний вид, правда, суждение о его зимовке на стадии личинки просто невозможно из-за полного промерзания временного водоема или полностью отсутствия в нем воды. Таким образом, можно сделать предположение, что эти виды зимуют на стадии яйца. К таким же видам можно отнести виды, развивающиеся в мелких временных лужах по берегам рек, протекающих в залесённых участках, в которых скапливается талая вода, способная сохраняться достаточно долгое время благодаря высокой влажности и близкому уровню грунтовых вод. Данные водоемы богаты разлагающимся детритом в виде опавшей листвы деревьев, преимущественно ольхи. Обитателями данных водоемов являются личинки *Trichostegia minor* и рода *Agripnia*. Последнее, надо отметить, встречаются и в чистых прудах и озерах, что говорит об их высокой экологической пластичности. Личинки данных видов тоже зимуют на стадии яйца.

Также заслуживает внимание личинки вида *Glyptotaelius pellucidus* Retzius, 1783, отличающиеся своеобразным строением своего домика. Личинки данного вида становятся взрослыми и приступают к окукливанию уже в конце апреля - начале мая. А так как, размеры этих видов по сравнению с другими весенними видами достаточно значительны и учитывая тот факт, что в середине осени можно также встретить личинок этого вида, но уже 3-4 возраста, это свидетельствует о том, что именно в этом состоянии они и уходят на зимовку. Это подтверждает и характер домика этих личинок – весной он сделан из зеленых кусочков листьев, а весной он приобретает темно-коричневый оттенок, за счет отмирания кусочков листвы и начинающемуся некрозу.

Таким образом, всех весенних и весенне-летних видов ручейников по характеру зимовки можно поделить на 2 группы:

- 1) зимующие на стадии личинки и;
- 2) зимующие на стадии яйца.

Большинство же видов ручейников, обнаруженных на территории области, можно отнести к весенне-летним видам. Эти виды зимовку скорее всего проводят на стадии яйца, как и летние виды. Что касается видов летних и летне-осенних, то рационально будет отметить, что эти виды, скорее всего, проводят зимовку на стадии яйца и их рост и развитие начинаются только при нагреве воды выше пороговых температур, обеспечивающих развитие фазы куколки.

У личинок ручейников также замечено явление временной диапаузы. Так в экспериментальных условиях со взрослой личинкой *Oligostomis reticulata* Linnaeus, 1761. Личинка была помещена в аквариум с искусственным током воды. В течение нескольких недель при достаточном количестве пищи личинка вела активный образ жизни. При понижении температуры воды в аквариуме и снижении количества доступного для питания детрита личинка перестала быть активной и перешла в стадию диапаузы, о чём свидетельствовало то, что передняя часть домика была заделана сетчатой мембраной, используемой в естественных условиях при строительстве куколочного домика. Долгое время личинка находилась в неподвижном состоянии, но по истечению 9 дней, личинка разорвала мембрану и продолжила активный образ жизни в течение еще 5 дней, после чего приступила к окончательному сооружению куколочного домика. Возможной причиной временной диапаузы у личинки могло стать и снижение количества растворенного в воде кислорода или снижение освещенности, но сам факт наличия диапаузы у личинок ручейников является достаточно наглядным.

В целом в наших широтах с продолжительным зимним периодом зимняя диапауза является, скорее всего, эволюционным приспособлением к чередованию теплого и холодного времени года [2]. Такая диапауза является необходимой частью жизненного цикла, играет большую роль для выживания вида и специфична для каждого из видов ручейников.

Таким образом, наибольшая продолжительность активности наблюдается у следующих видов: *Hydropsyche angustipennis*, *Phryganea bipunctata*, *Rhyacophila nubila*, *Molanna angustata*, *Chaetopteryx villosa*, *Glyphotaelius pellucidus*, *Limnephilus flavicornis*, *L. rhombicus* и *L. stigma*. Наименьшая продолжительность активности свойственна *Hydropsyche contubernalis*, *Notidobia ciliaris*, *Oligotricha striata*, *Grammotaulius sibiricus*, *G. signatipennis*, *L. sericeus*, *L. vittatus*, *Potamophylax latipennis* и характерна в основном для весенних видов. Прерывистый цикл развития характерен для 10 видов, в то время как большая часть ручейников осуществляют непрерывный рост и развитие (табл. 1).

Приуроченность ручейников к тому или иному периоду развития обуславливается большим количеством абиотических факторов среды. Важной особенностью ручейников является заселение ими водных экосистем, где главными характеристиками, влияющими на скорость развития, являются такие факторы как температура воды, освещенность, глубина, скорость течения (для текущих водоемов), обилие водной растительности и доступного детрита, достаточное количество растворенного кислорода и степень антропогенного загрязнения. Именно совокупное влияние этих факторов определяет в той или иной степени фенологическую приуроченность к выделяемым нами сезонам.

Библиографический список

1. Добровольский В.Д. Фенология насекомых. М.: Высшая школа, 1969. – 231 с.
2. Иванов В.Д. Насекомые – ручейники (Trichoptera). Методические указания к курсу «Систематика насекомых». СПб., 1994. – 64 с.
3. Иванов В.Д., Арефина Т.И., Леванидова И.М. Отряд Trichoptera — Ручейники. Определитель насекомых Дальнего Востока России. Т.5, Ч.1. Владивосток: Дальнаука, 1997. – 540 с.
4. Иванов В.Д., Григоренко В.Н., Арефина Т.И. Отряд ручейники (Trichoptera)//Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. Т. 5. Высшие насекомые. Под общ. ред. С.Я. Цалолихина. - СПб.: Наука, 2001. - 836 с.
5. Качалова О.Л. Ручейники (Trichoptera) // Определитель насекомых европейской части СССР. Т.4. Ч.6. – Л.: Наука, 1987. – 200 с.
6. Лепнёва С.Г. Личинки и куколки подотряда кольчатощупиковых (Annulipalpia). Фауна СССР. Т.2. Вып.1 – М.- Л.: Наука, 1964. – 563 с.
7. Лепнёва С.Г. Личинки и куколки подотряда Цельнощупиковых (Integripalpia). Фауна СССР. Т.2. Вып.2. – М.- Л.: Наука, 1966. – 563 с.
8. Мартынов А. В. Ручейники. 1. Trichoptera – Annulipalpia. – Л., 1934. – 343 с.
9. Мартынов А.В. Ручейники. Практическая энтомология, вып. 5. Л., 1924. – 388 с.
10. Hickin, N.E. (1967) Caddis larvae: larvae of the British Trichoptera. Hutchinson, London, 476 pp.

Bibliography

1. Dobrovolsky, V. D. Phenology of Insects. M.: Higher school, 1969. – 231p.
2. Hickin, N.E. (1967) Caddis Larvae: Larvae of the British Trichoptera. - Hutchinson, London. - 476 p.
3. Ivanov, V. D. Caddisflies (Trichoptera) Insects. Methodology Instructions to “Insects Systematization” Course. - SPb., 1994. - 64 p.
4. Ivanov, V. D., Arefina, T. I., Levanidova, I. M. Trichoptera – Caddisflies Order. Ranger of Insects in the Far East of Russia. V.5, P.1. - Vladivostok: Far East Science, 1997. – 540 p.
5. Ivanov, V. D., Grigorenko, V. N., Arefina, T. I. Order of Caddisflies (Trichoptera). Ranger of Fresh-Water Invertebrates in Russia and Contiguous Areas. V.5. The Highest Insects // Under Gen. Edit. of S.Ya. Tsalolikhin. – SPb.: Science, 2001. – 836 p.
6. Kachalova, O.L. Caddisflies (Trichoptera) Ranger of Insects in the European Part of the USSR. V.4. P.6 – L.: Science, 1987. – 200 p.
7. Lepneva, S.G. Larvas and Chrysalis. (Annulipalpia). Fauna of the USSR. V.2.P.1 –M. – L.: Sience, 1964. – 563 p.
8. Lepneva, S.G. Larvas and Chrysalis. (Integripalpia). Fauna of the USSR. V.2. P.2 –M. – L.: Sience, 1966. – 563 p.
9. Martynov A.V. Caddisflies. 1. Trichoptera – Annulipalpia. – L., 1934. – 343 p.
10. Martynov A.V. Caddisflies. Practical Entomology. P.5. - L., 1924. – 388 p.

УДК 612.6:796
ББК 28.903,13:75

Гавриш Татьяна Валентиновна

доктор медицинских
наук профессор

кафедра безопасности жизнедеятельности
Челябинский государственный педагогический университет
г. Челябинск

Салеев Эльдар Рафаэлевич

соискатель кафедры анатомии,
физиологии и медико-биологической подготовки
Челябинский государственный педагогический
университет г. Челябинск

Gavrish Tatyana Valentinovna

Doctor of Medicine
Professor

Chair of Life Safety
Chelyabinsk State Pedagogical University
Chelyabinsk

Saleev Eldar Rafaelievich

Applicant for a Degree
Chair of Anatomy, Physiology and Medicobiologic Training
Chelyabinsk State Pedagogical University
Chelyabinsk

**Особенности функциональной и физической подготовленности
школьников 13-14 лет, дополнительно занимающихся
легкоатлетическими прыжками**

**Peculiarities of Functional and Physical Training Degree of 13-14 -Year-
Old Schoolchildren Going in for Field-and-Track Jumping**

Представлены результаты изучения функциональной и физической подготовленности школьников 13-14 лет в условиях факультативных занятий по авторской программе оптимизации технической подготовки легкоатлетических прыжков. Адаптация к условиям тренировок связана с вегетативным балансом, позитивной динамикой сердечно-сосудистых параметров и результатов тестирования физической подготовленности юных спортсменов.

The article presents the results of studying the functional and physical training degree of 13-14-year-old schoolchildren during facultative studies according to the authors program of the technical training optimization of field-and-track jumping. Adaptation to the training conditions is connected with vegetative balance, positive changes of cardiovascular parameters and testing results of the schoolchildren's physical training.

Ключевые слова: адаптация, прыжки, физическая подготовленность, физическое развитие, функциональная подготовленность, школьники.

Key words: adaptation, jumping, physical training, physical development, functional training, schoolchildren.

Актуальность исследования обусловлена проблемой выявления механизмов адаптации и оптимизации физических нагрузок, разработкой методов и средств оценки функционального состояния юных спортсменов в условиях спортизации [2], что является важной задачей отечественной физической культуры и спорта в преддверии Олимпиады. Техническая подготовка легкоатлетических прыжков оказывает существенное влияние на морфофункциональные параметры организма спортсмена [9], особенно значимые в условиях интенсивно растущего организма. Незрелость основных функциональных регуляторных систем, нестабильность метаболических процессов, гетерохронное развитие органов и тканей [4, 8], обуславливают необходимость выявления оптимальных критериев, для физиологической регламентации нагрузок на детский организм в условиях спортивной деятельности [10].

Инновационная модель развития физического воспитания в общеобразовательной школе, необходимость которой провозглашена ведущими спортивными физиологами и педагогами (Бальсевич В.К. и др., 2003), ассоциируется с концепцией спортизации. Основные компоненты спортизации общеобразовательной школы связаны с внедрением структуры спортивного образования в целях создания наибольших возможностей для освоения ценностей ФК и спорта, принципов обязательности использования технологий тренировки и объединения в учебно-тренировочные группы [2], что предполагает и внедрение обязательной системы врачебно-спортивного контроля за состоянием здоровья школьников.

При соблюдении этих условий спортизация способствует гармоничному физическому и психическому развитию личности и эффективной социализации школьников. В решении задач медико-спортивного контроля важен научный подход к выбору характера и объема физических нагрузок, что и послужило побудительным мотивом для нашего исследования.

Цель исследования: изучить особенности функциональной и физической подготовленности школьников, дополнительно занимающихся легкоатлетическими прыжками.

Материал и методы. В течение 2008-2009 годов

обследованы 100 школьников, в возрасте 13-14 лет, занимающихся ФК в объеме школьной про-граммы, из которых сформированы две одинаковые по численности ($n=50$) и половому составу группы – экспериментальная и контрольная (ЭГ и КГ). В ЭГ к обязательным двум урокам ФК дополнительно проводились занятия по 1,5 часа в день трижды в неделю по авторской методике Э.Р. Салеева, включающей комплекс упражнений в виде различных прыжков, направленных на развитие физических качеств, необходимых для обучения и совершенствования техники разбега, отталкивания и преодоления планки при прыжках в высоту (решение о выдаче патента РФ на заявки № 2009131097 от 14.08.2009 г. «Способ осуществления прыжков в высоту» и № 2009131537 от 19.08.2009 г. «Устройство и способ для тренировки связок и мышц нижних конечностей»).

Методы оценки физического развития школьников: антропометрия – длину тела измеряли при помощи деревянного вертикального ростомера с точностью до 0,5 см; массу тела определяли на рычажных весах с точностью до 0,1 кг [5]. На основе данных массы и длины тела рассчитывали индекс массы тела (ИМТ, $\text{кг}/\text{м}^2$) [5, 10].

Уровень функциональной подготовленности определяли по динамике частоты сердечных сокращений (ЧСС, уд/мин), величины систолического, диастолического, пульсового и среднего артериального давления (САД, ДАД, ПАД и Ср.АД, мм рт. ст.) и вегетативного индекса Кердо (ВИК, усл. ед.) [5, 10] в покое и в восстановительном периоде нагрузочной пробы Мартинэ – 20 глубоких приседаний за 30 секунд [5]. Юным легкоатлетам-прыгунам в условиях лечебно-физкультурного диспансера дополнительно проводилась стандартная шестиканальная электрокардиография (ЭКГ) для исключения сердечно-сосудистой патологии [5].

Уровень физической подготовленности школьников определен по результатам контрольных тестирований: прыжок в длину с места, прыжок в высоту с разбега [1, 7].

Для статистической обработки результатов определялась среднее арифметическое (M), ошибки средней арифметической (m). Для определения различий между группами использовался параметрический метод Стьюдента с оцен-

кой достоверности по критерию значимости p . Различия между группами признавались достоверными при $p < 0,05$ (Шевченко И.Т. и др., 1970; Гельман В.Д., 2001). При статистической обработке малых выборок использован непараметрический метод углового преобразования Фишера (Гублер Е.В., 1978). Для изучения взаимосвязей показателей применен корреляционный анализ по программе Excel v/4. Низкий уровень корреляционной взаимосвязи определяли при $r = 0,3-0,49$, средний - $r = 0,5-0,69$, сильная корреляция - при $r = 0,7-0,9$. Результаты исследований обработаны на персональном компьютере «Pentium-4» с использованием программы «Statistica 6.0».

Результаты и их обсуждение. Как следует из представленных в таблице № 1 данных, прибавка длины тела школьников ЭГ имела достоверные значения в группе юных легкоатлетов прыгунов $6,83 \pm 0,1$ см ($p < 0,05$) в КГ сверстников длина тела увеличилась на $3,71 \pm 0,5$ см.

Таблица 1

Сравнительная характеристика антропометрических параметров школьников
($M \pm m$) в годовой динамике

Показатель	Длина тела, см		Масса тела, кг		ИМТ, $\text{кг}/\text{м}^2$	
	ЭГ, КГ	ЭГ, КГ	ЭГ, КГ	ЭГ, КГ	ЭГ, КГ	ЭГ, КГ
	– 2008 год n=50	– 2009 год n=50	– 2008 год n=50	– 2009 год n=50	– 2008 год n=50	– 2009 год n=50
Средний по- казатель	$160 \pm 2,1$	$166,8 \pm 2,6^*$	$36,3 \pm 1,5$	$40 \pm 1,8^{**}$	$19,81 \pm 1,5^{**}$	$17,3 \pm 0,9^{**}$
группы,	$158,8 \pm 3,1$	$162,5 \pm 2,2$	$38,4 \pm 1,3$	$43,9 \pm 1,1$	$21,2 \pm 1,6$	$20,0 \pm 1,3$
в том числе						
мальчики,	$158 \pm 2,6^*$	$167,5 \pm 2,6^*$	$37,2 \pm 1,5$	$43,3 \pm 1,4$	$20,1 \pm 1,0$	$18,0 \pm 0,8^*$
n=25	$158 \pm 2,1$	$163,7 \pm 2,9$	$36,9 \pm 1,1$	$43,8 \pm 1,5$	$21,5 \pm 0,8$	$20,1 \pm 0,7$
	$162 \pm 2,9$	$166 \pm 1,7^*$	$35,5 \pm 1,6^{**}$	$39,6 \pm 1,4^{**}$	$18,5 \pm 1,3^{**}$	$17,6 \pm 0,7^{**}$
девочки, n=25	$160 \pm 3,1$	$161,3 \pm 1,8$	$39,8 \pm 1,6$	$44 \pm 1,5$	$21,8 \pm 1,5$	$20,7 \pm 1,1$

Примечание: ** – статистически значимые различия результатов между группами при $p < 0,05$; * – статистически значимые различия результатов внутри групп при $p < 0,05$.

Результаты, полученные в ходе наблюдения, не значительно отличаются от данных Бурханова А.И (1995), показавшего лучшее и более быстрое физиче-

ское развитие юных спортсменов по сравнению с нетренированными сверстниками - годовая прибавка длины и массы тела в группе юных легкоатлетов аналогичного возраста составила в среднем 7,5 см и 4 кг соответственно, против значительно бóльшей прибавки массы тела в группе обычных школьников – до 7 кг, что автор связывает с накоплением подкожножировой прослойки [3].

Наши исследования согласуются с данными О.Г. Литовченко (2009), показавшей, что у не занимающихся видами спорта 13 -14-летних уроженцев Среднего Приобья годовая прибавка длины тела составила 3, 82 см, массы тела - 4,38 кг [6]. В работе И.И. Русиновой (2009) при сравнительном анализе длины тела 12-15-летних подростков показал, что девушки в 14 лет характеризуются большими абсолютными значениями длины тела - $167,2 \pm 5,0$ см по сравнению с юношами, показатель которых равен $164,4 \pm 1,3$ см [8].

Как следует из проиллюстрированных на рисунке 1 исходных показателей прыжков, в обеих группах они без особых различий - результат тройного прыжка 13-летних школьников составил в ЭГ и КГ $568,6 \pm 6,13$ см и $563,5 \pm 6,41$ см соответственно.

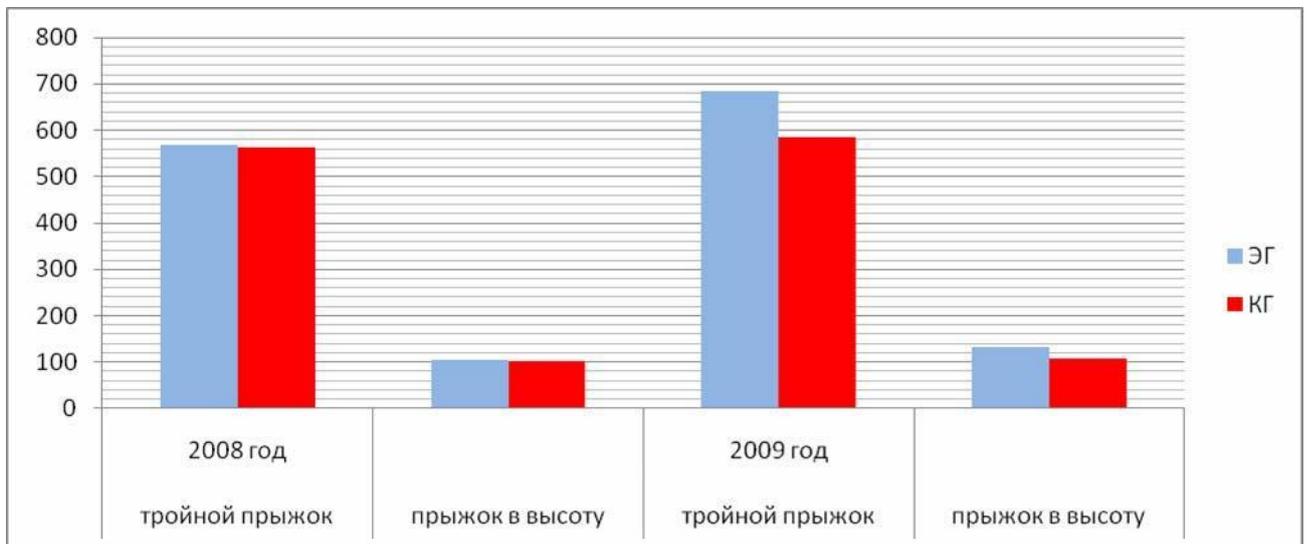

Рисунок 1. Сравнительная характеристика результатов прыжковых тестов экспериментальной и контрольной группы школьников в годовой динамике.

Средний показатель прыжка в высоту в ЭГ - $106 \pm 2,85$ см, а в КГ - $102 \pm 1,83$ см. В годовой динамике результативность тройного прыжка в ЭГ достоверно повысилась, достигнув $685,4 \pm 6,45$ см ($p < 0,05$) против $584 \pm 6,8$ см в КГ. В прыжке в высоту в ЭГ результат составил достоверно больше $124,8 \pm 2,14$ см ($p < 0,05$), чем в КГ - $117,5 \pm 2,18$ см.

При сравнительном анализе уровня физической подготовленности обследованных нами школьников с программными показателями (Лях В.И., Зданевич А.А., 2005) результаты мальчиков в ЭГ превышают высокий уровень, а у мальчиков в КГ лишь достигают средний. У девочек высокий уровень физической подготовленности обнаружен в ЭГ, в КГ - средний уровень [7]. Таким образом, уровень физической подготовленности школьников, дополнительно занимающихся легкоатлетическими прыжками, оказался существенно выше.

Для оценки функциональной подготовленности школьников ЭГ и КГ проведена нагрузочная проба Мартине в годовой динамике. Как следует из представленных в таблице № 2 исходных данных, зарегистрированные в покое и в течение восстановительного периода пробы Мартине параметры сердечно-сосудистой системы в ЭГ и КГ в 2008 году без существенных различий. Восстановление изучаемых параметров сердечно-сосудистой системы в обеих группах произошло на третьей минуте.

Таблица

2 Сравнительная характеристика параметров сердечно-сосудистой системы школьников ($M \pm m$) в экспериментальной и контрольной группе при проведении нагрузочной пробы Мартине в 2008 году

Показатель	Исходный	Через 0,5мин	Через 1,5 мин	Через 3 мин
	ЭГ, n=50 КГ, n=50	ЭГ, n=50 КГ, n=50	ЭГ, n=50 КГ, n=50	ЭГ, n=50 КГ, n=50
САД, мм рт. ст.	106,8±1,41 107,1±1,19	125,8±1,42* 127,5±1,53*	108,5±1,52 108,5±1,03	106,7±1,32 106,2±1,09
ДАД, мм рт. ст.	66,06±1,25 64,4±0,61	58,78±1,41* 58,2±1,17*	61,44±1,49 60,8±0,16*	64,1±1,25 63,2±0,81
ПАД, мм рт. ст.	41,6±1,33 42,9±0,91	67,02±1,82* 69,2±1,84*	46,46±1,34* 47,6±0,67*	42,2±1,34 42,6±0,16
Ср.АД, мм рт. ст.	85,88±0,16 85,85±0,58	92,26±1,01* 92,85±0,36*	84,97±0,23 84,65±0,87	85,4±0,17 84,7±0,28
ЧСС, уд/мин.	75,01±1,69 74,8±1,21	109±1,14* 111,6±1,02*	90,44±1,59* 93,1±1,41*	74,1±1,56 72,4±1,21
ВИК, усл.ед.	14,3±0,44 13,9±0,44	46,4±1,86* 48,4±0,51*	34,1±1,38* 34,7±0,42*	14,1±0,46 13,0±0,40

Примечание: * – статистически значимые различия внутри групп с исходными данными при $p < 0,05$; ** – статистически значимые различия между группами при $p < 0,05$.

В соответствии с классификацией А.Г. Дембо (1988) тип реакции сердечно-сосудистой системы школьников в обеих группах нормотонический [5], что отражает адекватную реакцию на дозированную физическую нагрузку.

В годовой динамике тренировок, как следует из представленных в таблице № 3 данных, в 2009 году в ЭГ произошли существенные изменения - исходный показатель САД в ЭГ оказался на 3,5% больше, чем в КГ; на 0,5 минуте восстановительного периода в ЭГ показатель достоверно больше ($p < 0,05$), чем в КГ.

Таблица 3

Сравнительная характеристика параметров сердечно-сосудистой системы школьников ($M \pm m$) в экспериментальной и контрольной группе после проведения нагрузочной пробы Мартине в 2009 году

Показатель	Исходный	Через 0,5 мин	Через 1,5 мин	Через 3 мин
	ЭГ, n=25 КГ, n=25	ЭГ, n=25 КГ, n=25	ЭГ, n=25 КГ, n=25	ЭГ, n=25 КГ, n=25
САД, мм рт. ст	111,8±1,81 108,01±1,13	131,1±1,01* 127,1±1,72*	112,4±0,55 110±0,94	111,2±1,78 107,9±1,18
ДАД, мм рт. ст	67,38±1,51 67,28±0,30	62,71±1,51* 59,3±1,11*	67,88±0,25** 63,2±0,11* **	67,08±1,54 66,1±1,11
ПАД, мм рт. ст	44,38±1,66 41,04±1,71	68,34±1,79* 67,81±1,14*	44,76±1,89 47,2±1,88*	45,04±1,59 41,2±1,91
Ср.АД, мм рт. ст	89,59±0,30 87,64±0,83	96,90±0,50* ** 93,2±0,61* **	88,64±0,30 89,32±0,83	88,5±0,24 87,1±0,07
ЧСС в покое, уд/мин.	68,32±1,7** 75,0±1,42**	103,7±1,23* ** 112,1±1,28* **	69,74±1,16 89,32±1,44*	67,5±1,46 74,2±1,49
ВИК, усл.ед.	1,66±0,05** 10,74±0,31**	38,92±0,14* ** 47,44±0,52* **	12,14±0,15* ** 29,06±0,32* **	3,0±0,04* ** 11,32±0,21**

Примечание: * – статистически значимые различия внутри групп с исходными данными при $p < 0,05$; ** – статистически значимые различия между группами при $p < 0,05$.

ДАД в ЭГ на 0,5 мин. уменьшился на 7,4%, в КГ – 13,4%; на 1,5 минуте восстановительного периода разница между группами составила 7,2% в ЭГ показатель достоверно больше ($p < 0,05$), чем в КГ.

ПАД в ЭГ и КГ достоверно увеличилось на 0,5 минуте восстановительного периода ($p < 0,05$) – на 53% и 65% соответственно; на 1,5 минуте в ЭГ показатель вернулся к исходному результату.

Исходный показатель Ср. АД в ЭГ и КГ без особых различий. Через 0,5 минуты восстановления Ср. АД достоверно увеличилось в обеих группах ($p < 0,05$), при этом в ЭГ достоверно больше ($p < 0,05$), чем в КГ.

Интересна динамика ЧСС – в ЭГ исходный показатель ЧСС достоверно меньше ($p < 0,05$) чем в КГ – на 9,8%. Через 0,5 минуты после прекращения нагрузки показатель в ЭГ достоверно увеличился ($p < 0,05$), а на 1,5 минуте восстановления достиг исходного уровня – при этом значение ЧСС оказалось на 8,1% меньше, чем в КГ.

Таким образом, в динамике дополнительных занятий легкоатлетическими прыжками произошли существенные изменения АД и ВИК, которые мы можем оценить как позитивные. Величина ВИК в 2008 году в ЭГ и КГ оказалась несколько выше усредненных нормативных параметров – $14,3 \pm 0,44$ усл. ед. и $13,9 \pm 0,4$ усл. ед., что связано с симпатикотонией, характеризующей растущий организм [5].

В годовой динамике 2008-2009 года в ЭГ школьников исходный показатель ВИК уменьшился на 88,4% и составил $1,66 \pm 0,05$ усл.ед. На протяжении всего восстановительного периода ВИК оставался достоверно больше исходного значения ($p < 0,05$) На 3-й минуте восстановительного периода ВИК в КГ оказался достоверно больше ($p < 0,05$), чем в ЭГ, составив $11,32 \pm 0,21$ усл.ед.

При проведении стандартной шестиканальной ЭКГ в ЭГ школьников патологические изменения амплитуды и продолжительности зубцов и интервалов PQRS-T-комплекса, свидетельствующие, в том числе, о гипертрофии миокарда предсердий и желудочков, не зарегистрированы.

Более низкие значения ЧСС, САД и ДАД, зафиксированные в ЭГ, позволяют сделать вывод об экономизации деятельности сердечно-сосудистой системы на фоне развившейся ваготонии, т.е. наступлении адаптации у юных легкоатлетов-прыгунов к дозированным физическим нагрузкам [5], проводимым по модифицированной методике тренировок.

Корреляционный анализ обнаружил у юных прыгунов взаимосвязи возраста и САД, ДАД в покое ($r=0,6$), возраста и САД через 0,5, 1,5 и 3 минуты восстановительного периода после пробы Мартине ($r=0,5$), обратную корреляцию возраста, массы тела с ЧСС ($r=-0,5$). Результаты прыжков в высоту и длину в ЭГ в 2008 году взаимосвязаны с длиной и массой тела ($r=0,51$ и $r=0,54$), в КГ - $r=0,53$ и $r=0,36$ соответственно.

В годовой динамике корреляционный анализ в ЭГ не обнаружил взаимосвязи прыжков с длиной и массой тела ($r=0,19$ и $r=0,23$), что может свидетельствовать об оптимизации функциональной и технической подготовки, не зависящей от антропометрических – модельных характеристик, наступлением адаптации организма 14-летних школьников к осуществлению прыжков. Корреляция САД и ДАД ($r=0,8$) характерна для обеих групп и только в КГ выявлена зависимость дальности прыжка от массы и длины тела школьников ($r=0,5$).

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что дозированные физические нагрузки у школьников, дополнительно занимающихся легкоатлетическими прыжками по предлагаемой авторской методике тренировки, имеют преимущественно аэробный характер и, безусловно, способствуют укреплению функционального состояния растущего организма.

Анализ корреляционных взаимосвязей позволяет сделать вывод о том, что некоторые модельные характеристики легкоатлетов-прыгунов, например, большой рост, не так важны в достижении спортивной результативности в подростковом возрасте, в частности у 13-14-летних школьников, при применении авторской методики тренировок.

Библиографический список

1. Абзалов, Р.А. Оценка уровня физической подготовленности школьников 6-11 классов [Текст]/ Р.А. Абзалов, О.Н. Павлова и др. //Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – М.: ТиПФК, 1999. - № 3-4. – С. 50 – 55.
2. Бальсевич, В.К. Новые векторы модернизации систем массового физического воспитания детей и подростков в общеобразовательной школе [Текст]/ В.К. Бальсевич, Л.И. Лубышева, Л.Н. Прогонюк и др. // Теория и практика физической культуры. – М.: Изд-во ТиПФК, 2003. - № 4. - С. 56 - 59
3. Бурханов, А.И. Влияние спорта на организм школьников [Текст] / А.И. Бурханов //Теория и практика физической культуры. – М.: ТиПФК, 1995. - № 4. – С. 12-14.
4. Быков, Е.В. Влияние уровня двигательной активности на функциональное состояние здоровья учащихся 12-17 лет и физиологическое обоснование оздоровительных про-

грамм [Текст]: автореф. дис... д-ра мед. наук. – Курган, 2002. – 48 с.

5. Дембо, А.Г. Врачебный контроль в спорте [Текст] /А.Г. Дембо. – М.; Медицина, 1988. – 288с.; ил.

6. Литовченко, О.Г. Особенности морфофункционального и психофизиологического развития уроженцев среднего приобья в возрасте 7-20 лет [Текст]: автореф. дис ... д-ра. биол. наук. – Челябинск, 2009. – 46с.

7. Лях, В.И. Комплексная программа физического воспитания 1-11 классов [Текст] /В.И. Лях, А.А. Зданевич. - М.: Просвещение, 2005.-128 с.

8. Русинова, И.И. Влияние уровня двигательной активности и оздоровительной программы на физическое развитие и нейровегетативные показатели детей 12-15 лет [Текст]: автореф. дис ... канд. биол. наук. – Челябинск, 2009. – 23 с.

9. Bruggemann, G.-P. Lohg jump. Triple jump (Biomechanical Research Project. Athens) [Text]/G.-P. Bruggemann. - Meyer & Meyer Sport, 1999. – P. 114 - 130

10. Denjean A. Sports and cardiorespiratory function [Text]/ A. Denjean // Bull. Acad. Natl. Med. – 2004. – Vol. 188, № 6. – P. 905 - 911 [discussion].

Bibliography

1. Abzalov, R.A. Estimation of Physical Training Level of Schoolboys at 6-11 Classes [Text] / R.A. Abzalov, O.N. Pavlova, et al. // Physical Training: Upbringing, Education, Training. - М.: Т&ПФК, 1999. - № 3-4. - P. 50 - 55.

2. Balsevich, V.K. New Vectors of Mass Physical Training Systems Modernization of Children and Teenagers at Comprehensive School [Text] / V.K. Balsevich, L.I. Lubyшева, L.N. Progonyuk, et al. // Theory and Practice of Physical Training. - М.: Т&ПФК, 2003. - № 4. - P. 56 - 59.

3. Bruggemann, G.-P. Long Jump. Triple Jump (Biomechanical Research Project. Athens) [Text] /G.-P. Bruggemann. - Meyer & Meyer Sport, 1999. – P. 114 - 130

4. Burkhanov, A.I. Influence of Sports on Schoolboys' Organisms [Text] // A.I. Burkhanov // Theory and Practice of Physical Training. - М.: Т&ПФК, 1995. - № 4. - P. 12-14.

5. Bykov, E.V. Motion Activity Level Influence on a Functional Health State of 12-17-Year-Old Schoolchildren and Physiological Substantiation of Health Improving Programs [Text]: Synopsis of Diss. ... Doctor of Medicine. - Kurgan, 2002. - 48 p.

6. Dembo, A.G. Medical Control in Sports [Text] /A.G. Dembo. - М.; Медицина, 1988. – 288 p.

7. Denjean, A. Sports and Cardiorespiratory Function [Text] / A. Denjean // Bull. Acad. Natl. Med. – 2004. – Vol. 188, № 6. – P. 905 - 911 [Discussion].

8. Litovchenko, O.G. Peculiarities of Morphofunctional and Psychophysiological Development of the Middle Ob Natives at the age of 7-20 [Text]: Synopsis of Diss. ... Doctor of Biology. - Chelyabinsk, 2009. – 46 p.

9. Lyakh, V.I. Complex Program of 1-11 Classes' Physical Training [Text] /V.I. Lyakh, A.A. Zdanevich. - М.: Prosveshchenir, 2005. - 128 p.

10. Rusinova, I.I. Motion Activity Level and Health Improving Program Influence on Physical Development and Neurovegetative Parameters of 12-15-year-old Children [Text]: Synopsis of Diss. ... Cand. of Biology. - Chelyabinsk, 2009. - 23 p.

УДК 612.6
ББК 28.903,7

Кокорева Елена Геннадьевна

кандидат биологических

наук доцент

кафедра адаптивной физической культуры и

медико-биологической подготовки Южно-

Уральский государственный университет г.

Челябинск

Kokoreva Elena Gennadievna

Candidate of Biology

Assistant Professor

Chair of Adaptive Physical Training and Medicobiologic Training

The South Ural State University

Chelyabinsk

Гетерохронизм психофизического развития у

детей с сенсорными нарушениями

Psychophysical Development Heterochronism of the

Children with Touch Disorder

На основе анализа возрастных изменений психофизиологических функций у детей с сенсорными нарушениями выявили, что существует не только гетерохронизм возрастных изменений, но и гетерохронизм адапционно-компенсаторных изменений при нарушениях этого развития.

On the basis of the analysis of psychophysiological functions age changes of the children with touch disorder it is revealed, that there is not only age changes heterochronism, but also heterochronism of adaptive-and-compensation changes at this development disorder.

Ключевые слова: дети с нарушением зрительной и слуховой функции, адапционно-компенсаторные изменения, развитие психофизических функций

Key words: children with visual and acoustic disorder, adaptive-and-compensation changes, psychophysical functions development.

Известно, что основной закономерностью возрастного развития является морфофункциональный гетерохронизм, который заключается в периодическом повышении и снижении уровня функционирования отдельных систем организма [3,5]. В литературе имеются данные об особенностях возрастных гетерохронных изменений отдельных функций у детей с нарушениями развития [6]. Имеются также данные об ухудшении психофизического состояния как здоровых, так и детей с изменениями сенсорных функций, особенно при отсутствии адекватной коррекции их состояния. Существует необходимость комплексного изучения адапционно-компенсаторных механизмов при нарушениях сенсорных систем для научного обоснования средств коррекции психофизического развития таких детей на разных возрастных этапах.

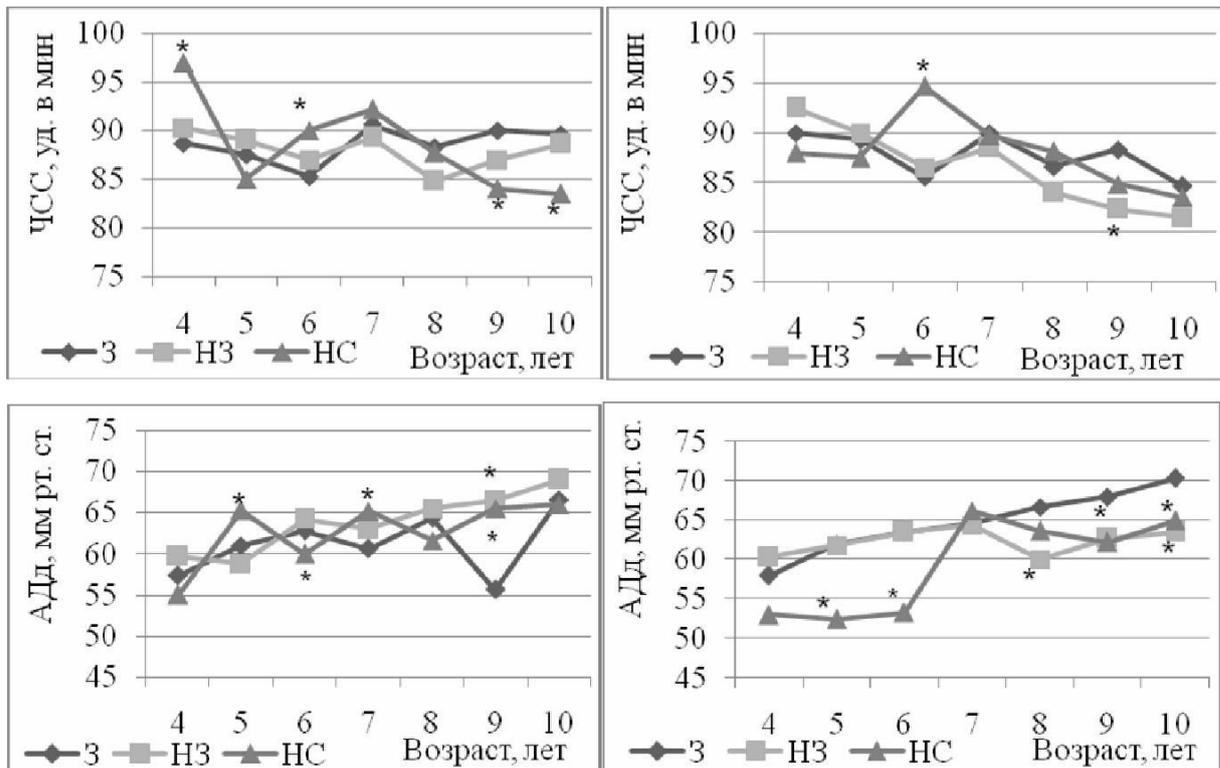

Цель работы заключалась в исследовании закономерностей гетерохронного характера возрастного развития психофизиологических функций при нарушениях зрения и слуха у детей 4–10 лет.

При помощи лонгитудинальных методик обследовали 855 детей как здоровых, так и с депривацией зрения или слуха.

Психофизиологические методики включали: кинематометрия по Н.М. Жуковскому; определение точности воспроизведения минутного интервала времени (хронометрия) [1], теппинг-тест [4]; определение уровня тревожности по Р. Тэмлу [1]; электроэнцефалографию при помощи многоканальных отведений с 8 чашечных электродов, соединенных с ушными электродами и локализованных строго в соответствии с системой 10–20; компьютерный анализ сердечного ритма с регистрацией электрокардиограмм во II отведении в течение 5 мин по Р.М. Баевскому; измерение артериального давления (АД) по Короткову до и после локальной работы мышц (дозированные нагрузки на кистевом динамометре по Т.В. Алферовой-Поповой [2]). Статистическую обработку полученных результатов проводили с помощью компьютерного пакета прикладных программ Statistica 6.0 и SPSS.

Результаты исследований показали, что у девочек с нарушенной функцией зрения в период с 4 до 10 лет на фоне возрастного снижения показателя ЧСС, выявлена тенденция к его повышению в 7 лет, как и у здоровых детей, у мальчиков в период с 8 до 10 лет наблюдается тенденция к увеличению ЧСС (рис. 1). Возрастной гетерохронизм изменений артериального давления у мальчиков проявлялся в снижении показателей систолического и диастолического давления в 5 и 7 лет, у девочек – в снижении АДс в 6–7 лет и АДд – в 8 лет. У детей с нарушением слуха периоды повышения диастолического АД ежегодно сменяются периодами понижения. Характерно, что изменения ЧСС и АДд с возрастом зачастую носят противоположный

А Б Рис. 1. Возрастные изменения показателей частоты сердечных

сокращений и диастолического артериального давления у детей с сенсорными нарушениями: З – здоровые дети, НЗ – дети с нарушением зрения, НС – с нарушением слуха; А – у мальчиков, Б – у девочек; * – достоверные различия с показателями здоровых сверстников, при $p \leq 0,05$

характер, лишь в 7 лет отмечается как увеличение АДс, так и ЧСС у мальчиков, а в 9–10 лет – достоверное понижение этих показателей.

После локальной дозированной нагрузки наблюдался характерный рост показателей ЧСС и АДс, особенно у детей дошкольного возраста с нарушением зрения. Показатели АДд достоверно уменьшались после нагрузки у мальчиков 8 и 10 лет, у девочек – 7 и 9 лет. У детей с нарушением слуха достоверное увеличение показателей ЧСС после локальной нагрузки отмечалось в дошкольном возрасте, также у мальчиков в 9 лет и у девочек в 8 лет. Достоверное снижение показателей АДд после локальной мышечной нагрузки выявлено у мальчиков в 9 лет, а у девочек – в 5–7 и 10 лет. Изменения показателей ЧСС и АД после локальной нагрузки в большей степени выражены у детей с сенсорными нарушениями, по сравнению со здоровыми детьми, что свидетельствует о напряжении функций сердца.

Структура сердечного ритма (СР) с возрастом также изменяется неравномерно. У детей с нарушением зрения на фоне возрастного снижения показателя амплитуды моды отмечается увеличение у мальчиков в 6 и 8 лет, а у девочек в 8 лет (табл. 1). Достоверные изменения данного показателя отмечаются у мальчиков в 7 и 8 лет. У детей с нарушением слуха достоверные изменения выявлены у мальчиков в 8 и 10 лет, а у девочек – в 4, 5, 7–10 лет.

Значения показателя ИН с возрастом также изменяются неравномерно. Так, например, у мальчиков с 4 до 10 лет происходит достоверное увеличение значений ИН в 4, 5 лет, а достоверное снижение – в 7 лет. У девочек в возрасте 4–10 лет ИН изменяется неравномерно, увеличиваясь в 5 и 7 лет. Достоверное снижение данного показателя наблюдается – в 4, 6, 8, и 9 лет. У мальчиков с нарушением слуха достоверное увеличение показателя ИН отмечается в 6 лет, у девочек – в 7 и 8 лет. Достоверное снижение данного показателя у мальчиков выявлены в 5, 6, 9 и 10 лет, а у девочек – в 5, 9 и 10 лет.

У детей с нарушением зрения, в каждой возрастной группе значения АМо и ИН были выше, чем у здоровых сверстников.

Результаты исследования нейродинамики выявили следующие возрастные изменения. Так, у мальчиков с нарушением зрения координация движений с возрастом практически не меняется (рис. 2). Однако отмечены низкие значения показателей кинематометрии, по сравнению со здоровыми детьми, но более высокие, по сравнению с 5-ти и 6-летними детьми с нарушением слуха. У девочек дошкольного возраста и 8–10 лет данный показатель был достоверно выше, чем у здоровых девочек. Характерно, что знак ошибки воспроизведения движений у них в младшем школьном возрасте ежегодно изменялся.

Точность отсчета временных промежутков у мальчиков с нарушением зрения 4-х и 10 лет была ниже, чем у мальчиков других групп, а у девочек – 4, 7, 9 и 10 лет. Характерно, что у мальчиков преобладали ошибки со знаком «+», у девочек – «-», что свидетельствует о преобладании процессов торможения у мальчиков и возбуждения – у девочек.

Таблица 1

Возрастные изменения показателей сердечного ритма у детей
с сенсорными нарушениями ($M \pm m$)

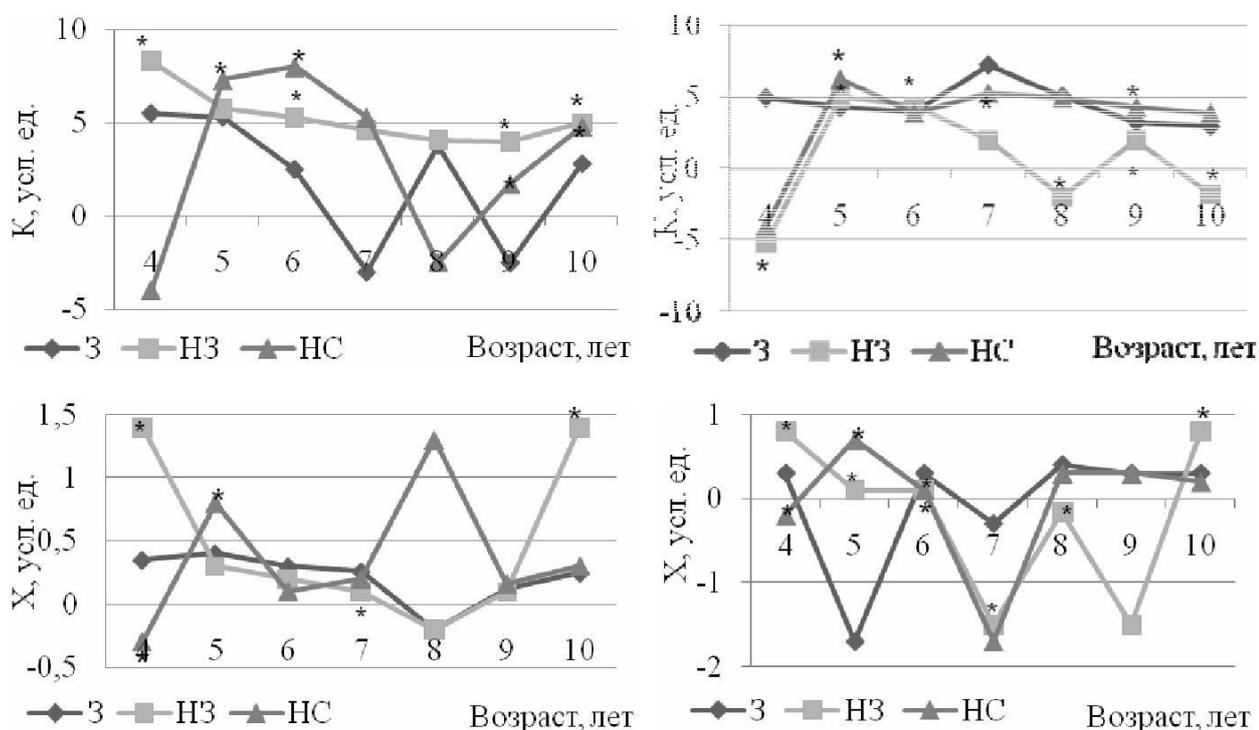
ВОЗ-РАСТ ЛЕТ	ПОЛ	НАРУШЕНИЯ	ПОКАЗАТЕЛИ В ПОКОЕ		ПОКАЗАТЕЛИ ПОСЛЕ ЛОКАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ	
			АМО, %	ИН, УСЛ. ЕД.	АМО1, %	ИН1, УСЛ. ЕД.
6	М	З, N=35	42,33 1,84	124,48 5,75	46,04 2,38	165,90 8,37**
		НЗ, N=19	46,03 2,41	220,08 3,62	48,07 4,59	233,07 6,33**
		НС, N=11	38,07 3,74	202,80 6,64•	49,51 3,64**	289,02 9,31
	Д	З, N=38	34,65 3,47	109,48 9,52	43,64 2,81**	155,47 9,58**
		НЗ, N=15	31,04 1,80	140,01 1,23•	40,09 2,34**	194,03 6,20
		НС, N=11	33,31 2,65	104,64 4,70	41,36 2,28**	165,70 4,03
7	М	З, N=37	35,38 ± 1,35	123,82 ± 7,18	34,07 ± 2,33	136,82 ± 6,48
		НЗ, N=19	26,02 ± 2,27•	156,62 ± 8,63•	34,57 ± 3,39**	214,02 ± 9,80**
		НС, N=13	38,81 ± 1,37	156,42 ± 7,19•	41,40 ± 4,52	179,24 ± 4,19**
	Д	З, N=25	30,60 ± 1,37	92,07 ± 4,60	34,09 ± 3,35	119,71 ± 4,90**
		НЗ, N=15	30,47 ± 2,35	181,39 ± 6,91	39,28 ± 2,15**	229,51 ± 9,46
		НС, N=12	43,29 ± 1,90•	143,01 ± 8,61	44,45 ± 4,51	156,36 ± 5,15
8	М	З, N=30	28,63 ± 3,42	80,50 ± 7,08	33,39 ± 1,46	94,60 ± 8,07
		НЗ, N=18	36,38 ± 1,65•	73,45 ± 7,37	43,48 ± 1,81**	150,61 ± 9,63
		НС, N=12	40,18 ± 2,17•	159,19 ± 5,02	42,80 ± 1,60	185,36 ± 5,80**
	Д	З, N=32	35,37 ± 3,49	105,05 ± 7,38	39,30 ± 2,63	125,90 ± 8,17
		НЗ, N=18	38,03 ± 2,80	154,90 ± 9,08•	44,01 ± 1,72**	184,81 ± 5,07**
		НС, N=11	47,28 ± 2,45•	168,60 ± 7,35	48,60 ± 2,37	199,28 ± 5,18**
9	М	З, N=30	34,07 ± 1,94	86,08 ± 8,73	37,33 ± 2,64	111,01 ± 5,84**
		НЗ, N=17	32,26 ± 1,09	90,47 ± 6,63	38,90 ± 1,90**	121,82 ± 8,65**
		НС, N=14	37,52 ± 1,90	132,06 ± 6,73•	39,91 ± 3,37	142,54 ± 6,17
	Д	З, N=30	34,64 ± 1,37	90,81 ± 5,51	38,61 ± 2,45	106,90 ± 8,91
		НЗ, N=12	34,07 ± 1,24	116,27 ± 6,61•	38,56 ± 1,67**	118,27 ± 7,54
		НС, N=12	42,81 ± 1,32•	133,36 ± 8,53•	43,56 ± 2,56	153,27 ± 9,90
10	М	З, N=34	30,66 ± 1,39	76,41 ± 8,70	32,35 ± 4,49	86,37 ± 4,43
		НЗ, N=13	28,81 ± 1,06	81,61 ± 5,67	34,80 ± 1,59**	96,68 ± 4,63**

		НС, N=12	36,61 ± 1,28•	119,63 ± 7,91•	40,17 ± 4,19	141,29 ± 4,97••
Д	З, N=27	28,07 ± 2,25	71,64 ± 5,63	30,70 ± 2,51	84,08 ± 3,51	
	НЗ, N=16	27,39 ± 1,82	76,61 ± 4,56	30,64 ± 1,57	92,48 ± 5,39••	
	НС, N=11	40,44 ± 2,27•	124,35 ± 9,62•	42,80 ± 5,38	141,70 ± 7,09	

Примечания: З – здоровые, НЗ – дети с нарушением зрения, НС – с нарушением слуха; М – мальчики, Д – девочки; • – достоверные различия с показателями здоровых сверстников; •• – с показателями покоя, при $p \leq 0,05$

У мальчиков с нарушением слуха выявлено достоверное снижение координации движений в период с 4 до 6 лет. У мальчиков 7–10 лет ошибка воспроизведения точности движений имела противоположное значение, по сравнению со здоровыми детьми, что свидетельствует об особенностях механизмов адаптации при нарушениях слуха у детей младшего школьного возраста. У девочек после 5-летнего возраста данный показатель практически не изменялся.

У детей с нарушением слуха показатель точности определения временных отрезков с возрастом изменялся неравномерно. Достоверное снижение отмечается у мальчиков 4, 5 и 8 лет, а у девочек – 5 и 7 лет.

А Б Рис. 2. Возрастные изменения показателей

кинематометрии и хронометрии у

детей с 4 до 10 лет с сенсорными нарушениями : З – здоровые дети, НЗ – дети с нарушением зрения, НС – с нарушением слуха; А – у мальчиков, Б – у девочек; * – достоверные различия с показателями здоровых сверстников, при $p \leq 0,05$

Выявленные нами особенности нейродинамических показателей у детей с сенсорными нарушениями сочетались с изменениями биоэлектрической активностью мозга у них, по сравнению со здоровыми детьми. Так, у младших школьников с *нарушением зрения* в покое амплитуда α -ритма, в отличие от здоровых школьников, выше над правым полушарием (у здоровых над левым), а частота α -ритма, также как и у здоровых детей, выше над правым полушарием. Альфа-ритм доминирует, в отличие от здоровых детей, над правым полушарием в височных отведениях, а над левым – в центральных отведениях (у здоровых – в затылочных). Межполушарная асимметрия α -ритма по амплитуде выявлена у 33 % детей и у такого же количества детей наблюдается асимметрия по амплитуде и частоте (у здоровых детей 50 % и 20 % соответственно).

У младших школьников с нарушением слуха значения амплитуды α -ритма над правым полушарием были несколько меньше, чем над левым, а доминирующая частота – выше. Амплитуда α -ритма у детей с нарушением слуха, по сравнению со здоровыми и с нарушением зрения, была несколько выше над обоими полушариями. Альфа-ритм доминирует над правым полушарием в затылочных отведениях (60 %), а над левым – в центральных (53 %). У 70,5 % детей наблюдается межполушарная асимметрия α -ритма по амплитуде, у 12 % – по частоте и у 17,6 % – по частоте и амплитуде, т.е. картина электроэнцефалографии альфа-активности свидетельствует о продолжающихся у этих детей компенсаторных изменениях в межполушарных взаимоотношениях.

Таким образом, наши данные свидетельствуют об усилении возрастного гетерохронизма в развитии психофизиологических функций при сенсорных нарушениях. Это усиление является отражением напряженности адаптационных процессов у таких детей. Функциональная напряженность является той «ценой» адаптации, которую организм платит за создание оптимальных условий жизнедеятельности на разных возрастных этапах у детей с сенсорными нарушениями.

Гетерохронизм морфофункциональных изменений, как известно, является необходимым условием оптимальных возрастных адаптационных изменений. Судя по нашим данным, существует не только гетерохронизм возрастных из-

менений, но и гетерохронизм адаптационно-компенсаторных изменений при нарушениях этого развития. По-видимому, целесообразно с физиологической точки зрения снизить уровень активности регуляторных процессов компенсаторных изменений с целью сохранения резервов для возрастного развития. С этой точки зрения оправдано использование средств релаксации.

Библиографический список

1. Александров, Ю.И. Практикум по психофизиологии / Ю.И. Александров. – М.: Высшая школа, 2004. – 324 с.
2. Алфёрова-Попова, Т.В. Утомление и восстановление при локальной работе /Т.В. Алфёрова-Попова. – Челябинск: ОГИФК, 1990. – 27 с.
3. Аршавский, И.А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития / И.А. Аршавский. – М.: Наука, 1982. – 270 с.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 454 с.
5. Меерсон, Ф.З. Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам / Ф.З. Меерсон. – М.: Медицина, 1988. – 256 с.
6. Saw, S.M. Myopia: Attempts to Arrest Progression / S.M. Saw, G. Gazzard // Brit. J. Ophthalmol. – 2002. – V. 86, № 11. – P. 1306–1311.

Bibliography

1. Alexandrov, Yu.I. Practical Work on Psychophysiology / Yu.I. Alexandrov. – M: Higher School, 2004. – 324 p.
2. Alfyorova-Popova, T.V. Exhaustion and Restoration at Local Work / T.V. Alfyorova-Popova. – Chelyabinsk: OSIPhT, 1990. – 27 p.
3. Arshavsky, I.A. Physiological Mechanisms and Laws of Individual Development / I.A. Arshavsky. – M: Science, 1982. – 270 p.
4. Ilyin, E.P. Differential Psychophysiology / E.P. Ilyin. - SPb: Peter, 2001. – 454 p.
5. Meerson, F.Z. Adaptation to Stress Situations and Physical Activities / F.Z. Meerson. – M: Medicine, 1988. – 256 p.
6. Saw, S.M. Myopia: Attempts to Arrest Progression / S.M. Saw, G. Gazzard // Brit. J. Ophthalmol. – 2002. – V. 86, № 11. – P. 1306–1311.

УДК 612.8:153
ББК 28.991:88.32

Кондратьева Ольга Генриховна
преподаватель кафедры
педагогике и психологии
Уфимский филиал ГОУ ВПО «Московский
государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова»
г.Уфа

Башкатов Сергей Александрович
доктор биологических наук,
профессор
кафедра общей психологии Восточная
экономико-юридическая гуманитарная академия
г.Уфа

Kondratyeva Olga Genrikhovna
Lecturer
Chair of Pedagogy and Psychology
Ufa Branch
Moscow State Liberal Arts University named after M.A. Sholokhov
Ufa

Bashkatov Sergey Alexandrovich
Doctor of Biology,
Professor
Chair of General Psychology
Eastern Economic-and-Law Liberal Academy
Ufa

**Изменение α -ритма ЭЭГ при формировании синдрома эмоционального
выгорания у педагогов общеобразовательных школ**
**Change in the EEG α -rhythm While High School Teachers' Emotional Burning
Out Syndrome Forming**

В статье представлены результаты изучения α -ритма у педагогов общеобразовательных школ с различными уровнями сформированности синдрома эмоционального выгорания (СЭВ). Полученные результаты свидетельствуют, что амплитудная асимметрия α -ритма прогрессивно увеличивается по мере формирования отдельных фаз СЭВ. При этом амплитуда и индекс α -ритма прогрессивно снижаются.

The article presents the results of studying the α -rhythm of high school teachers with different levels of the emotional burning out syndrome forming. The results obtained testify that the amplitude asymmetry of α -rhythm progressively increases in proportion to the independent emotional burning out syndrome phases forming. In this case the amplitude and index of α -rhythm are progressively reduced.

Ключевые слова: электроэнцефалография(ЭЭГ), α -ритм, β -ритм, эмоциональное выгорание, педагоги.

Key words: electroencephalography (EEG), α -rhythm, β -rhythm, emotional burning out, teachers.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений в прикладных исследованиях стресса является его изучение в контексте профессиональной деятельности человека. С этих позиций стресс понимается как результат дисбаланса между внутренними ресурсами работающего человека и требованиями внешней среды, воплощенными в особенностях конкретной трудовой ситуации [2; 4]. Говоря о профессиональном стрессе, нельзя не упомянуть термин «эмоциональное выгорание» (burnout), введенный американским психиатром Н.Д. Фреуденбергер в 1974 году [16] для оценки психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с другими людьми в эмоционально насыщенной атмосфере профессиональной деятельности. Интерес к исследованию синдрома выгорания возрос после того, как американские ученые К. Маслач и С. Джексон систематизировали описательные характеристики данного синдрома и разработали опросник для его количественной оценки (Maslach C, Jackson S.E., 1986) [17; 18]. Согласно авторам опросника, синдром выгорания проявляется в трех группах переживаний:

- эмоциональном истощении – переживание опустошенности и бессилия;
- деперсонализации – дегуманизация отношений с другими людьми (проявление черствости, бессердечности, цинизма или грубости);
- редукации личных достижений – занижение собственных достижений, потеря смысла деятельности и желания вкладывать личные усилия на рабочем месте.

К настоящему времени опубликовано достаточно большое количество работ, авторы которых нашли статистически значимые корреляции между показателями стресса, особенностями профессиональной деятельности в системе «человек-человек», электрофизиологическими показателями [6; 7; 9; 11; 12; 15]. Многие исследователи считают ЭЭГ-параметры весьма перспективными диагностическими критериями стресса [4; 5].

Чувствительность α -ритма к эмоциональному напряжению хорошо известна всем, кто работает с электроэнцефалограммой (ЭЭГ) человека. Однако его способность подавляться разнообразными состояниями напряженности, в

т.ч. кратковременными и даже незаметными для испытуемого, не используется широко в диагностике психологических нарушений и исследовании их механизмов. Временная структура α -ритма может представлять большой интерес в связи с тем, что она, вероятно, в той или иной степени может отражать временные вариации эмоционального напряжения. Основные нарушения биоэлектрической активности при стрессе наблюдаются в диапазоне α -ритма: снижаются амплитудные значения и индекс; α -ритм выражен вспышками, длительностью до нескольких секунд, отделенными друг от друга участками низкоамплитудной полиморфной медленной активности. Перерывы между вспышками α -ритма могут быть также заполнены плоской ЭЭГ.

Попытки разработки диагностических средств на основе анализа α -ритма предпринимались лишь в отдельных работах [4; 9; 10]. Возможно, это связано с общим недостатком внимания к диагностической ценности оценок вариативности компонентов ЭЭГ.

В настоящее время серьезной социальной проблемой является профессиональное выгорание работников педагогических специальностей [7; 8], поэтому в рамках изучения его психофизиологических механизмов мы предположили, что существуют различия показателей α -ритма на различных этапах формирования профессионального выгорания.

В исследовании приняли участие 318 педагогов в возрасте от 21 до 63 лет общеобразовательных школ г. Уфы. Изучение уровня стресса проводилось с использованием опросника «Шкала профессионального стресса» Ч.Д. Спилбергера в адаптации О.М. Радюка [13]. При профилактике и диагностике эмоционального состояния особое значение придается так называемой нервно-психической устойчивости, которая является отражением одновременно психического и соматического уровня здоровья индивида. Уровень нервно-психической устойчивости определяли с помощью методики «Прогноз» [13], разработанной в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова.

Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [13] позволяет диагностировать ведущие симптомы «эмоционального выгора-

ния» и определить, к какой фазе развития стресса они относятся: «напряжения», «резистенции», «истощения».

Всем испытуемым была сделана фоновая запись ЭЭГ в состоянии спокойного бодрствования с закрытыми глазами. ЭЭГ регистрировали от 16 отведений, расположенных в симметричных точках правого и левого полушарий по системе «десять-двадцать». Анализ ЭЭГ осуществлялся с помощью компьютерной программы "Нейрокартограф-3.55". Патологическими изменениями для α -ритма были определены следующие: постоянное наличие α -ритма (индекс более 50%); амплитудная межполушарная асимметрия более 30%; изменения количественных параметров: снижение амплитуды ниже 20 мкВ или повышение свыше 90 мкВ, снижение индекса α -ритма ниже 50% вплоть до полного его отсутствия. Для β -ритма - амплитудная межполушарная асимметрия – более 50%, повышение амплитуды – более 7 мкВ. Полученные данные статистически обрабатывали: рассчитывали средние значения, стандартные отклонения, средние значения сравнивали с помощью t-критерия Стьюдента.

В таблице 1 приведены средние значения и стандартные отклонения амплитудной асимметрии α -ритма на разных уровнях сформированности фаз (первой, второй и третьей) СЭВ. В таблице 2 – результаты сравнения средних значений по t-критерию Стьюдента.

Таблица

1 Средние значения и стандартные отклонения амплитудной асимметрии α -ритма на разных уровнях сформированности фаз СЭВ

Сравниваемые группы	n	M±m
Ампл.асимметрия α -ритма – несформированная фаза напряжения	47	21,17±3,49
Ампл. асимметрия α -ритма – формирующаяся фаза напряжения	169	23,99±6,23
Ампл. асимметрия α -ритма – сформированная фаза напряжения	101	33,51±7,54
Ампл.асимметрия α -ритма – несформированная фаза резистенции	96	21,56±3,83
Ампл.асимметрия α -ритма – формирующаяся фаза резистенции	181	27,52±7,81
Ампл. асимметрия α -ритма – сформированная фаза резистенции	41	34,48±8,08
Ампл.асимметрия α -ритма – несформированная фаза истощения	156	23,29±5,76
Ампл.асимметрия α -ритма – формирующаяся фаза истощения	138	28,95±7,99
Ампл.асимметрия α -ритма – сформированная фаза истощения	24	35,56±9,37

Примечание : n-количество испытуемых, M – среднее значение, m – стандартное отклонение.

Таблица 2

Результаты сравнения средних значений амплитудной асимметрии α -ритма разных уровней сформированности фаз СЭВ

Сравниваемые группы	Среднее1	Среднее2	t-value	df	p	n1	n2
ААальфа Н1 и ААальфа Н2	21,17	23,99	-2,97	214	0,003261	47	169
ААальфа Н1 и ААальфа Н3	21,17	33,51	-10,68	146	0,0000001	47	101
ААальфа Н2 vs. ААальфа Н3	23,99	33,51	-11,21	268	0,0000001	169	101
ААальфа Р1 vs. ААальфа Р2	21,56	27,52	-7,03	275	0,0000001	96	181
ААальфа Р1 vs. ААальфа Р3	21,56	34,48	-12,7	135	0,0000001	96	41
ААальфа Р2 vs. ААальфа Р3	27,52	34,48	-5,11	220	0,0000001	181	41
ААальфа И1 vs. ААальфа И2	23,29	28,95	-7,03	292	0,0000001	156	138
ААальфа И1 vs. ААальфа И3	23,29	35,56	-8,72	177	0,0000001	156	24
ААальфа И2 vs. ААальфа И3	28,95	35,56	-3,57	159	0,000456	138	24

Примечание: df – количество степеней свободы, p – вероятность нулевой гипотезы; жирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Из таблиц 1 и 2 следует, что амплитудная асимметрия α -ритма статистически достоверно возрастает по мере формирования фазы напряжения соответственно на 13 и 38%; фазы резистенции – 21 и 39%; фазы истощения – 20 и 35%.

В таблице 3 приведены средние значения и стандартные отклонения амплитуды α -ритма на разных уровнях сформированности фаз СЭВ. В таблице 4 – результаты сравнения средних значений по t-критерию Стьюдента.

Таблица 3

Средние значения и стандартные отклонения амплитуды α -ритма на разных уровнях сформированности фаз СЭВ

Сравниваемые группы	n	M±m
Амплитуда α -ритма – несформированная фаза напряжения	47	55,23±11,20
Амплитуда α -ритма – формирующаяся фаза напряжения	169	50,04±16,93
Амплитуда α -ритма – сформированная фаза напряжения	102	31,07±17,92
Амплитуда α -ритма – несформированная фаза резистенции	95	55,51±11,52
Амплитуда α -ритма – формирующаяся фаза резистенции	181	42,61±19,11
Амплитуда α -ритма – сформированная фаза резистенции	42	29,52±19,53
Амплитуда α -ритма – несформированная фаза истощения	156	53,04±15,31
Амплитуда α -ритма – формирующаяся фаза истощения	138	38,50±18,50
Амплитуда α -ритма – сформированная фаза истощения	24	25,13±17,86

Таблица 4

Результаты сравнения средних значений амплитуды α -ритма разных уровней сформированности фаз СЭВ

Сравниваемые группы	Среднее1	Среднее2	t-value	df	p	n1	n2
Альфа Н 1 vs. Альфа Н 2	55,23	50,04	1,986	214	0,048364	47	169
Альфа Н 1 vs. Альфа Н 3	55,23	31,07	8,505	147	0,000001	47	102
Альфа Н 2 vs. Альфа Н 3	50,04	31,07	8,739	269	0,000001	169	102
Альфа Р 1 vs. Альфа Р2	55,51	42,61	6,023	274	0,000001	95	181
Альфа Р 1 vs. Альфа Р3	55,51	29,52	9,718	135	0,000001	95	42
Альфа Р2 vs. Альфа Р3	42,61	29,52	3,98	221	0,000092	181	42
Альфа И1 vs. Альфа И2	53,04	38,50	7,368	292	0,000001	156	138
Альфа И1 vs. Альфа И3	53,04	25,13	7,983	177	0,000001	156	24
Альфа И2 vs. Альфа И3	38,50	25,13	3,224	159	0,001535	138	24

Из таблиц 3 и 4 следует, что амплитуда α -ритма статистически достоверно снижается по мере формирования фазы напряжения соответственно на 10 и 44%; фазы резистенции – 24 и 48%; фазы истощения – 29 и 53%.

В таблице 5 приведены средние значения и стандартные отклонения индекса α -ритма на разных уровнях сформированности фаз СЭВ. В таблице 6 – результаты сравнения средних значений по t-критерию Стьюдента.

Таблица 5

Средние значения и стандартные отклонения индекса α -ритма на разных уровнях сформированности фаз СЭВ

Сравниваемые группы	n	M±m
Индекс α -ритма – несформированная фаза напряжения	47	72,13±8,42
Индекс α -ритма – формирующаяся фаза напряжения	169	71,22±11,54
Индекс α -ритма – сформированная фаза напряжения	102	54,94±15,44
Индекс α -ритма – несформированная фаза резистенции	102	73,20±9,08
Индекс α -ритма – формирующаяся фаза резистенции	175	65,35±14,61
Индекс α -ритма – сформированная фаза резистенции	41	51,90±15,49
Индекс α -ритма – несформированная фаза истощения	157	71,60±10,46
Индекс α -ритма – формирующаяся фаза истощения	136	62,33±15,38
Индекс α -ритма – сформированная фаза истощения	25	51,92±17,9

Таблица 6

Результаты сравнения средних значений индекса
 α -ритма разных уровней сформированности фаз СЭВ

Сравниваемые группы	Среднее1	Среднее2	t-value	df	P	n1	n2
И альфа Н1 vs. И альфа Н2	72,13	71,22	0,500	214	0,617385	47	169
И альфа Н1 vs. И альфа Н3	72,13	54,94	7,149	147	0,000001	47	102
И альфа Н2 vs. И альфа Н3	71,22	54,94	9,884	269	0,000001	169	102
И альфа Р1 vs. И альфа Р2	73,20	65,35	4,90	275	0,000002	102	175
И альфа Р1 vs. И альфа Р3	73,20	51,90	10,21	141	0,000001	102	41
И альфа Р2 vs. И альфа Р3	65,35	51,90	5,247	214	0,000001	175	41
И альфаИ1 vs. И альфаИ2	71,69	62,33	6,16	291	0,000001	157	136
И альфаИ1 vs. И альфа И3	71,69	51,92	7,83	180	0,000001	157	25
И альфаИ2 vs. И альфа И3	62,33	51,92	3,031	159	0,002845	136	25

Из таблиц 5 и 6 следует, что индекс α -ритма статистически достоверно снижается по мере формирования фазы напряжения соответственно на 25%; фазы резистенции – 11 и 35%; фазы истощения – 12 и 28 %.

Полученные результаты свидетельствуют, что амплитудная асимметрия α -ритма прогрессивно увеличивается по мере формирования отдельных фазсиндрома эмоционального выгорания. При этом амплитуда и индекс α -ритма прогрессивно снижаются.

В настоящее время доказано [1; 13], что α -ритм отражает предметность зрения и квантование внешних стимулов. Не вызывает сомнений, что в случае синдрома профессионального выгорания стрессовое воздействие осуществляется внешними стимулами и носит предметный характер. Амплитудная асимметрия α -ритма, снижение его амплитуды в целом нарушают прежде всего познавательные процессы и, как следствие этого, восприятие педагогом внешней и внутренней реальности, приводящего к формированию редукции профессиональных обязанностей. Иными словами в этой ситуации мы теряем педагога как полноценного участника педагогического процесса.

Выявленные закономерности позволяют рекомендовать шире использовать энцефалографию в качестве диагностического инструментария формирования стресс-реакции и эффективности ее коррекции у представителей педагогических профессий.

Библиографический список

1. Александров Ю.И. Психофизиология: Учебник для вузов. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2004 – 464 с.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром «выгорания» в профессиях «человек-человек»: Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под редакцией Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Ситкова – СПб.: Речь, 2003. – С. 276-282.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.
4. Данилова Н.Н. Психофизиологическая диагностика функциональных состояний: учебное пособие [Текст]. / Н.Н. Данилова – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 192 с.
5. Дубровинская Н.В., Фарбер Д.А., Безруких М.М. Психофизиология ребенка. – М.: Владос, 2001. – 144 с.
6. Звягина Н.В., Вершинина И.В. Возрастные особенности пространственной организации биоэлектрической активности мозга в процессе зрительного восприятия. // Материалы IV Международной конференции по когнитивной науке. – Томск, 2010.
7. Морева Е.В. Источники стресса в педагогической деятельности [Текст] / Е.В. Морева // Научно-методические проблемы развития общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин в вузе: Материалы Всерос. научно-методической конференции. – Тверь, 2005. – С. 73-75.
8. Идобаева О.А., Подольский А.И. Проблема стресса в профессиональной деятельности педагога // Прикладные исследования, 2005. – №4.- С.102=106.
9. Кануников И.Е., Белов Д.Р. Пространственная синхронизация ЭЭГ как системный показатель деятельности мозга. Материалы IV Международной конференции по когнитивной науке. – Томск, 2010.
10. Островская Т.В. Методы математического анализа электрической активности мозга человека, укладывающейся в понятие «норма» // Архив клинической и экспериментальной медицины. – 2001. – Т10. - №3. – С. 272-276.
11. Пасечник И.В., Вартанов А.В., Захаров И.А.. Методы анализа электроэнцефалографических данных в задачах исследования мозговых механизмов семантических процессов. // Материалы IV Международной конференции по когнитивной науке. – Томск, 2010.
12. Плотников Д.В., Козаренко Л.А., Захарова Л.И. Факторная структура общемозговых индикаторов фоновой ЭЭГ человека // Университетская наука: теория, практика, инновации. Сборник 73-й научной конференции КГМУ - Курск: ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2008. – Т.1. – С.87-91.
13. Райгородский Д. Я., Практическая психодиагностика. Методики и тесты. — М.: Издательство Бахрах. , 2006—672 с.
14. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. – М.: Наука, 1975.
15. Шишкин С.Л., Борисов С.В., Левичкина Е.В., Каплан А.Я. Перспективы анализа временной структуры альфа-ритма ЭЭГ человека и ее пространственной синхронности в психофизиологической диагностике // «Стресс и поведение». - Материалы VI Международной междисциплинарной конференции по биологической психиатрии. – Москва, 2001.
16. Freudenberger H.J. Staff Burn-Out //Journal of Social Issues. - 1974. - V. 30. P. 159–165.
17. Maslach, C. Burnout: A Social Psychological Analysis. In The Burnout Syndrome Ed. J.W. Jones, P. 30–53, Park Ridge, IL: London House, 1982.
18. Maslach, C. and Jachson, S.E. The Measurement of Experienced Burnout. Journal of Occupational Behaviour, 2, 99–113, 1981.

Bibliography

1. Alexandrov, Yu.I. Psychophysiology: Textbook for Higher Education Institution. 3rd Ed. - St. Petersburg: Peter, 2004 - 464 p.

2. Danilova, N.N. Psychophysiological Diagnostics of Functional States: Study Guide. - M.: Publishing House of MSU, 1992. - 192 p.
3. Dubrovinskaya, N.V., Farber, D.A., Bezrukikh, M.M. Psychophysiology of a Child. - M.: Vldos, 2001. - 144 p.
4. Freudenberger H.J. Staff Burn-Out //Journal of Social Issues. - 1974. - V. 30. P. 159–165.
5. Idobaeva, O.A., Podolsky, A.I. Stress Problem in a Teacher's Professional Activity // Applied Research, 2005. - №4. - P. 102-106.
6. Kanunikov, I.E., Belov, D.R. Three-dimensional EEG Synchronization as a System Index of Brain Activity // The Materials of IV International Conference on the Cognitive Science. - Tomsk, 2010.
7. Maslach, C. Burnout: A Social Psychological Analysis. In The Burnout Syndrome Ed. J.W. Jones, P. 30–53, Park Ridge, IL: London House, 1982.
8. Maslach, C. and Jackson, S.E. The Measurement of Experienced Burnout. Journal of Occupational Behaviour, 2, 99–113, 1981.
9. Moreva, E.V. Stress Sources in Pedagogical Activity // Scientific-and-Methodological Problems of the General Nonscience and Natural-and-Scientific Disciplines Development at Higher School: Materials of Scientific-and-Methodological Conference. - Tver, 2005. - P. 73-75.
10. Ostrovskaya, T.V. Mathematical Analysis Methods of Man's Brain Electrical Activity Corresponding the Concept of "Standard" // The Archive of Clinical and Experimental Medicine. - 2001. - V.10. - №3. - P. 272-276.
11. Pasechnik, I.V., Vartanov, A.V., Zakharov, I.A. Methods of the Electroencephalographic Data Analysis in the Tasks Investigating the Cerebral Mechanisms of Semantic Processes. // The Materials of IV International Conference on the Cognitive Science. - Tomsk, 2010.
12. Plotnikov, D.V., Kozarenko, L.A., Zakharov L.I. Factor Structure of the General Cerebral Indicators of a Man's Background EEG // The University Science: Theory, Practice, Innovation. Collection of 73th Scientific Conference of KSMU. - Kursk: 2008. - V.1. - P.87-91.
13. Raygorodsky, D.I., Practical Psychodiagnostics. Procedures and Tests. - M.: Bakhrakh Publishing House, 2006 - 672 p.
14. Shishkin, S.L., Borisov, S.V., Levichkina, E.V., Kaplan, A.Ya. Prospects for the Analysis of the Time Structure of the Alpha-Rhythm of a Man's EEG and Its Three-Dimensional Synchronization in Psychophysiological Diagnostics // "Stress and Behaviour". - The Materials of VI International Interdisciplinary Conference on Biological Psychiatry. - Moscow, 2001.
15. Simonov, P.V. The Higher Nervous Activity of a Man. Motivational-and-Emotional Aspects. - M.: Science, 1975.
16. Vodopyanova, N.E. "Burning Out" Syndrome in "Man-Man" Professions: Practical Course in Management Psychology and Professional Activity / Edited by G.S. Nikiforov, M.A. Dmitrieva, V.M. Sitkov. - St. Petersburg: Speech, 2003. - P. 276-282.
17. Vodopyanova, N.E., Starchenkova, E.S. Burning Out Syndrome: Diagnostics and Preventive Measures. - St. Petersburg: Peter, 2005. - 336 p.
18. Zvyagina, N.V., Vershinina, I.V. The Special Features of the Three-Dimensional Organization of the Brain Bioelectric Activity in the Process of Visual Perception // The Materials of IV International Conference on the Cognitive Science. - Tomsk, 2010.

Информация о научном журнале

«Вестник Челябинского государственного педагогического университета»

ISSN 1997-98-86

Журнал учреждён ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет». Свидетельство о регистрации журнала ПИ № 77-14171 выдано от 20 декабря 2002г. Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора наук по педагогике и психологии, филологии и искусствоведению, биологическим наукам и физике (список принят в апреле 2008 ВАК Российской Федерации).

Журнал включен в Реферативный журнал и Базу данных ВИНТИ. Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Журнал распространяется по подписке – индекс 70095 в каталоге «Роспечать».

В журнале публикуются результаты исследований учёных.

Качество публикуемых статей контролируется редколлекцией, в состав которой входят ведущие ученые ГОУ ВПО «ЧГПУ», других вузов России и зарубежных стран.

Правила оформления рукописи статьи

Рукопись статьи, объемом не менее 8 страниц, должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *. doc или *. rtf шрифтом Times New Roman Cyr, 14 pt, интервал – 1,5, все поля по 20 мм. В начале статьи помещаются УДК и ББК, фамилия, имя, отчество автора (авторов), ученая степень, ученое звание, город, аннотация объемом 5-6 строк, ключевые слова. Все эти данные предоставляются также на английском языке (см. образец в архиве).

Содержащиеся в статье формулы и символы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation. Рисунки должны быть размещены в тексте статьи, ссылки на рисунки в тексте обязательны. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка и страницы, список размещается в конце статьи с соблюдением ГОСТ 7.1 2003 www.bibliography.ru. (Например, Игнатьева, Т.М. Педагогическое управление [Текст] / Т.М. Игнатьева. – М. : Флинта, 2006. – 198 с.). Постраничные сноски должны иметь сквозную нумерацию. В конце статьи указываются сведения об авторе (авторах) – место работы: вуз, факультет, кафедра, учёная степень, ученое звание, шифр специальности, согласно номенклатуре научных работников, адрес электронной почты, контактные телефоны, почтовый адрес.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе также предоставляются на английском языке после русской версии.

Рукопись статьи подписывается автором (авторами) с фразой: «статья публикуется впервые» и датой.

В редакцию журнала рукопись статьи передается в распечатанном виде на бумаге формата А4 и в электронном виде одним файлом по электронной почте vestnikvak@cspu.ru. или на диске. Публикация статей аспирантов осуществляется бесплатно.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

Адрес редакции журнала: 454000, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69, офис 450, редакция журнала «Вестник ЧГПУ».

Тел. 8 (351) 239-37-34. Консультации 12:00-16:00 (Катерина).

Электронная почта редакции vestnikvak@cspu.ru, ekaterina_v87@bk.ru

Ответственный редактор журнала – доктор педагогических наук, профессор

Елена Юрьевна Никитина.

**ВЕСТНИК ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**Научный журнал
№ 9 2010 г.**

Отпечатано и сброшюровано в

ООО «Полиграф-Мастер»

г. Челябинск, ул. Академика Королева, 26

тел.: (351) 281-01-64, 281-01-65, 281-01-

66 E-mail: P-master78@mail.ru

Подписано в печать 27.07.2010. Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. _____. Тираж 500 экз. Заказ № _____